

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ

ЧАША БУРЬ

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ

ЧАША БУРЬ

Р о м а н

МОСКВА
"МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1985

84Р7
Щ61

Художник Т. ДРОЗДОВА

Щ $\frac{4702010200-133}{078(02)-85}$ 149—85

© Издательство «Молодая гвардия», 1985 г.

ПРОЛОГ. ТЕНЬ В КРУГЕ

ПЕРЕПИСКА

«Небо светлело, и лучи коснулись снегов, разбросав желтые угли по сугробам. Далеко, за лесами и полями, готовился к отлету межзвездный снаряд. Теперь Эрто, пожалуй, не поспел бы к старту. Путь его пролегал в иных измерениях, где гармония космических пустот уступала место ритмам холмов и перелесков, мерной текучести земных ветров...»

Я начинаю письмо строчками из рассказа, который хорошо Вам знаком. Герои его — зеленые человечки. Верите ли Вы в странных, неуловимых пришельцев? Если да, то не противоречит ли это невыдуманной гармонии космических пустот и подлинным фактам?

Когда-то европейцы высадились на Азорских островах, затерянных посреди Атлантики, на полпути между Европой и Америкой. И что же? На самом западном острове этого необитаемого архипелага они обнаружили древнее каменное изваяние: великан-всадник простирает руку через океан, туда, где находилась Америка. Быть может, эта история в числе других ведет нас в незапамятные времена, когда контакты с пришельцами были обычны? Не вспомнить ли кстати атлантов и Атлантиду, Шамбалу, Беловодье и Лемурию?.. ИРИНА ЛАТЫШЕВА.

* * *

...Уверен, что в бесконечной Вселенной найдутся и обитаемые миры. Об этом говорил еще Джордано Бруно, за что осужден святой инквизицией и сожжен на костре. Зеленые человечки — собирательное имя пришель-

цев, оно в ходу у скептиков. Не знаю, как вели бы себя последние, окажись они вдруг в прошлом, во времена Бруно. Не исключено, что они помогали бы инквизиторам подкладывать дрова в костер.

Об исторических параллелях. Я знаком, к примеру, с ученым, который доказал, что в Приднепровье во втором тысячелетии до нашей эры говорили примерно на том же языке, что и в Этрурии. Славянские имена богов, оказывается, древнее, чем можно вообразить. Но для меня это отнюдь не свидетельство палеоконтактов. Просто после Троянской войны праславяне-этруски переселились на Апеннинский полуостров и принесли туда с собой культуру Триполья. Нет пока доказательств существования и общей колыбели многих языков и племен — Атлантиды. Бронзоволикие, светлоглазые, почти двухметрового роста атланты скорее всего потомки кроманьонцев, расселившихся по Европе, а не космических пришельцев. Будут найдены когда-нибудь и предки кроманьонцев, занимающих сейчас обособленное, отграниченное снизу место на верхней ступени эволюции. АВТОР ЗАИНТЕРЕСОВАВШЕГО ВАС РАССКАЗА.

* * *

Благодарю за письмо. Не знаю, вправе ли я говорить с Вами о том, что меня волнует (сомнения эти, бесспорно, могут кому-нибудь показаться не заслуживающими внимания), но позвольте все же узнать: как отнеслись бы Вы к терпящим бедствие на чужой планете? ИРИНА.

* * *

Если когда-нибудь мне представится возможность помочь терпящим бедствие, я немедленно это сделаю. Но о чем речь? Мы еще не достигли других планет и

вряд ли приходится рассчитывать на это в ближайшее время. (Автоматические корабли и космические станции не в счет.) Кто именно и где попал в беду? ВЛАДИМИР.

* * *

Меня не устраивает Ваш ответ. Разве Вы не догадались, что именно я хотела сказать? Вы же фантаст. Потому я и обратилась к Вам, что мне трудно найти человека, готового понять меня. И теперь, когда нужно проявить хоть немного смелости, Вы пасуете. Разумеется, попал в сложную ситуацию не земной корабль. (Призовите на помощь рассуждения о множественности обитаемых миров!) Представьте себе обычную, в общем, ситуацию. Пятеро инопланетян изучали Землю. Трое находились на окололунной орбите вместе с кораблем. Двое спускались на Землю на десантном боте (так, кажется, называются малые исследовательские суда). Были собраны гербарии, коллекции, сняты копии книг и видовых фильмов. Бот приземлялся много раз, часто в труднодоступных районах — в горах, пустынях, на безжизненных островах. Разумеется, случалось это и в обитаемых районах, но бот тотчас уходил в отдаленные укрытия. В последнем десанте участвовал всего один инопланетянин — из-за недомогания второго десантника. И вот этот инопланетянин остался один в районе Туле, на западном побережье Гренландии, потому что бот был сбит. Для меня остается загадкой, почему не сработала гравизащита, мгновенно уводящая боевую ракету с курса. По несчастью, бот был принят за разведывательный самолет без опознавательных знаков. ИРИНА.

* * *

Признаться, меня весьма озадачило Ваше письмо. Быть может, Вы решили написать фантастический рас-

сказ и в столь необычной форме делитесь со мной замыслом? Как все это понимать? ВЛАДИМИР.

* * *

Неужели эта простенькая история вызывает у Вас недоумение? Хорошо же. Высылаю фото десантного бота. Можете обратиться к специалистам: они подтвердят, что снимок подлинный. ИРИНА.

* * *

Получил фото. Благодарю Вас. Чем я могу быть полезен уцелевшему десантнику? И еще: каким образом у Вас оказалось фото? И вообще, при чем тут Вы? Извините за резкость, но шутка Ваша, если только это шутка, мне все же непонятна. ВЛАДИМИР.

* * *

Вы спрашиваете, при чем тут я? Но потрудились ли Вы показать снимок эксперту? Если нет, прошу это сделать. Собственно, только после этого можно было бы объяснить Вам, при чем тут я. Но я сделаю это сейчас, несколько опережая события. Десантник, который остался в одиночестве на гренландском побережье, — женщина. Еще точнее: это я. ИРИНА.

* * *

Экспертиза подтвердила подлинность снимка, и все же я поставлен перед необходимостью получить от Вас новые доказательства достоверности происшедшего, не говоря уже о Вашем личном участии в этой предполагаемой экспедиции. Плохо представляю себе даже тео-

ретически, как ракета может сбить инопланетный бот, снабженный гравизащитой. Ведь основное требование к этой защите — надежность именно в подобных ситуациях, не так ли? ВЛАДИМИР.

* * *

Да, это так. Я уже писала, что для меня осталась загадкой история со злополучной ракетой близ Тулэ...

Представляю себе, что получилось бы, если бы я обратилась к человеку менее осведомленному. Это похоже на известную притчу (сборник притч погиб, к сожалению, вместе со многими другими материалами нашей экспедиции). Что делать в моем положении? Вы и представить себе не можете, какие неожиданности подстерегали меня, когда я тайком пробиралась к ближайшему порту, чтобы оказаться наконец на борту норвежского траулера. Не буду описывать свои злоключения, Вам не дано их понять. В конце концов меня подобрали туристы-лыжники, и началась моя новая жизнь, под чужим именем, естественно. Так я оказалась в Мурманске, потом — в Петрозаводске. Во время своих странствий я искала человека, который мог бы мне поверить. Выбор пал на Вас. Случайность? Возможно. Я вызвала Вас на откровенность своим первым письмом. Теперь я убедилась, что диалог утомителен, нелегко. И почему это люди, увлеченные какой-то идеей, часто проходят мимо ее воплощения, даже не узнавая родное детище? Вам нужны новые доказательства? Пусть будет так. Высылаю конверт с гибким листом. На листе или, лучше сказать, в листе смонтированы преобразователь и приемопередатчик для связи с околотунным кораблем. Там, на дальней орбите, они еще ничего не знают о судьбе очередного десанта. Прошло лишь два месяца по вашему календарю, а программа рассчитана на пять. Вы сами сделаете то, что должна сделать я: дадите им знать о происшедшем. Вы должны достать долгоиграю-

щую пластинку с записью Сонаты ми-минор Корелли. Включите проигрыватель, поставьте пластинку и, держа за уголок лист, который я выслала, прочитайте вслух мое третье письмо к Вам, начиная со слов: «Пятеро инопланетян изучали Землю...» Музыка служит нам для передачи модулированных сообщений в пространстве (она — ключ, который передается вместе с самим сообщением). Кроме того, музыка не вызывает помех коротковолновикам. Но будьте уверены: самые чувствительные в Солнечной системе приемники настроены на сонату Корелли. Вы тотчас получите ответ, точнее, знак, что передача принята на борту. Тем самым Вы поможете мне: до сих пор я не смогла достать пластинки с записью Корелли. ИРИНА.

* * *

Я сделал все, о чем Вы просили меня. Когда зазвучала соната, я прочитал третье Ваше письмо. Как только я произнес фразу о самолете, гибкий пластиковый лист засветился мягким, как будто солнечным, светом, хотя на улице был темный спокойный октябрьский вечер. А настольная лампа вдруг погасла на мгновение. Где-то в тайниках моего сознания прозвучало: «Спасибо за помощь!» Слова эти сопровождались музыкальной фразой из Корелли. Если это не ответ, то что это? Может быть, Вы объясните?.. Голос был женский, низкий, бархатный. ВЛАДИМИР.

* * *

Имя женщины, которая Вам ответила, — Танати. На корабле нас было двое. Теперь, когда Вы как будто убедились в правдивости моих писем, прошу выслать мне диск с записью и лист, если Вас это не затруднит. ИРИНА-РЭА.

* * *

Одна деталь противоречит самому духу событий, о которых Вы рассказываете. Я имею в виду контакт между цивилизациями. По-видимому, он состоялся? Но если так, почему мы с Вами это допустили? Контакт — это музыка разума, это новые диковинные корабли на стапелях, затем — в сверкающем от звезд пространстве, на новых неведомых землях-планетах. Это событие необыкновенное, ко многому обязывающее обе стороны. Легче всего изобразить встречу братьев по разуму в кино или повести, следуя традициям. Написано об этом немало, но кто поручится, что в книгах отыщется хоть одна правдоподобная ситуация, предвосхитившая события?

Высылаю Вам запись музыки Корелли. Постоянно думаю о том вечере, когда она звучала так обещающе.

ВЛАДИМИР.

* * *

Спасибо за сонату Корелли. Теперь я могу поддерживать связь с кораблем. Утрачены собранные материалы, и я не знаю, как их теперь восстановить.

Вы спрашиваете относительно возможности контактов. Контакты непозволительны, если они охватывают сразу широкий круг людей. Многое тогда изменяется, и нет никакой решительно возможности вернуть события в исходную точку и начать все снова. Представьте, что подобный факт стал всеобщим достоянием. Мгновенно придет в действие механизм, который связан с социальным расслоением во многих странах и другими известными вам явлениями. Начнется борьба за контакты, за использование их в своих целях. Это изменит ход развития, эффект в конечном счете получится отрицательный. Как ни странно, но контакты — не панацея от бед.

Контакты личные, например, наша с Вами переписка, допустимы. Иногда они желательны. Во всяком случае, Ваши письма я жду с нетерпением. Расскажите о себе. РЭА.

* * *

Если Вас интересуют гербарии и коллекции, я мог бы связаться с моим другом, который работает в Томском ботаническом саду. Нетрудно написать в Киев, в Ташкент, что касается Главного ботанического, то это как раз проще всего, ведь я почти коренной москвич. С этого «почти» я начинаю рассказ о себе в надежде, что и Вы напишете несколько слов, которые будут для меня бесценным подарком (не забывайте о моей профессии).

Я не помню отца, да и не могу его помнить: осталось лишь несколько пожелтевших фотографий, которые моя мать, затем тетка хранили как зеницу ока. Родился я перед самой войной, в дальневосточном городе. Помню снежные метели, сугробы, долгие зимние вечера, а весной — аквамариновую бухту моего детства, где даже в апреле еще плавали льдины, а рядом с ними то тут, то там появлялись нерпы, охотившиеся за рыбой. Над бухтой бродили цветные облака — розовые, жемчужные, коричневые, синие. Нигде позже таких облаков я не видел. И с весны до осени особенный смолистый запах доносили ветры с гор, где на каштаново-серебристых под солнцем каменных горбах зеленел кедровый стланик.

Помню трудный месяц, когда мать не хотела мне говорить об отце. Запомнилось ее лицо, я и теперь вижу ее такой, какой она была тогда. Наконец я узнал: отец погиб в боях под Харьковом.

Вскоре я потерял мать. После войны мы перебрались с теткой моей в Москву, к родственникам. Затем — школа у завода «Серп и молот», новые друзья, голубят-

ни близ Андроникова монастыря, катанье с крутого холма на санках.

Порой вдруг вспоминается широкая лента Амура, горящие дома на его берегу, товарные вагоны нашего поезда, безнадежно застрявшие в тупике ввиду боевых действий против Квантунской армии. В августе сорок пятого, когда мы перебрались в Москву, было жарко, солнечно. Много западнее, под Челябинском, дым от заводских труб висел пеленой, маревом, солнце было горячим и красным. Я впервые в жизни держал в руке стакан молока и боялся притронуться к нему губами. А в жарком багряном зареве над городом шар солнца медленно опускался и горел, как уголь в паровозной топке.

Много лет спустя я прочел письма отца к матери и многое пережил заново. Отец мой сибиряк, участвовал в гражданской войне, окончил рабфак, потом технологический институт. Мать говорила, что выглядел он всегда молодцом, и когда началась война с Германией, отец ушел на фронт добровольцем, несмотря на возраст. Впрочем, мне так и не удалось установить, сколько лет ему тогда было: два сохранившихся документа — брачное свидетельство и старая курортная книжка — расходятся в этом. По-видимому, ему было уже пятьдесят... ВЛАДИМИР.

* * *

Вы как будто читаете мысли на расстоянии. Это удивительно. Я-то думала, что это удастся только мне. Ваш рассказ так заинтересовал меня, что я хочу услышать продолжение. До этого письма я по какой-то неуловимой ассоциации думала как раз о Вашем отце. Вскрываю конверт... будто по мысленной моей просьбе слова вдруг складываются в строки, по которым удастся проследить судьбу человека.

Сибирь я видела на выпуклом селенировом стекле нашего корабля, зато всю разом. Огромный лесистый

край, завораживающий своими просторами и светлыми лентами рек. Маленькая подробность: тайга из космоса кажется оранжевой, даже коричневой, но вовсе не синей и не зеленой, как об этом пишут. Это нетрудно исправить и в Ваших рассказах. То же, впрочем, относится к тропическим лесам. Только пустыня не меняет своего цвета, и с огромной высоты выглядит она точно так же неприглядно, как и вблизи. Но космические снимки получают с помощью светофильтров, и цвет в конце концов восстанавливается, что ввело в заблуждение не только Вас. РЭА.

* * *

Мне предстоит ответить на Ваш вопрос, и, сев за письмо, я раздумывал, как это лучше сделать. Потом решил: буду рассказывать так, как я рассказывал бы своему другу. Итак, об отце. Зимой двадцатого года красноармейцы без единого выстрела овладели Красноярском. Белые сдались, армия Колчака после этого перестала существовать. Позже отборный корпус генерала Каппеля, отступая с боями, пройдет по байкальскому льду навстречу японцам, оккупировавшим Забайкалье. Но тридцатой дивизии, преследовавшей белых, еще предстояли бои с белочехами, операции в долине Селенги, бои близ монгольской границы.

Сохранилось фото: дом в Иркутске, перед ним — группа красноармейцев. Дом украшен плакатами, рядом с домом самодельная трибуна и сделанная из снега фигура бойца с винтовкой. Мой отец стоит во втором ряду. Мать особенно берегла эту фотокарточку, и теперь она открывает мой альбом. Именно под Красноярском и начинался боевой путь отца: он вступил добровольцем в тридцатую дивизию и прошел с ней путь до низовьев Селенги. Второе фото моего альбома запечатлело Гусино-озерский дацан, резиденцию ламы-ахая, главы буддистов в Сибири. Мой отец стоит у трофейного «мерседе-

са». Рядом красноармейцы. Поездка к ламе была необходима, чтобы получить разрешение ловить рыбу и охотиться. Коренное население этих мест — буряты — считали и рыбу и птиц неприкосновенными. Запасы продовольствия в тридцатой дивизии подходили к концу, и комдив Грязнов отрядил два «фиата» и два «мерседеса», взятых у колчаковцев, для дипломатической миссии в Гусиноозерский дацан, где находился трехэтажный дворец ламы. Здание дворца было украшено двумя золотыми оленями с колесом между ними и казалось величественным и грозным. Позже я встречал репродукцию этой фотографии в какой-то книге. Миссия Грязнова принесла успех: лама объявил верующим, что запрет на ловлю рыбы и отстрел дроф не распространяется на красноармейцев. Думаю, что трофейные машины и кавалькада всадников произвели на ламу впечатление.

Позже отец был ранен на монгольской границе. В то время район этот был опасным: белоказаки то и дело совершали настоящие разбойничьи экспедиции.

Я не знаю, почему буддистам запрещено ловить рыбу и стрелять птиц, но полагаю: это как-то связано с их убеждением, что душа человека после смерти переселяется в другое существо. Значит, убить птицу почти то же, что убить человека. Если у Вас было время познакомиться с жизнью и учением Будды, то Вы не могли не обратить внимания еще на одну деталь: краеугольный камень учения — это отрицание богов. Будда был атеистом, причем самым убежденным, но по прошествии нескольких лет он по иронии судьбы сам был провозглашен богом, а его учение извращено невежественными последователями. ВЛАДИМИР.

* * *

Злой рок преследует экспедиции на Вашу планету. Экспедиций было уже три. Первая исчезла бесследно. Мы можем только гадать, что произошло. Вероятней

всего, следы ее когда-нибудь отыщутся на дне морском. Трагедия произошла так давно, что мы редко вспоминаем о ней. Зато второй полет остался у нас в памяти. Мы достоверно знаем, что тогда случилось. Столкновение с метеором из роя кометы Галлея (который на год-два опережает саму комету) вывело из строя приборы. Затем последовала неудачная попытка приземлиться в районе невысоких гор, покрытых тайгой. Но расчет, проведенный вручную, был неточен. В атмосфере произошло изменение траектории корабля, которое можно было назвать одним словом — рикошет. Удар о плотные слои воздуха был так силен, что обшивка перегрелась. Раскаленное тело, лишенное управления, рыскало над тайгой, все еще пытаясь приземлиться в безлюдном районе. К этому времени в живых остался только один член экипажа. Он принял единственно правильное решение: катапультироваться. Парашют опустил его в районе Подкаменной Тунгуски. С ним вместе были выброшены рация и автомат записи данных. Думаю, нам повезло: одно сообщение с Земли все же поступило к нам. Затем аппаратура записи и передачи данных отказала, спасшийся член экипажа оказался в тайге, и ему ничего другого не оставалось, как перейти к выполнению последнего варианта. Что такое последний вариант? В нашем понимании это приспособление к местным условиям, использование подручных средств и среды обитания для спасения жизни. И одновременно — сокрытие случившегося. Никто не должен был подозревать о присутствии на Земле инопланетянина. Нужно было стать таким, как все, стать человеком Земли. Это не так уж трудно сделать, ведь мы внешне такие же, как вы.

Почему я пишу Вам об этом? Да потому, что не оставила надежды найти того человека. Ведь он, вероятно, жив. Прошло, правда, более семидесяти лет с тех пор, но был он тогда юн и здоров настолько, насколько это позволял парадокс хода времени в быстродвижу-

щихся замкнутых системах. К тому же стареем мы медленно. Да, наша экспедиция предполагала провести поиск, но теперь из-за потери бота это неосуществимо. И только я еще на что-то надеюсь. Вы можете спросить: почему именно я? Скажу прямо: тот член экипажа — мой отец. Я не помню его, мне не было и года, когда он улетел вместе со второй экспедицией, но у матери осталось фото... Прошло двадцать лет, и я стала участницей третьей экспедиции. Наши судьбы в чем-то схожи между собой: Вы потеряли отца, и я его потеряла. Теперь Вы лучше поймете меня. РЭА.

* * *

Из Вашего письма следует, что корабль приземлился незадолго до того, как мимо нашей планеты должна была пройти комета Галлея. Место падения и время соответствуют так называемому Тунгусскому диву. Вы об этом, вероятно, знаете. В тайге и сейчас еще сохранились следы. Падение сверкающего шара изменило ландшафт на сотнях квадратных километров. Напоминаю Вам об этом для того, чтобы уяснить важную деталь. Экспедиция Томского университета исследовала район катастрофы. Предполагалось, что торф должен законсервировать атомы космического вещества, принесенного шаром из неведомых далей. Эти атомы могли войти в состав органических молекул мхов. Оказалось, что мхи и торф сохранили изотопы водорода и углерода, принесенные неизвестным объектом, и состав этих изотопов соответствует кометному веществу. Значит, это была небольшая комета. Вывод не подлежит сомнению. Вы же пишете о корабле.

Я готов был бы согласиться с Вами, если бы речь шла о комете Аренда-Ролана, появившейся значительно позже, в 1957 году. Как известно, у этой странной кометы вместе с обычным хвостом, направленным от Солнца, был узкий, как луч, второй хвост, направленный к Солн-

цу. Этот аномальный хвост не был похож ни на одно небесное явление, известное до тех пор. Он появился внезапно и внезапно же исчез. Кроме того, комета излучала радиоволны, что явилось полной неожиданностью для астрономов. Излучения были стабильны, как если бы работали два радиопередатчика. Некоторые ученые предполагают, что комета Аренда-Ролана не что иное, как межзвездный зонд, запущенный инопланетной цивилизацией для изучения Солнечной системы. Обнаружив на Земле разум, зонд послал сигналы, не понятые и не расшифрованные до сих пор. Затем комета Аренда-Ролана прошла мимо нас и удалилась, исчезнув из поля зрения приборов.

Но Вы пишете именно о тунгусском объекте, который был типичной малой кометой. Не могу принять Вашу точку зрения, пока не пойму, что же тогда произошло в тайге. Если можете — объясните. ВЛАДИМИР.

* * *

Вы спешите с окончательными выводами. Сторонники кометной гипотезы опубликовали много статей и книг; Вы, разумеется, их успели изучить. Вероятно, другие предположения, в том числе и гипотезы Ваших коллег, прошли для Вас бесследно. Напомню сначала, о чем там шла речь. Прежде всего о свечении неба. Оно наблюдалось в течение нескольких дней после катастрофы. Что это за явление? Это, по сути, солнечный свет, отраженный частичками кометного хвоста. Таков должен быть ответ. Но белые ночи, наступившие после взрыва, вовсе не были похожи на светящийся кометный хвост. Некоторые горные породы, взятые из района эпицентра, при нагревании сильно светятся. Это термолюминесценция. В других местах Сибири она не наблюдается. Напомню Вам и о мутациях. Можно говорить о новом виде муравьев в районе катастрофы, который там сформировался под влиянием неизвестных излучений.

Один Ваш коллега писал в свое время о ядерном взрыве. Не разделяю эту точку зрения, и все же Вы должны были внимательнее отнестись к изысканиям в глухой сибирской тайге. Прошу Вас ознакомиться с работами А. В. Золотова, доказавшего, что кварцевые эталоны времени ведут себя более чем странно в районе эпицентра: они отстают на две секунды в сутки, что во много раз превосходит допустимую погрешность. Все это опубликовано. Теперь о том, что не опубликовано ни в одной книге.

Я писала о последнем варианте. Мой отец вынужден был оставить все надежды на спасение корабля. Он знал, что помощь придет не скоро и ему придется остаться на Земле. В то же время он обязан был скрыть факты: даже просто сведения о случившемся означали бы наше вмешательство в дела Земли, в развитие вашей цивилизации. По крайней мере, до поры до времени отец обязан был молчать. И он молчал. Но в тайге остались следы. Лес был повален на огромных пространствах. Отец ничего не мог с этим поделать. В атмосферу были выброшены частицы вещества, вызвавшие белые ночи в Европе и Средней Азии. И с этим отец ничего не мог поделать. У него оставался к моменту катастрофы единственный автономный источник энергии. И он решил замаскировать непосредственные следы катастрофы, которые могут быть обнаружены в последующих экспедициях.

Он попытался это сделать, используя оставшуюся в его распоряжении энергию. Насколько ему это удалось— судите сами. Во всяком случае, до сего дня кометная гипотеза, вызванная к жизни изотопным составом торфа, продолжает привлекать внимание. Отец успел рассчитать состав и рассеяние космического вещества, которое должны были обнаружить уже после его смерти.

Давайте будем считать, что каждый из нас может задавать любые вопросы. И если мы еще в силах припомнить через столько лет то, что было, давайте это

сделаем, не откладывая. Те несколько часов, которые мы отдадим прошлому, не пропадут бесследно. Останется горечь, когда мы оба приблизимся к далекому близкому, коснемся его мысленно и снова окажемся в сегодняшнем дне с его быстропроходящими заботами. Останется как бы едва уловимый аромат, потом и он растворится, как запах кедрового стланика на сопках, когда выпадает первый снег. Странная просьба, не правда ли? Как-то Вы поймете меня? Наверное, Вы похожи на отца. На обратной стороне бумажной обложки первой Вашей книги — портрет, который мне об этом рассказал. Вы удивитесь, может быть; ведь я не знаю, как выглядел Ваш отец. Отвечу на это в следующем письме. Сейчас же у меня к Вам три важных для меня и для Вас вопроса.

Вопрос первый. Можете ли Вы назвать место и год рождения Вашего отца на основании документов о рождении?

Вопрос второй. Жив ли кто-нибудь из друзей детства Вашего отца или из его знакомых того времени?

Вопрос третий. Что Вы знаете о родителях отца?
РЭА.

* * *

Ну что ж, я снова пускаюсь в путешествие во времени. Прикрываю глаза — и вижу сибирскую деревню Олонцово на берегу Лены. Рубленые дома, деревянный тротуар, запахи смолы и меда; босоногая девочка с лукошком, полным брусники, смотрит на меня удивленными серыми глазами. Почему так удивлена эта босоногая жительница Олонцова с первым урожаем брусники в плетеной корзинке? Не догадались?

Потому что я — чужой. Я городской — в костюме и полуботинках, с портфелем в руке, где сложены рубашки, два полотенца, бритвенный прибор и сетка от комаров. Да, я взял накомарник, и не потому, что наслушался рассказов о комарах и мошке, а потому, что на Даль-

нем Востоке еще в далекие дни детства познакомился с этими микроскопическими хозяевами тайги. Но день ясный, ветреный, к тому же оказалось, что в конце августа здесь нет этой напасти и можно дышать полной грудью.

Как Вы догадываетесь, в тот самый день я искал дом, где родился отец. Я обошел всю деревню из конца в конец. Напрасно. Дома я не нашел. Я переночевал на сеновале у одинокой старушки — Марфы Степановны. Помню лицо ее цвета печеной картошки, изрезанное морщинами, как лик деревянного якутского идола. Утром эта женщина позвала меня на чай, заваренный листьями малины, я достал из портфеля сахар и печенье. Наконец я решился задать ей вопрос. Звучал он примерно так же, как строчки из Вашего письма. (Я боялся спрашивать ее об отце. Что-то останавливало меня. Но медлить больше было нельзя: мне пора было уезжать в Москву. Моя командировка в Иркутск истекала. В Олонцово же я завернул на свой страх и риск.)

Женщина промолчала, будто не слышала моих слов. Минула тягостная минута. И она негромко так сказала:

— Всех помню, — и вернула мне фото.

— Отца тоже помните? — спросил я, волнуясь. — Помните?

— Нет, — сказала она коротко, и это «нет» как бы повисло в воздухе.

И больше на эту тему мы не говорили. Нужно ли добавлять, что в сельсовете я не нашел никаких документов об отце?

Так кончилась тогда моя поездка, и я никогда больше не ездил в Олонцово, словно чувствуя неведомый запрет. Трудно, может быть, понять это. ВЛАДИМИР.

* * *

Вы сообщили о книге, в которой есть фото Вашего отца. Я нашла ее. Случилось это так. Любимое место мое в читальном зале было занято, и я прошла к стел-

лажам, где пылились энциклопедии и справочники. Тут я увидела молодого человека, вероятно, студента, который листал эту книгу. По описанию я узнала дворец ламы. Студент перевернул страницу, но я ее запомнила и запечатлела в памяти. Трехэтажное здание с оленями и колесом между ними, автомобиль, группа всадников на втором плане, красноармеец у «мерседеса»... Потом я взяла эту книгу. Села за стол, и что-то мешало мне, я медлила, не могла решиться. Вот и фото. Я снова и снова всматривалась в черты его лица. Сердце сжалось: это был мой отец. Таким я знала его с детства по многим портретам и кинофильмам.

У него внимательные, широко расставленные светлые глаза, в них как будто застыло удивление. Это немного мальчишечье выражение глаз меня особенно привлекало в нем, я узнавала его даже на кадрах, запечатлевших отлет экспедиции, когда лица участников видны сквозь выпуклые селенировые стекла. Смеялся ли он, обнимал ли мать, рассказывал ли он ей о чем-то своем — всегда жило в глазах его это выражение, которое, впрочем, не так легко передать словами. Удивление — да... Но не только. Это был еще и вечный вопрос к окружающему, к себе, к людям. Я говорю «к людям», не делая различий между вами и нами. Он тот же на знакомом Вам фото. Годы, испытания, лишения, горе и утраты не изменили его, он тот же, мой и Ваш отец. У меня было достаточно времени, чтобы проверить это. РЭА.

* * *

Вам удалось вернуть меня в прошлое. Но Вы тут же захотели так изменить это прошлое, чтобы я перестал узнавать знакомые до боли его приметы. Судите сами, могу ли я поверить Вам на слово, если даже возможность считать Вас моей сестрой не склоняет меня на сторону Ваших предположений. Предположений. Иначе

я не могу это назвать. Как видите, я не спешу объявить себя хотя бы наполовину инопланетянином.

Ваше письмо подействовало на меня так, что я готов был припомнить каждый день и каждый час свой. Снова я на берегу синей бухты, и мы с товарищем босиком идем по серому песку, где отлив оставляет за собой пряно пахнущие ленты и нити морской травы. Справа ползет тень крутобокой сопки, к загровку которой клонится предвечернее солнце. Мы забираем влево, где свет и алмазы капель на бурой гриве замшелых камней, где на дне оставшейся лужи видны морские ежи и улепetyвающий краб. И следы заполняются водой, когда мы носим камни, складываем их так, чтобы получилась стенка, перегораживающая лужу надвое. И еще стенка, и еще... Потом, оглядываясь на уходящее солнце, вылавливаем из лужи рыбью мелочь, которая ослепла в мутной воде и не может скрыться.

Там, куда Вы меня позвали, я вижу долину, синюю от ягод, с тремя прозрачными протоками. Перепрыгивая через них, я ощупью, не глядя, нахожу голубику. Потом протоки сливаются, я закатываю брюки до колен, выхожу на перекат, но вода сбивает меня с ног, и я вдруг понимаю, что надо быть вместе с течением, плыву, меня выносит к большому камню, где я поднимаюсь. Колени еще дрожат, но страх, первый страх в моей жизни, уже побежден. Река отныне становится моим союзником. Позже, много лет спустя, она будет мне сниться. И густая жимолость у подошвы сопки, и лиственничный лес на пологом склоне, и полосатый веселый бурундук, сидящий у серого пня, расколотого некогда молнией, — все это осталось, все это не придумано. И нет места ничему другому. Что крепче этого может привязать меня к детству, где нет и намеков на тоску по иному миру?

Вы просили документальных доказательств и старались быть точны во всем. Теперь пришла моя очередь просить у Вас подобных же подтверждений. Не задаю

вопросов. Очевидно, Вы сами знаете, какие вопросы я мог бы задать. ВЛАДИМИР.

* * *

Бессонная ночь. Только перед рассветом из руки моей выскользнула книга. Я искала там примеры, которые помогли бы нам понять друг друга. Что же это за книга? «Сарторис» Фолкнера. Цитирую:

«По обе стороны этой двери были узкие окна со вставленными в свинцовую оправу разноцветными стеклами — вместе с привезшей их женщиной они составляли наследство, которое мать Джона Сарториса завешала ему на смертном одре... Это была Вирджиния Дю Пре... она приехала в чем была, привезя с собой лишь плетеную корзинку с цветными стеклами».

В эту же ночь я прочла Брэдбери. И тоже о стеклах.

«Ему снилось, что он затворяет наружную дверь — дверь с земляничными и лимонными окошками, с окошками цвета белых облаков и цвета прозрачной ключевой воды».

И вот уже холодное марсианское небо становится теплым, а высохшие моря зарделись алым пламенем. Давайте и мы понаблюдаем мир через цветные стекла воображения.

Итог этих наблюдений вот таков: автор «Сарториса» заимствовал землянично-лимонное окошко у Брэдбери, фантаста. Да, Рэю Дугласу Брэдбери едва минуло семь лет, когда был опубликован «Сарторис» Фолкнера, и все же это не парадокс. Казалось бы, ответ получен давно: в будущее и прошлое проникнуть не удастся, машина времени немыслима. Но даже у вас появились сообщения, что информация может преодолевать временной барьер. Гарольд Путхофф и Рассел Тарг из Станфорда семь лет назад доказали это.

Вас интересуют их опыты?.. Сначала они выясняли природу поля, передающего зрительные образы на боль-

шие расстояния. Природу его выяснить не удалось, зато по счастливой случайности кому-то из них пришлось в голову принимать и регистрировать зрительную информацию заранее. Слово «заранее» требует пояснения. Один человек, участник опытов, направлялся на машине к аэродрому, порту, зданию необычной архитектуры или другому объекту. Обычно, когда он в сопровождении ученого оказывался у избранной цели и сосредоточивался, то другой участник, находившийся за много километров в лаборатории, принимал информацию и рисовал на чистом листе бумаги аэродром, порт или здание. Но вот человеку-приемнику дали задание нарисовать объект на час раньше, когда другой участник еще не увидел его. Никому из них не было сообщено о том, что рисунок выполняется заранее. Но рисунок тем не менее удался на славу. Сотни раз повторяли опыт, и результаты его убеждали, что информация может поступать из будущего.

Не буду отклоняться от нашей темы и пояснять, как это происходит. Важен факт. Нам он был известен очень давно. Любой из нас, если только пожелает, может передать информацию или зрительные образы в прошлое, в будущее, преодолев время и пространство. Для этого нужна не техника, а подготовка, способности, воля. Зрительные образы осязаемы; человек может обмануться, приняв их за реальность. Иллюзия? Тем не менее иллюзия полная, совершенная. Любопытно, не правда ли?

Теперь вместе с Вами перекинем мостик в прошлое, о котором Вы размышляли в письме (и я благодарна Вам за эти размышления, они позволили мне найти ключ к давним событиям). Начнем с того, что Вы находились тогда за тысячи километров от фронта, где воевал наш отец. Не нужно быть провидцем, чтобы понять, как он хотел увидеть сына. Увидеть, понимаете? И он был должен это сделать! У меня на сей счет сомнений нет. Вспомните эту встречу. Она должна была состояться. Неужели прекрасная память не поможет Вам восстановить подробности, к ней относящиеся? Это могли

быть считанные мгновения — припомните их! В трубке детского калейдоскопа видны лишь правильные цветные узоры. Постарайтесь рассмотреть в ней стеклышки, создающие иллюзии. Маленькое отклонение от геометрии, не так ли?.. РЭА.

* * *

Пытаюсь взглянуть на окружающее сквозь земляничные стекла воображения. Только там, в первом и наиболее ярко отразившемся в памяти периоде моего детства, аромат земляники нам был неведом. Были сизые ягоды голубики, черные бусины водяники, или шикши, янтари спелой морошки.

Море я и вовсе не хочу рассматривать ни через какое волшебное стекло. Потому что был один памятный туманный день и был огромный пляж, куда мы прибыли на лодке, и странно теплая для этих широт вода, когда можно было бродить босиком по колено в воде. У коричневых обрывов горел костер — живое красное пламя его я вижу до сих пор. Во время отлива я прижимал ногой крабов к плотному песку и бросал их к костру. Нас было трое. Мой старший товарищ Гена Ерофеев и его отец Василий Васильевич взяли меня в эту поездку с собой.

После ухи и чая я забрался на уступ, бросил несколько ветвей стланика на камни, лег на спину и смотрел на ряднину тумана, спускающуюся по склону сопки. В моем рассказе я приближаюсь к тому мгновению, о котором Вы просите сообщить. Вот оно, это мгновение: я вдруг чувствую, что поодаль от меня присел на россыпь глинистого сланца человек. Будто бы этот человек в запыленной, вылинявшей от солнца гимнастерке, перепоясанной брезентовым пояском, в кирзовых сапогах, и в руке у него пилотка. Я вижу его краем глаза, но понимаю, что могу помешать ему, что ли, и оглядываться не надо. Так прошло с полминуты, а лицо

этого человека я не успел рассмотреть. Хотел обернуться к нему, да вдруг услышал:

— Как живешь, малыш? — Я ничего не ответил. Замер. Понял, что вопрос был адресован мне. И снова услышал: — Не горюй!

И когда я обернулся, его не было. Пропал он так неожиданно, что я спрашивал себя: правда или показалось? Но эти слова остались во мне навсегда.

А рядом со мной лежало яблоко. Я сразу понял, что это мне. Я надкусил его. Оно было кисло-сладким, хрустящим, вкус его запомнился на всю жизнь. Немудрено, ведь я впервые видел настоящее яблоко.

Мне кажется, Вы правы. Редко пытаемся мы заглянуть внутрь калейдоскопической трубки и часто не замечаем цветных стеклышек, а видим лишь их отражения в зеркале. Эпизод, о котором я рассказал, можно считать доказательством странной гипотезы, которую я услышал от Вас. При обязательном, конечно, условии, что он не был случайностью.

Вернемся ко второму периоду моего детства. Это было уже в Москве, на Школьной улице. Жил я у тетки, на втором этаже кирпичного дома, рядом с Андрониковым монастырем. У развалин монастыря зимой мы катались на санках, склон холма круто опускался к Яузе, и ребятня любила это место. Зимой сорок седьмого в один из ясных дней я собирался туда после школы, но был наказан на уроке пения. За что — не помню. Учитель наш, Сергей Фомич, так рассердился, что оставил меня в пустой комнате на час. Это было со мной впервые. И вот я сижу в этой комнате, окна ее залиты солнцем, и солнечные зайчики как бы в насмешку надо мной пляшут на полированной крышке рояля. Я смотрю в окно и вижу воробьев, которые устроили возню у матовых, наполненных светом сосулук, свисающих с крыши. С минуту я наблюдаю за ними, потом оборачиваюсь и вижу человека у рояля. Человек этот в сапогах, на нем гимнастерка, подпоясанная брезентовым ремеш-

ком, и я узнаю его со спины. А он, не оборачиваясь, говорит:

— Ну-ка, малыш, споем вот эту песню. — И несколько аккордов словно вдруг усыпили меня, и я пел точно во сне, и звучала удивительная музыка. То была народная песня, и слова ее неожиданно для себя я вспомнил, хотя раньше знал только мотив.

И когда прозвучал последний аккорд, я услышал: — Мне пора, малыш, прощай.

И я встрепенулся. Что это было? Комната пуста, над окном шумят воробьи, солнце опускается на крыши дальних домов у Абельмановской заставы, свет его резок и багров. Щемящее чувство одиночества было непереносимо. Я уронил голову на подоконник, закрыл глаза, чтобы не расплакаться, в ушах моих снова зазвучали знакомые аккорды, но я не поднял головы, так как знал, что человека за роялем не было.

Теперь я хотел бы рассказать о том, что произошло пять лет спустя. Мне исполнилось уже тринадцать лет. Летом я поехал к бабке моей по матери, которая жила под Веневом.

Помню теплое июльское утро...

Листья хмеля за стеклом горят зелеными огнями на солнце, я приоткрываю окно, сдерживаю дыхание, потому что вижу у палисадника Настю. Рядом с ней двое сверстников, и один из них, повернув голову к окну и не видя еще меня, кричит:

— Пошли на речку!

Теперь я толкаю оконную раму так, что хмель тревожно шумит и с листьев срывается крапивница и взмывает до конька крыши. Прыгаю из окна на мягкую серую землю, расталкиваю высокие мальвы, бегу к изгороди, перепрыгиваю ее. Остановившись рядом с ними, стараюсь не смотреть на Настю. Стараюсь быть впереди, когда мы выходим на дорогу, ведущую к речке.

В руке у нее стеклянная банка с крышкой: если мы поймаем окунька или вьюна, она принесет его домой, и

он будет жить в банке, пока старый белый кот не выловит рыбку лапой.

— Настя, дай понесу банку! — говорит Владик.

— Нет, я, моя очередь! — Я подхожу к Насте и протягиваю руку, и рука Владика и моя рука встречаются с ее рукой, мы отталкиваем друг друга, и дело неожиданно доходит до драки. Мы катаемся с Владиком по траве, выкатываемся на колею и, наконец, серые от пыли, встаем, а Настя укоризненно качает головой и советует посмотреть в зеркало.

Вдруг кто-то предлагает идти пшеничным полем. И мы сворачиваем на тропу, желтые стебли и колосья бьют нас по рукам, еще минута — и мы, забыв об осторожности, сходим с тропы, собираем колоски, на ладонях наших остаются теплые беловатые зерна, вкус которых нам хорошо знаком. И тогда появляется далекая тень на тропе.

— Объездчик!

Мы бросаемся врассыпную. Настя бежит за мной. Я вижу, как стремительно приближается к ней конник с плеткой в руке. Останавливаюсь. Потом что-то словно подталкивает меня, я бегу назад, успеваю схватить Настю за руку, мы падаем, и я закрываю ее от удара. Свист плетки, мгновенный страх, заставляющий нас вжаться в серую сухую землю!.. И в тот же миг — необъяснимое. Точно большая теплая ладонь погладила меня по коротко стриженным волосам, наступила тишина, в которой я услышал тот же знакомый голос:

— Мне пора, малыш. Не горюй!

Когда мы поднялись, не было ни объездчика, ни страшного его вороного коня. Налетел порыв ветра и пригнул желтые стебли к земле. И снова — тишина, волнующая, полная скрытого смысла.

Позже, студентом уже, я прочел стихи. О Насте изпод Венева:

«В садах, на полянах, в цветах укрываясь, в туманах

теряясь, зарей озаряясь, во всем божьем мире, в любом кратком миге была ты везде и повсюду.

Зефиры носили над этой землей твоё имя; листвы шелестенье и рокот волны, обдававшей каменья, — все было дыханьем дыханья, рожденного только устами твоими».

Я знаю эти стихи наизусть. Написаны же они кем-то в начале века. Может быть, первым шептал их я. Потом их записал поэт, живший на пятьдесят лет раньше меня. Согласно Вашей гипотезе так могло быть...

«На небе вечернем средь звезд я, бывало, твои лишь выписывал инициалы, а если глаза опускал к горизонту — в мальчишеских грезах меж стройных березок выискивал взором твой мягкий девический контур.

Повсюду бывая, незримо везде успевая, во всех моих мыслях, желаньях, — ах, где ты ни пряталась! — тобою душа моя полнилась вечно, любовь из нее изливалась к тебе бесконечно, как слава святых озаряет их святость».

Это все, что я могу сообщить Вам о необыкновенных встречах. ВЛАДИМИР.

* * *

Весь вечер я пыталась представить бухту, и скалы, и мальчика, который бредет по отмели. Мне казалось, что я отчетливо различаю солдата в поношенной гимнастерке, странным образом попавшего на этот дикий берег, потом словно и впрямь надвигался туман, о котором Вы писали, и видение постепенно исчезало. Я старалась удержать его, но солдат не возвращался, и не было на берегу мальчика, моего брата...

Раньше я не могла и помышлять о встрече с Вами. Теперь мне хочется попросить разрешения на эту встречу. Думаю, у меня есть право увидеть своего земного брата, и я хочу, чтобы это мое право подтвердили на корабле. Но кто знает, будет ли так, как я хочу?..

Достала где-то цветную открытку с видом Андрони-

кова монастыря. Зеленый от травы скаг, внизу Яуза, старые стены, святые ворота. Я мысленно вошла в эти ворота, обошла монастырь, прикоснулась к белым камням его храма, потом увидела площадь, улицы, низкое солнце над холмом. Увидела то, что когда-то было близко отцу и Вам. РЭА.

* * *

Вот первое мое воспоминание об отце.

Мы у костра. Едва слышно шуршит горячий воздух над огнем. Искры мелькают в голубоватом дыму. Скоро начнет смеркаться. В этот час предсмеречной ясности и тишины окружающее кажется застывшей картиной. Застыли цветы пушицы, недвижны лиственницы поодаль, стеклом кажется вода в реке. Только огонь живет, он похож на красного оленя. Но искр все меньше. Жар покрывается серым тончайшим пеплом. Вдали становятся темнее валуны и скалы. Огонь гаснет, и минуты эти, первые осознанные минуты моего детства, навсегда врезаются в память. Рождается страх. Я боюсь, что пламя исчезнет совсем. Отец берет меня на руки. На щеке его видны еще тусклые отсветы...

Это место, как я установил много позднее, расположено в двух километрах от дальневосточного города, близ речки Каменушки.

Отец бывал в Москве нечасто. Перед войной он жил в этом приморском дальневосточном городе, который стал первым городом моего детства. Но вторым была Москва.

Мне все труднее рассмотреть прошлое в резком, не искаженном повседневностью свете. Поздним вечером я шел по своей Школьной улице, где дома с заколоченными окнами сиротливо ожидают своей участи: их скоро снесут. Я заходил во дворы. Над головой шумели высокие тополя и акации. С улицы не видно деревьев, не видно волшебного пространства дворов, наполненных когда-то нашими голосами. Нет уже каменных пристро-

ек у тридцатого дома, и нет деревянного флигеля с пожарной лестницей, куда мы забирались в сорок пятом и позже смотреть салют. Это улица московских ямщиков, единственная в своем роде.

Сиротливо высится кирпичная стена, отделяющая мой двор от соседнего. Над ней когда-то верещали стрижи, я забирался на гребень ее, и солнце слепило глаза так, что я не видел ни двора, ни сараев, ни дома, ни флигеля. Этот резкий свет я помню отчетливо, как будто часть лучей еще и сейчас не угасла, как будто они до сих пор ослепляют и гаснут лишь по мере того, как тускнеет в сознании вся картина.

Наверное, от отца досталась мне ностальгическая натура. Думаю так: чем выше уровень цивилизации, тем больше объем памяти. Я встречал и встречаю людей, которые не испытывают особой тоски ни по прошлому, ни по будущему. Память сдерживает развитие многих качеств, в том числе таких противоположных друг другу, как агрессивность и творческие возможности. От памяти удобней избавиться. Но что такое творчество без памяти?..

Я умею переноситься мысленно в любое место. Бессонной ночью закрываю глаза и начинаю странный полет. Внизу будто бы вижу я горы, море, знакомую реку, тайгу. Я лечу над лесом, пока не засыпаю. В другой раз я вижу деревенскую околицу близ Венева, речку Осетр с крутыми берегами, вечернее поле, балку с темным холодным ручьем. Я лечу над полем так низко, что пугаю перепелок, они вырываются из душистой травы и стремительно исчезают в серо-синей дали. И воспоминания о полетах во сне сами похожи на сны. ВЛАДИМИР.

* * *

Я говорила с Танати и с руководителем экспедиции. Трудно передать подробности этого разговора. Наши были взволнованы тем, что мое предположение подтвер-

дилось и на Земле у меня есть брат. Я намекнула, что мне надо увидеть Вас. Руководитель оборвал меня, спросил резко, знаю ли я самые простые вещи, которые не может не знать участник дальнего полета. «Но это мой брат! — воскликнула я. — Брат!» Он возразил: «Да, но он представитель иной цивилизации, а контактов с другой цивилизацией быть не должно, контакты изменят будущее, лишат людей самостоятельности, неужели Вам это не ясно? Письма можно подделать, фотографии — сфабриковать, но если станет фактом контакт, знаете, что начнется? Не мне Вам это объяснять, Рэа. Но даже если вдруг было бы получено разрешение с нашей планеты, мы должны помнить о Тулэ в Гренландии. Тулэ, если хотите, это символ несостоявшегося контакта». Я поняла безнадежность моего положения, но не сдавалась. В конце концов он заявил, что наша встреча возможна в том случае, если Вы станете участником экспедиции и после ее завершения улетите с нами на нашу планету. Прошу Вашего согласия. Ответьте мне. РЭА.

* * *

В нашей Галактике больше ста миллиардов звезд. У некоторых есть планеты. Среди них не найдется такой, где я не захотел бы побывать. Я читал об одном человеке, который изобрел двойные очки. Если внимательно наблюдать поляну с цветами, можно увидеть через поляризованные двойные стекла звездную передачу. Сапфировые океаны планет-гигантов. Города в оранжевом тумане. Дуги мостов, соединяющие континенты и острова...

Каждый цветок — маргаритка, лютик, ромашка — принимает малую частицу изображения. Полупроводящие слои между стеклами объединяют эти частицы в картину. И разворачиваются голубые, под цвет неба, паруса над океанами. Прямо над городом вспыхивает

необыкновенный мираж, и кажется, что в инопланетной роше, парящей над инопланетным городом, позванивают серебряные листья, прячутся под сенью их неведомые птицы, рубиновым огнем горят глаза невиданных зверей. А по мостам бегут почти невидимые от стремительного движения экипажи. Но когда они достигают янтарного берега и замедляют ход, то сказочные их контуры напоминают о просторных дворцах, таких, что каждый из них занимает всю улицу.

Разумеется, очки такие изобретены фантазией. И все же в этом я нахожу для себя и нечто серьезное. А именно желание победить мертвые дали. Есть ли у вас стекла, которые помогают в таких случаях? ВЛАДИМИР.

* * *

Да, они у нас есть. Чтобы в этом убедиться, нужно попасть на корабль.

Паруса над океаном, янтарные берега, дуги мостов, соединяющие континенты, даже невидимые экипажи — вовсе не полусказка, а явь. Но простая экскурсия с возвращением немыслима. Нужно выбирать. Быть там и здесь, хотя бы и поочередно, нельзя до тех пор, пока контакты исключены: РЭА.

* * *

Рэа, во многом я сам виноват. Наверное, я был недостаточно внимателен к Вам и не успел сказать главного, хотя и пытался это сделать. У меня никогда не будет другой земли, кроме этой. К тому же у меня здесь много дел и проектов. По вечерам я думаю о светлых редколесьях, где господствует даурская лиственница, о глухих болотах, о бегущих по распадам ручьях. Как здорово набрать в котелок воды, развести на камнях

костер и, пока варится чай с брусникой, представить, что идешь тропой отца.

Но когда я побываю там, я смогу съездить наконец в Венев, где не был четверть века. Человек изъездил пол-Европы и пол-Азии, а в Венев выбраться не смог. Вам, думаю, это понятно. Так уж я устроен. Воспоминания заменяют мне порой действительность. ВЛАДИМИР.

* * *

Я так и предполагала... и ни на что не надеялась. Мое письмо оказалось ненужным, зряшным. И все же я нашла способ встретиться. Я увижу Вас! И я получила на это разрешение. Ведь я могу появиться так, как умеем это делать мы. Вы увидите меня, я увижу Вас. Может быть, мы успеем сказать друг другу несколько слов. Это будет перед отлетом, через девять дней.

Вы согласны? Еще одно: прошу Вас ни в коем случае не публиковать моих писем к Вам. Разве что с подзаголовком «Фантастика». Это обязательное условие нашей кратковременной встречи. РЭА.

* * *

Позвольте вспомнить стихи Пушкина: «Прекрасны вы, брега Тавриды, когда вас видишь с корабля при свете утренней Киприды, как вас впервой увидел я; вы мне предстали в блеске брачном: на небе синем и прозрачном».

На двадцать первом году своей жизни поэт отправился морем мимо полуденных берегов Тавриды и наблюдал Венеру, утреннюю Киприду. Любой астроном скажет сейчас, что именно в тот год планета была в фазе наилучшей утренней видимости.

Когда эта фаза наступила в очередной раз, Пушкин пишет о Венере новые строки, на этот раз для «Евгения Онегина».

Прошло еще восемь лет, и в следующую фазу утренней видимости Венера сияла на небосводе, как и прежде; поэт об этом знал, но не мог уже увидеть утреннюю звезду. В традиционный римский день Венеры он скончался. Под знаком радостно встречаемой им, но роковой планеты набросал он и знаменитый свой эскиз. Изображены двое: один стреляет из пистолета, другой падает, раненный. Рукой поэта ниже подписано: смерть Пушкина.

Поразительны обстоятельства, сопутствующие рисунку: выполнен он за много лет до его дуэли с Дантесом, еще в кавказский период его жизни. Пушкин как будто успел побывать на месте будущей дуэли.

Это лучше всего убеждает меня в Вашей правоте. Да, образы могут передаваться через время и расстояния. Буду надеяться на это. ВЛАДИМИР.

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ

Странное недомогание. Будто невидимая рука притронулась к сердцу. И жмет, жмет. Легко, но чувствительно. Нет, это не болезнь. Что-то другое, посерьезней.

Однажды это уже было со мной. У Андроникова монастыря. Память очертила не то круг, не то петлю времени...

Сохранился снимок: два мальчугана у стен монастыря; снимал кто-то из взрослых. У одного в руках мяч. Это я. Другой, рядом со мной... Что я знаю о нем? Жил он на той же Школьной улице. У него были сестра и мать. Отец погиб на фронте, как и у меня. Однажды я пришел к нему. Мы спустились в полуподвал. Вошли в комнату.

Слева — койка, накрытая темным сбившимся одеялом, справа — стул с выщербленной спинкой, прямо — подобие обеденного стола. И обед — два ломтика жареного картофеля на сковороде. Но обедать он не стал. Мы пошли играть на улицу. Переждали ливень в подъ-

езде, бродили по улице босиком. Бежали грязные ручьи. Небо было высоким, чистым, холодным.

И новые воспоминания...

Август и сентябрь сорок пятого — время желтых метелок травы, ряски в Лефортовских прудах, теплых красных вечеров. Над храмом Сергия в Рогожской скользят стрижи. На высоком берегу — развалины Андроникова монастыря. Где-то здесь впадал в Яузу ручей Золотой Рожок. (Над светлой струей ручья в Андрониковом монастыре останавливался Дмитрий Донской после битвы на Куликовом поле. Воины пили воду ручья. У Спасского собора монастыря похоронен Рублев.)

...Рядом стучали колеса. Над рельсами струились горячие потоки воздуха. Синие рельсы отражали московское небо. Несколько шагов вдоль полуразрушенной монастырской стены — и вдали возникал Кремль с его пасмурно-розоватыми башнями, тусклыми шатрами, величавой колокольней, зубцами стен и куполами храмов. Высоко взбежал он на холм, отделенный от нас толщей воздуха над низкими крышами. С маковки нашего рогожского холма виден был он то четко и ясно, то размывчато, словно сквозь матовое стекло.

У стен монастыря — разноголосица, звонкие удары по мячу. Мальчишеский футбол. Второй тайм. Играем в разных командах. Вот он, мяч. Еще один бросок, и я ударю по воротам. Он бежит слева, этот мальчик. Я отталкиваю его. Не так уж заметно для других это мое движение плечом и рукой. А судьи нет. И он падает. Стоп. Я особенно внимателен, воспроизводя в памяти именно этот вечер.

Под красноватым солнцем на пыльной траве мы отдыхаем, разговариваем, смеемся, перед нами линия за линией открываются охваченные закатным пламенем улицы и проспекты. В удивительный час предвечерней ясности на улицах мало людей, редко ходят трамваи, почти нет машин. Город словно отдыхает от великого

труда. Так оно и было. Закатный свет окрашивал прошлое и настоящее, и осязаемые нити его тянулись в будущее. И он всегда вспыхивал в памяти, когда я снова, хотя бы только мысленно, приходил туда, на этот удивительный холм с его пыльной травой, несказанным дымным воздухом заводской окраины, с желтыми стенами домов, которые так явственно светились...

Я оттолкнул его не только от мяча. Он исчез из моей памяти. Мы больше не друзья. Да, именно тогда это и случилось, и с того вечера мы не встречались на улице, и несколько раз потом видел я его издали, но не подходил. И он тоже... Вот такая история произошла с тем мальчиком и со мной.

Почти физически ощущаю этот толчок. Как будто это было сегодня. Не надо бы так! Возникают ассоциации. Андроников монастырь. Шемящая боль. Игра в футбол. Ушедшая дружба. Ассоциации? Ну нет. Не только. Пробив канал в косном времени, вернулась давняя боль. Именно ее чувствую я сердцем. Разве нет? Это не болезнь. С ней я бы справился — трудно, но возможно. Я встречал людей, которые тоже могут это делать — лечить биополем.

Я знаю, как необъяснимое тепло нагревает ладони. Иногда рука ощущает как будто бы дуновение. Иногда — будто бы искривление пространства. Биополе?.. Впрочем, дело не в названии. Нужно сконцентрировать волю. Тогда пальцы похожи на магниты, но стрелка компаса при этом бежит все же по другой причине: биофизическое поле и магнитное — не одно и то же.

Вернадский писал о пространстве — времени живых организмов. Именно так. Стоит, пожалуй, перечитать его переписку, чтобы лучше понять то, о чем писала сестра.

Петля времени... Ведь это август сорок пятого — те двое с мячом. Снимок тусклый, пожелтевший, еще десять-двадцать лет — и время сотрет наши лица. Как жаль. А сейчас нужно поехать туда. Не принесут радост-

сти встречи и намеченные на будущее поездки, если в прошлом осталась хоть малая вина.

Немедля! Причина — там. На поездку — час. Не более.

...Ветер над Яузой. Морщит мутную воду, гонит пыль по выщербленному асфальту в сторону Костомаровского моста, врывается на холм, шелестит травой. Яр точно вздыхает. Затрясся куст под стеной. Снова тишина... Вот оно, то место. Меня не удивляет, что желания человека, умеющего излучать биополе, исполняются: я это знаю. Фантастично лишь то, что я так отчетливо помню Москву сорок пятого... Это почти реальность — воспоминания о ней. Больше всего на свете я хотел бы увидеть этих ребят. И футбольный мяч у стен монастыря. Мне безразлично, как это называется: телепортация, иллюзия или даже путешествие во времени. Это возможно, сестра права. И я смогу... Пора исправить ошибку и доиграть матч честно.

Пасмурный день. У монастыря — ни души. И трава, трава. Как тогда.

Станный порыв теплого ветра. А трава не шелохнется. Пробился сквозь облака закатный луч. Знакомое мне ожидание несказанного, неповторимого.

Впрочем, вот они появились.

Трое, четверо... еще четверо. И тот мальчуган. У него в руках мяч. Я срываюсь с места легко, стремительно. По-мальчишески. Передо мной красный от кипрея сквер. Справа предзакатное солнце. Облака вдруг исчезли. Чистый багряный свет... Третий тайм.

ЕЩЕ ОДНА ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ

Необыкновенно стремительный полет над тайгой, в вечернем небе над пеленой облаков яркие, как радуга, полосы — следы заката. Полуявь, полусон, но главное помнится так ясно, что и сейчас вижу глаза ее на фоне распадка с белыми цветами.

Удивительно это: за восемь часов полета я пересек почти половину земных меридианов. Быть может, для того, чтобы оказаться у них на планете, потребовалось бы времени даже меньше. Пусть так, но я не согласен. Я все же не променяю рейс в город моего детства на гиперпространственный и безвозвратный полет в окрестность Магелланова облака или в любую иную окрестность.

Был ясный день. В долине реки Уптар на россыпях серой гальки цвели заросли кипрея в рост человека. Через полчаса автомобильной езды на взгорье показались знакомые дома, я попросил шофера проехать к бухте по старым улицам, но мы так и не смогли приблизиться к морю. Улочки узкие, с неповторимым обликом: деревянные дома залиты солнцем, за деревянными изгородями — дикие цветы, багульник, ольха.

...Спустился к бухте, разделся, вошел в воду. Начался отлив. Я шел по сверкающим лужам, добрался до большой воды, поплыл. Тело обожгло студеными струями отлива. Нырнул, открыл глаза, рассматривая морских ежей, рыбы стаи, ватаги раков-отшельников. Вынырнул и поплыл к отвесному обрыву, где у подошвы сопки обнажилась полоса светлого песка. Потом развел костер и грелся, сидя у огня, пока солнце не упало за гористый мыс. И возвращаясь в город, вспоминал ее.

Вот как все произошло.

Примерно через час после отлета из Москвы я задремал. Вдруг во сне зародилась необъяснимая тревога, словно кто-то преследовал меня. Я проснулся. В салоне тускло горели крохотные лампочки. Сосед слева спал, накрывшись газетой, и похрапывал во сне. Тревога улетучилась, я нажал кнопку, стюардесса принесла минеральную воду, я поблагодарил ее и откинулся в кресле. Но спать расхотелось. Вдруг я увидел рядом с моим креслом женщину. Она стояла и молча наблюдала за мной. Я встал. На ней было темно-зеленое платье с отложным воротничком и вышитым цветком, похожим на

цветок мальвы. Она быстро проговорила, слегка наклонив голову:

— Я думала, ты выше ростом.

— Нет. Я не великан, — улынулся я. — Шатен среднего роста, как многие. А ты удивительно хороша собой, сестра... несмотря на возраст. — И тут я разглядел цветок на платье, он был, наверное, живым.

— Ну вот я пришла и увидела тебя, — сказала она с едва уловимой интонацией горечи. — Еще минута, и мы попрощаемся. Хорошо, что многое мы успели сказать в письмах. Я рада, что встретила тебя.

Она приблизила свое лицо, и в этот момент мне навсегда запомнились ее огромные, серые с синевой глаза, где таились готовые вспыхнуть искры.

— Я увижу скоро дом нашего отца, Рэа.

— Я знаю. Береги себя, брат. — Она задержала мою руку в своей, словно не хотела расставаться. И тихо сказала: — Смотри, какие облака!..

Я оглянулся, посмотрел в иллюминатор, увидел облака, светившиеся от закатной радуги. Когда обернулся, ее уже не было.

Подошла стюардесса, спросила:

— Кто эта женщина? Почему она была не на месте?

— Она подходила узнать, когда прилетаем.

— Но ее нет в салоне! И на посадке не было.

— Вы что-нибудь слышали о зеленых человечках? — спросил я, вспомнив вдруг, с чего началась переписка.

— Но это выдумка! — воскликнула стюардесса.

— Конечно, выдумка, — согласился я. — И ваша точка зрения мне понятна. Лично я, правда, иногда думаю иначе. Сейчас, например, когда в иллюминаторе видна вон та неяркая звездочка, на которую можно и не обратить внимания. Кто знает, что за миры откроются нам когда-нибудь. Но только тогда, не раньше, мы с вами увидим снова женщину в зеленом платье с цветком мальвы.

...А воображение мое очертило круг, и в нем оказа-

лись моря и океаны — воды их бороздили корабли с тугими звенящими парусами. Круг расширился. По лону земли, по белым пескам, среди тридцати зеленых хребтов шумели семьдесят семь играющих рек.

И девяносто девять рек бежали, сливаясь, по красным пескам, среди медно-желтых гор, у янтарных подов став семи утесов.

Солнце всходило над первым и вторым мирами. Над обоими мирами в волшебной-прозрачной выси плыл сверкающий воздушный фрегат. Внизу, пересекая ленты ста семидесяти шести рек, накрывая заливки хребтов, бежала его тень.

И возникли слова:

«С тобой мы шли, и ночь была все краше, и свет гнал тьму, и стало людно вдруг. И тень шагнула в человеческий круг, и понял я, что имя ей — Бесстрашье».

Часть первая. КАНИКУЛЫ У МОРЯ

КАМЕРА ХРАНЕНИЯ

Солнце стояло низко, и тень от эстакады ушла к серебристым стволам пробковых деревьев. Нас было трое: приземистый старичок с баулом, женщина и я. Мы стояли уже четверть часа — и ни с места, не ладилось там у них, в камере хранения: лента с чемоданом женщины остановилась вдруг, и вместо того, чтобы закинуть его на полку, потом пристроить дедушкин баул и отпустить меня, они принялись колдовать с механизмом. Их было двое; я слышал голоса, доносившиеся из окошка. По эстакаде неслись машины, над головой тарахтели мотоциклы и грузовики, а мы стояли и ждали у моря погоды. Галька сияла, и вода плескалась в тридцати шагах от нас.

Еще вчера я купался в Японском море. Вода там прохладная, ветры в октябре налетают со всех сторон, но зелень во Владивостоке еще летняя, ни одного желтого листа. Я добрался туда на теплоходе из города детства... Излюбленный мой отпускной маршрут начинается во Владивостоке, а завершается в Сочи, еще точнее, в Хосте. Полет наперегонки с солнцем длится около суток, если учитывать посадку в нескольких городах. Так было уже дважды после того, первого, полета...

— Простой, а завтра дождь зарядит, — сказал я негромко, — погода здесь капризная, особенно во время отпуска.

— На Черном море штормить в ноябре—декабре начинается, — негромко, серьезно возразил старичок.

А женщина молчала. И я добавил:

— Иногда это раньше бывает. Исккупаться бы, пока они там возятся. Эй, долго ждать?! — крикнул я, под-

винувшись к окошку, но, как водится, мне не ответили.

Я увидел круглое, светлое лицо женщины с едва приметными крапинками веснушек, ее вздернутый нос, большие серые глаза, усталые и все же какие-то задорные, с непонятым вызовом, что ли.

— Хотите искупаться? — сказал я.

— А они там долго? — спросила она.

— Какое это имеет значение? Камера хранения работает круглосуточно. А солнце, увы, нет. Тем более в октябре. Поднести чемодан до пляжа?..

— Хорошо, — разрешила она, легко откинув голову, и первой пошла к морю, а я смотрел на длинные предлинные тени от ее стройных ног и шел за ней.

Мы переправились через балку с тусклой травой и ленивым ручьем, потерявшимся в камнях в десяти шагах от моря. Она медленно направлялась к скалам, словно подумывая о зряшности моей затеи. Белые ее туфли с длинными носками ворошили галечник.

Так же нерешительно, медленно она входила в воду, и я удивлялся ей; подбадривая ее, заплыл далеко-далеко, лег на спину и смотрел, как она купалась, как боялась замочить волосы, как быстро выходила из воды и пряталась за скалой.

Мы вернулись. У камеры хранения ни души. Тускло-красное теплое солнце висело над самым морем.

— Зеленый луч когда-нибудь видели? — спросила женщина, повернувшись к солнцу.

— Ни разу, — ответил я. — Воздух стал другим, не получается.

— И я нет, — сказала она. — А что с воздухом случилось?

— Стал он не таким прозрачным, машин прибавилось... — Я поднял ее чемодан и сдал его мужчине в темных очках. Потом свой. Проводил ее на крутую горку, где среди теплых серых камней примостился дом отдыха. Внизу россыпь огней, над ними белые легкие быстрые облака, до которых можно рукой дотянуться.

— Завтра поможете чемодан сюда перенести? — спросила она.

— Я мог бы это сегодня сделать.

— Не догадалась.

— Вас зовут Женя?

— Откуда вы знаете?

— Угадал. Завтра я буду под скалой.

— Хорошо. Я тоже.

— До встречи.

— До завтра.

Дикарь несчастный, подумалось мне, давно пора научиться доставать путевки. Я отправился на поиски жилья. Был теплый вечер, у нового санатория пахло цветами: тонкий, знакомый по прошлому году аромат; дальше, под деревянным мостом, шумела Хоста; из ущелья тянуло холодом, и здесь, над рекой, вспоминались московские холодные дожди, первые заморозки... Я взбежал на горку, привычно считая каменные ступени. Пятьдесят, семьдесят, девяносто... вот и знакомый дом. Мне повезло: через полчаса я снова шел по каменной лестнице, но уже с чемоданом, свернул направо, открыл дверь ключом, который дал мне хозяин, зажег свет, положил чемодан, присел над ним на корточки... На синтетической коже его исчезла царапина, которую я заметил раньше. Я поднял чемодан на стул, поднес настольную лампу и развел руками: синтетик был гладким; чистым. С минуту стоял в раздумье. Поднял крышку. Костюм повесил на вешалку, свитер на спинку кровати, достал рубашки.

Стоп. Что-то не так... Электрическая бритва лежала справа, это я помнил; сначала я вообще забыл ее положить, а когда спохватился, то места не оказалось, и я примостил ее кое-как, и мягкая крышка чемодана заметно здесь выдавалась. Теперь бритва была слева, и никакой выпуклости, кажется, так... И с рубашками недоразумение. Все они выглажены, сложены как надо. А ведь этого быть не могло! Я не умею обращаться с

сорочками, и одна из них, вот эта, из прачечной, должна быть сложена по-моему. Я прихватил ее в последний момент.

Ни одной вещи не исчезло, но они приобрели какую-то необъяснимую новизну. Следовательно... Нет, ничего из этого необъяснимого факта не следовало, как ни напрягал я воображение. В голове промелькнуло: камера хранения опытная, отлаживает методы обслуживания, совмещая хранение вещей с химчисткой... Если бы! В этом южном городке, кажется, не было и обычной химчистки... Впрочем, пора спать.

ЛУЧИСТЫЙ КАМЕНЬ

Утром после тихой спокойной ночи была особенно заметна разница в цвете воды: бухта, куда впадала Хоста, казалась темной, дальше открывались голубые дали.

— Это не обман зрения! — сказал я Жене. — Там чистая вода и красноватая галька.

— Так пойдем туда.

И мы двинулись по берегу, поднялись на бетонную стену, кое-где изъеденную прибоем. По правую руку от нас туннель убегал под гору, на склоне росло несколько пицундских сосен.

— На Пицунде их много, целая роща.

— Знаю, — сказала Женья.

Мы одолели железнодорожную насыпь, двинулись по шпалам, спустились на бетонный волнорез, я прыгнул вниз и поймал Женю. Здесь было просторно, пусто, над нами поднимался берег. Странно было видеть в октябре эти глубокие зеленые краски: широколиственный лес взбирался по крутому склону, кое-где голубели сосны, на фоне деревьев бежал поезд. Плавным, спокойным было его движение. Лучи солнца не проникали глубоко в лес, и видны были темные прогалы между дубов и кленов, размытые тени, кусты калины. Поезд про-

бежал, и эти мгновения запомнились с такой легкостью, как будто я давным-давно уже видел этот берег. И не один раз...

В шашлычной на вымощенном камнями пятачке расставлены столы и стулья, дремлет старый сытый кот, и днем тут не надо стоять в очереди, потому что с дикого пляжа еще никто не пришел, кроме нас с Женей и того самого старичка, что стоял с нами в камере хранения.

Женя присела за столик, а мы с ним получали обед, и я успел спросить его, не заметил ли он чего и цел ли его баул.

— Нет как будто, — сухо ответил он и занял столик у большого пробкового дерева.

...Я рассказал Жене о чемодане, рубашке и бритве. А вот и камера хранения. Я протянул квитанцию в окошко. Машинально получил Женин чемодан и тут только рассмотрел, что подавал его не вчерашний мужчина, а женщина.

Удивительная это была женщина: прическа высокая, глаза светятся под очками зелеными искрами, платье тоже с какими-то искрами, впрочем, после целого дня на солнце это могло и показаться... Мы взобрались на горку. В бассейне плавали красные и оранжевые рыбы. Ни души, в доме отдыха тихий час. Прислонившись спиной к серой глыбе, нагретой солнцем, я ждал. Женя поднялась по ступенькам и вышла на балкон.

— Спускайся вниз, — сказал я.

— Не хочется, — ответила она; постояла, постояла — и все же ушла с балкона. Я увидел ее на крыльце. Она сказала:

— Пойдем, расскажу о чемодане.

Мы пересекли тень от эстакады, выбрались на дикую тропу и повернули в сторону Адлера. Там песчаный пляж, редкость для Кавказа, и песок там крупный, серый, горячий, а море почти такое же голубое, как за бетонной стеной, где мы купались утром. Справа — красный тревожный свет, солнце почти коснулось воды.

— Знаешь, я сразу поняла: что-то не то, — начала рассказ Женя. — Слишком уж все выглажено, а туфли как новые. Может быть, я и не заметила бы ничего, да ты подсказал. Вышитый цветок на кофте и тот как будто только что распустился, да вот посмотри... а ведь он давно вылинял.

— Э, дело не в цветке.

— А в чем?

— А вот прочти...

— Тут по-итальянски, я не умею.

— И никто теперь не сумеет, название фирмы нужно с конца читать. Это слово тебе знакомо?

— Вроде «синтетика»... если с конца.

— В том-то и дело. А так все в порядке. Нужно было им спасибо сказать.

— Кому — им?

— Ну тем, кто в камере...

— А-а... Что это они удумали?

— Сегодня на пляже двое о том же говорили. О камере хранения. Два парня у волнореза, я к ним прикурить подходил, один в очках, на аспиранта похож, так вот он сказал: «Это не камера хранения, а пункт обмена старых вещей на новые». А второй парень ему ответил: «Ну и даешь ты, Борис, кому это надо: старье брать, а новое отдавать?» А тот, первый, Борис, ему говорит: «Мало ли кому. Ты вот сидишь здесь и думаешь небось, что ты венец творения, думаешь ведь?.. А того не понимаешь, что если бы так оно и было, то и в камере хранения такой ничего удивительного бы не было. Но то-то и оно, что не венец ты творения, Сеня, а предмет изучения. О деталях, впрочем, умолчу. — И он странно хмыкнул. — Статью космонавта Поповича о разумной жизни на спутниках Сатурна и Юпитера читал?.. На Европе, что обращается вокруг Юпитера, обнаружили целый океан воды. Так вот, допустим, что жизнь где-то есть. Те, другие, поступают так же, как

мы. Мы ищем каменные ножи, амфоры, берестяные грамоты, глиняные таблички, статуэтки, древние книги и кольчуги, все, что создано руками человека. Те, с других планет, — тоже...»

И тут я перебил их. Прикурил. Отошел, усмехнулся про себя, а через некоторое время задумался об инопланетном разуме, представляешь?

— Это серьезно, — согласилась Женя. — Но я на твоём месте даже и представить себе не смогла бы, как это камера хранения попала в руки инопланетян.

...Как-то я заглянул в окошко; рядом никого не было, и я вдруг увидел, что камера хранения намного просторнее, чем я думал. А вместо пола, казалось, была морская гладь, и, только присмотревшись, я понял: это голубой ковер... Передо мной возникла та самая женщина.

— Скажите, — спросил я самым естественным тоном, — вы, конечно, слышали о Венере Милосской, олицетворяющей женскую красоту?

— Да, — ответила она и как будто задумалась, загляделась на свое кольцо с восхитительным зеленым гранатом. Такой гранат, я знал, как будто бы помогал угадывать будущее.

Но речь шла о далеком прошлом. И это далекое прошлое было моей специальностью: ведь я защитил диссертацию о культурах Средиземноморья такого давнего периода, что на защите не нашлось ни одного серьезного оппонента.

В ее гранате вспыхнула и пропала изумрудная искра, несомненно, игра света... Я сказал:

— Весной 1820 года крестьянин с острова Милос по имени Юргос погрузил в землю лопату и наткнулся на изумительную скульптуру. Потому и названа она Милосской. Но Венера была без рук.

— Нет, — возразила она односложно, и я постарался скрыть удивление.

— Да, говорят, что французский мореплаватель Жюль Себастьян Сезар Дюмон-Дюрвиль описал ее в своем дневнике совсем другой. В левой руке она держала яблоко, а правой придерживала ниспадавшее одеяние.

В гранате ее — белый огонь. Вспыхнул и погас... Я внимательно рассматривал ее кольцо. Давно уже гранат перестал быть редкостью, из него делают электронные приборы, совсем несложные. Пластины граната с какими-то примесями могут задерживать ультразвуковые колебания, служить элементами памяти. Это, если угодно, подобие объяснения его свойств, связанных с будущим, с предсказаниями всякого рода. Если, конечно, молчаливо предполагать, что будущее уже содержится в прошлом... но парадокс этот более чем сомнителен. Ее гранат тоже был синтетическим, и я подумал, что во времена Куприна никто об этом и не догадался бы.

— Да. Ее видел Дюмон-Дюрвиль, — сказала она с расстановкой, и я опять скрыл изумление, вызванное и словами ее, и тоном, не терпящим возражения. И еще она добавила: — А почему вы спрашиваете меня об этом?

— Да потому, — сказал я и сделал паузу... — потому только, что вы копия Венеры Милосской, какой ее видел Дюмон-Дюрвиль.

— Неправда, — сказала она.

Я молчал и смотрел на нее. И в эту минуту она не могла опустить глаза и глянуть на гранат. А там мерцал зеленый змеинный глаз.

— Правда, — сказал я, глядя ей в глаза. — А теперь скажите, пожалуйста, что это за работу вы себе нашли?

— Это временно, — сказала она, и бесцветный огонь вострепел в камне.

Тут подошли сразу несколько человек, накидали саквояжей и сумок. Незнакомка отдалилась от окошка, и все эти нелегкие вещи каким-то непостижимым образом оказались на движущейся ленте. Она оставалась в

тени. Я уж было хотел снова подойти и продолжить разговор, но меня оттерли три отпускницы, за ними приблизились мужчины, и я понял, что пришел автобус из Адлера и нужно подождать часок-другой. Но когда наконец пятачок близ окошка опустел, ее уже не было. А был не располагающий к беседе тип в очках, которого я приметил в первый день.

Пора было к Жене. Все эти дни стояла изумительная погода, дышалось легко, я перепрыгивал через три ступеньки, не уставая. В воздухе легкий пряный запах отмирающих листьев и последних осенних цветов. В бассейне шевелили хвостами беззаботные рыбы; мальчишки кидали им хлебные крохи, иногда, впрочем, наживляя их на крючок, привязанный к мизинцу.

Да, я думал о незнакомке... Удивительно это. Откуда она знает о Дюмон-Дюрвиле? А кольцо с гранатом!

Но поздним вечером, когда мы бродили с Женей по изогнутому, как серпантин, аллеям и под ноги попадались какие-то большие коричневые стручки, настроение переменялось. Что, собственно, тут загадочного? Гранат обыкновенный, даже синтетический, а светится он потому, что положение ее руки во время разговора менялось. Что загадочного в ее платье, туфлях, односложных ответах? Да, красива, ну и что? Туфли... ну, положим, в Сухуми или Тбилиси можно достать и получше.

Женя заметила, что я рассеян, и угадала, кажется, по какой именно причине я молчу. Но говорить с ней о своих подозрениях я не мог. (Не мог! Она бы рассмеялась мне в лицо — при самом благоприятном исходе)

Небо было глубоким, сапфировым, с каким-то странным светом, с отблесками на летучем облаке, с россыпью бирюзовых звезд. Мы остановились у бассейна, и небесные огни отражались в темной воде, мигали, завораживали. Но это была реальность!

Взгляд не может не путешествовать во времени. Ведь вместе с ночным атмосферным свечением, опаздывавшим всего на тысячные доли секунды, приходят и вести

из давнего прошлого. Первая станция на пути в прошлое — альфа Центавра. Четыре года разделяют нас. И этот отрезок неопределим — нельзя пробить пока сказочный туннель к звездному раскаленному шару, чтобы сблизить два разных времени. Но что такое четыре года по сравнению с сотнями, тысячами веков!

Звезды из столетней окрестности — это современницы, так их, пожалуй, можно назвать; они почти наверняка таковы, какими кажутся, видятся. Но стоит удалиться за эти пределы, обозначаемые не человеческим воображением, а стеклами или антеннами астрономических приборов, и зарождается сомнение: не погасла ли дальняя звезда? Не исчезла ли туманность — целый мир, отнесенный от нас на многие и многие поколения пути?

Я рассказывал Жене о звездах, а сам думал о другом: почему же я не спросил незнакомку обо всем напрямик?

Нужно исправить ошибку. А захочет ли она беседовать о том, что меня интересует?.. Вряд ли. Хорошо, что сегодня она не догадалась, куда я клонил. Впрочем, я опять фантазировал: нет, не стояли за ней зеленые человечки с другой планеты, ведь ясно же!

Женя — биолог, заканчивает аспирантуру; об инопланетянах слышать не может: морщится и хохочет.

НИ СЛОВА О ГУМАНОИДАХ!

Женя чуть выше меня, и когда мы идем с дикого пляжа, рука ее покоится на моих плечах.

Есть такой возраст, когда одинаково небрежно, покровительственно обращаются и с теми, кто моложе, и с теми, кто старше. Потому-то и смешно мне стало, когда на глаза нам попался старичок из очереди в камеру хранения и довольно-таки косо посмотрел на нас.

Кто бывал в Хосте, знает, что дорога с северного дикого пляжа проходит как раз мимо камеры хранения

под эстакадой. Вот так мы с Женей и прошествовали в обнимку мимо знакомого окошка. Оно казалось сереньким, невзрачным, не заслуживающим внимания. Я хотел заглянуть туда, но Женя меня не пустила.

Несколько раз проходил я с Женей под эстакадой, но каждый раз повторялось то же самое: Женя удерживала меня, она была против этой истории с незнакомкой и странной камерой хранения.

Однажды поздним вечером я увидел незнакомку в дальнем углу комнаты с голубым ковром, но тут же у окошка оказался человек с зонтом и чемоданом. За ним не замедлили появиться еще несколько отдыхающих. Подошел поезд... Я дождался, пока людской поток схлынул, но увидел в камере только мужчину в очках с небрежно зажатой в зубах трубкой.

Я пошел к причалу, где плескались мутно-зеленые волны, а у волнореза кто-то стоял с удочкой. Вот подошел еще один рыболов, и я узнал обоих: это были аспирант Борис и его знакомый.

Я поздоровался. Они ответили. Борис озабоченно посмотрел на часы. Я спросил:

— Не помешал?

— Нет как будто, — ответил Борис и добавил, обращаясь к товарищу: — Через десять минут, можешь сверить часы.

— Не клюет? — спросил я.

— Не особенно.

Мне показалось, что на дальнем конце причала кто-то есть... женщина как будто. Борис подтолкнул товарища, оба смотрели туда, где у мыса Видного шел катер на подводных крыльях. За катером, за мысом сверкнуло, и небо перечеркнул метеор.

— Ну как? — спросил Борис.

— Точно, — ответил товарищ.

— О чем вы, ребята? — поинтересовался я.

— Да о том же, о загадках природы... метеор видели?

— Видел.

— Завтра приходите в то же самое время, увидите снова.

— Ну да?

— Три вечера подряд одно и то же.

— Интересно.

— А что именно вам интересно?

— А то, что вы о камере хранения на пляже говорили.

Они переглянулись. Борис сказал:

— Это гипотеза. Знаете, сколько лет Копернику понадобилось, чтобы доказать очевидную, казалось бы, мысль о беге нашей планеты вокруг светила?.. Ну вот, а вы готовы поверить нам сразу. Так не бывает.

— Не бывает... — поддержал Бориса товарищ.

— Почему же не бывает... я вчера говорил с той женщиной.

— Ну и что узнали?

— Да ничего не узнал. Отвечает «да» и «нет».

— И не узнаете ничего, даже если мы с Борей правы. Так, что ли, Боря?

Тот утвердительно кивнул. И вдруг спросил:

— А вы что, в самом деле поверили?

— Да как сказать...

— Вот то-то и оно, что проверить это невозможно. Тут сам Коперник бы спасовал. Допустите на минуту что-нибудь такое... понимаете?.. И увидите, что вы абсолютно беспомощны и вокруг вакуум, пустота, полное отсутствие фактов.

— Станные, однако, у вас ассоциации... Между прочим, пока мы с вами разговаривали, исчез человек. Вон там, на дальнем конце причала...

— Показалось!

— Пойду посмотрю...

Прошел весь причал, но никого не обнаружил. Ни с чем вернулся к ребятам.

— Неужели шутке поверили? — опять спросил Борис. — Контакты невозможны.

— Ладно, чего уж. — Я подумал, что они готовы забыть случившееся. — Почему на пляже не появляетесь?

— Да мы на другой перебрались. Чтoб вам не мешать.

Темень вокруг непроглядная... Покачиваются на волне поплавки. Бухта спит, городок видит вторые сны.

Я отошел в сторону от них, размышляя о сказанном: в словах Бориса чудился мне скрытый смысл; все, что он говорил, показалось мне неискренним.

Теплая ночь... тайный свет у окоема, где звезды погружаются в воду, какие-то бродячие морские огни, мягкое дыхание ветра, открытость пространства. Когда-то, я знал, у береговой линии рождалась жизнь. Богиня Афродита вышла из пены морской. Там, где соединяются воздух, вода и земля, произошло необъяснимое чудо. Ветер собрал здесь с поверхности моря все богатство океана, странно-загадочные цепочки органических молекул, легкие атомы жизни. Именно здесь, в тихих лагунах, начались, быть может, впечатляющие превращения.

СОН. ПЕСНЯ ВЕТРА

Иду в свое временное прибежище; считаю ступеньки; открываю дверь. Спать!.. Мне снится сон. Будто бы я снова выхожу к морю.

Далеко-далеко, у адлерского мыса — созвездие переливающихся огней; я смотрю на них из темноты под высокими кронами пробковых деревьев. На мраморных ступенях у санатория «Волна» желтые листья, низко склоненные ветви ив.

Впереди — причал. Как наяву, снова вижу ее. Она молчит, но я вдруг понимаю, что должен подойти. На руке ее вспыхивает гранат. Зеленый узкий луч бежит по гальке, по асфальту, останавливается у моих ног. Ведет к ней. словно зеленая нить тянется от нее ко мне.

Она в коротком плаще, волосы ниспадают волной, почти закрывают плечи, воротничок плаща.

— Это сон, — говорит женщина.

— Да, сон, — повторяю я.

— Идите за мной, — продолжает она. — Не бойтесь.

Она подходит к самому краю причала и легко спрыгивает на глянцевую воду. И ждет меня. И легко так покачивается на пологих волнах. Я прыгаю вниз. И вода держит меня. Я будто бы становлюсь легким как перышко. Она идет по волнам. Я за ней... Дальше, дальше от берега. Вот она остановилась. Обернулась.

— Ну что отстае? Живее!

Несколько шагов — я рядом с ней. Она берет меня за руку. От ладони ее исходит какое-то электрическое тепло, кожу мою покалывает.

— Идите следом! — повторяет она.

Туфли ее скрываются под водой. Она медленно погружается, как будто под ногами ее отлого уходит в воду береговая полоса. Но это не так. Мы держимся без опоры — и постепенно опускаемся, опускаемся... ниже, ниже. Вода плещется у моего подбородка. Мне не страшно. Вода теплая, мягкая какая-то, она не сопротивляется движению. И одежда моя суха.

Вот мы уже в глубине. На дне шар.

Шар светится. Он жемчужно-бел и осязаем.

Будто бы мы вошли через овальный люк в этот шар и он всплыл и понес нас над глянцем волн так низко, что гладкое его днище касалось их гребней. Прошла едва ли минута. В течение этой минуты я видел как бы застывшее море. Шар изнутри был прозрачен. Только внизу были темные ниши и над головой овальные углубления, откуда шел свежий воздух, и хотелось подставлять этому потоку лицо и руки. А море вдруг снова поглотило нас. Шар опустился на дно.

— Выходите! — коротко скомандовала женщина.

Я открыл овальную дверцу и вышел. Так, как будто

это был троллейбус, а под ногами моими асфальт. И опять я не почувствовал плотности воды: она не сопротивлялась движению, мы шли по морскому дну не быстро и не тихо, и движения ее рук и ног были грациозно-непринужденны, как во время прогулки. Наверное, для нее это и была прогулка.

...Я увидел человеческую руку, торчавшую из песка, и замер. Мгновенный страх. Полосатая невзрачная рыбешка метнулась в сторону. Я что-то сказал. Она остановилась. Лицо ее было невозмутимо. Медленно провела она рукой над тем местом, где под серым песком погребен человек, и я увидел вдруг, что этот человек бронзовый. Серый пласт грунта приподнялся, приоткрыв статую.

— Работа великого Фидия, — сказала женщина. — Это к вопросу об античном искусстве, вас ведь оно интересует?..

— Да. — Я понял намек. — Фидий один из строителей Парфенона.

Едва заметный ее жест — и серый грунт, еще оставшийся в волосах бронзового мужчины, перехваченных лентой, легко поднялся, образовал облачко мути и осел на дно близ скульптуры. Произошло это так, как будто она могла действовать на предметы, не прикасаясь к ним. (Наяву я вряд ли бы поверил в подобное, хотя мне и приходилось слышать о телекинезе, — я даже видел фильм с участием симпатичной женщины, по мысленному приказанию которой двигались компасная стрелка, авторучка, футляр от кубинской сигары и другие мелкие вещи.)

Теперь мне открылось: скульптура восхитительна, ее не с чем сравнить! Смутная догадка мелькнула у меня, но едва я решился высказать ее вслух, как женщина сказала, словно подтверждая ее:

— Да, это одна из статуй, преподнесенных афинянами дельфийскому святилищу. Всего было подарено тринадцать статуй. Если помните, в 490 году до нашей эры

была одержана победа над персами при Марафоне. Павсаний пишет, что дар дельфийцам посвящен именно этому событию.

— Где мы находимся? — спросил я. — То есть я хотел бы знать...

— Риаче Марина, Калабрия, — ответила она.

— А время... наше?

— Тысяча девятьсот семьдесят второй год новой эры... Вашей эры, — уточнила она, и я понял, чем это было вызвано, но промолчал.

Вода была светлой, голубоватой, видно, мы находились на неглубоком месте, рядом с берегом. Так оно и было. Я увидел двух аквалангистов. Они приближались...

— Это они, — сказала женщина как бы про себя, и бронзовая статуя мгновенно покрылась сероватым песком, и ничто не напоминало о ней, кроме руки... Мы отошли. Шар погас. Аквалангисты замедлили движение, остановились. Их испугала, так же как и меня, рука бронзового человека. Мгновение — и они поплыли назад, к берегу. Они работали ластами так, что до меня доходили упругие волны...

— Все. Сейчас они сообщат о находке в полицию, потому что приняли статую за убитого. А нам надо уходить. Это была единственная возможность показать вам творение Фидия, понимаете?.. Полиция прибудет через час. Они передадут скульптуру для исследований. Потом во Флоренции ее будут реставрировать целых пять лет, ведь бронза подвержена солевой коррозии. Там же, во Флоренции, в здании археологического музея откроется выставка. На ней будет и вторая статуя, лежащая здесь, неподалеку. Но вы на выставку попасть не сможете. Вот и все.

...Снова — шар. Полет над морем. Подводные раздолья.

Проступили сквозь водяную толщу очертания судна. Мы приблизились. Это был русский фрегат. Два-три ша-

га — и мы остановились. Я едва мог различить детали деревянного корпуса, их контуры были изменены, искажены до неузнаваемости. Наклонив палубу, фрегат навеки остановился на морском дне. На форштевень разрослись коричневые подводные растения (их листья и стебли пошевеливались от стремительных движений рыбьей мелюзги). Не видно пушечных портов. Ракушки облепили кнехты, служившие некогда для крепления снастей бегучего такелажа. В палубе зияли неровные пробоины. Обнажились бимсы, на которых покоился настил. Наклонная плоскость кормы, нависшая над водой — подзор, — уже не напоминала о великолепной резьбе по дереву, которой так славились корабли — ровесники фрегата.

Спутница легко взмахнула рукой.

Будто сказочное диво явилось мне. Точно освободившись от колдовства, корабль вздрогнул. Исчезли мидии и водоросли, в пушечных портах засияли начищенной медью дула, развернулись паруса, на носу поднялась Урания — женщина под звездным венком: за спиной ее развевается плащ, тело ее как бы летит, оставляя рассыпающиеся по бортам акантовые листья. Локоны ее над волнами словно рожают музыку, и, внемля этой музыке, тритон на кормовом подзоре запрокинул голову, чтобы вот-вот протрубить в золотую раковину начало похода.

Рядом с тритоном выпукло обозначились лев и морской конь-гипокатам, они приподнялись, поддерживая венок и скрещенные мечи, и застыли в геральдической позе. Между ярусами окон возникли крылатые женские фигуры, в простенках между окнами нижнего яруса вспенили воду дельфины. В квадратные торцы крамбол вписались гирлянды, а на самом верху кормы, на гекаборте, застыл Нептун.

Я несколько раз обошел корабль. Я медлил, не хотел с ним расставаться.

— Пора, — сказала женщина.

Мы подошли к жемчужному шару, нырнули в овальный люк, шар дрогнул, за ним взвилось облачко мути. Фрегат точно растворялся в воде. Но это был прежний корабль, каким он предстал перед нами в первое мгновение, — глыба, заросшая морской травой.

Она нажала матовую клавишу под рукой. Прямо на стекле шара я снова увидел корабль — сияющий убранством фрегат.

— Копия... — попробовал догадаться я. — Объемная запись.

— Пожалуй, можно и так назвать, — согласилась она.

— Вы могли бы вызволить этот корабль из морского плена и перенести его к себе?.. — не очень уверенно предположил я.

— Нет. — Она строго взглянула на меня. — Это все равно что отнять у таких, как вы, сердце. Или слово.

— И это, наверно, очень далеко... — кивнул я понимающе.

— Очень! — согласилась она и вдруг спросила: — Скоро закат, хотите увидеть зеленый луч?

— Да.

Она остановила шар у самой поверхности. Я припал к стеклу. Сверкнул ее зеленый гранат. И тотчас, словно отозвавшись, последний луч закатного солнца прошел через воду; он был зеленоватым, дрожащим, волны точно пытались его размыть.

— Спасибо, — поблагодарил я; она улыбнулась.

— Я хотел спросить вас о гранате... что это?

Она словно обдумывала, как ответить; помолчала, сказала:

— Мой советчик, помощник. Моя память. Память логическая. Гранат помнит все. Но память эмоциональную доверять ему... — она опять помолчала, — доверять ему не надо... Правда, когда я работаю, это бывает необходимо — всегда верить ему.

— Вы устаете? — спросил я.

— Бывает, — ответила женщина. — Иногда устаешь и хочется забыть... все забыть.

У нее было строгое, грустное выражение лица, а простая прическа (вовсе не такая, какую я видел однажды) наводила на мысль, что ей частенько приходится кому-то подражать.

— Возможны ли контакты? — Вопрос мой был недвусмысленным.

— Только во сне. — ответила она тихо и печально улыбнулась. — Во всяком случае, мы не должны оставлять доказательств контактов. Это может изменить будущее.

— Значит, работать нелегко... — подытожил я, невольно вспомнив сестру, но стараясь не выдать себя: ведь я, по существу, не знал еще, с кем мне довелось встретиться...

Она молча кивнула.

— И у вас бывают недоразумения... ошибки... — Я осторожно намекал на камеру хранения, которая путала правое и левое.

— Да, бывают, — согласилась она. — И очень часто, к сожалению. Меня уже предупредили, что нужно быть внимательнее.

— Кто предупредил?

— Не знаю. Просто сказали. Узнать предупредившего я могла бы по зеленому гранату. Такому, как у меня. Разве что крупнее и ярче...

— Значит, это женщина?

— Женщина. Только... как это сказать... выше рангом. И гранат у нее не простой.

— Понимаю. Только и ваш гранат не так уж прост.

— О нет! У меня не такой...

— И она здесь?.. Та, другая?

— Выходит, здесь.

— Только для того, чтобы проверить вашу работу?

— Да. Впрочем, я уже наделала ошибок, и предоставляю. Вы тоже будьте готовы... Однажды на рассвете

постучат в окно. Сначала тихо, потом сильнее. Три раза и еще семь раз. Вам захочется открыть окно, но вы не подходите и не открывайте. Знайте: это прилетела металлическая муха разрядить вашу память, освободить вас от воспоминаний. Муха будет жужжать; звук этот почти неуловим, но он застигнет вас врасплох и подчинит себе. Подойдете к окну — забудется сон: и жемчужный шар, и старый фрегат под парусами, и дельфийская скульптура. И все остальное... Вот вам иголка. Воткните ее в оконный переплет. Иголка эта не простая. Муха ее боится. Ведь тысячи прозрачнокрылых сородичей ее кончают жизнь тем, что пополняют собой коллекции. Это неизбежно: нет вечных двигателей, бессмертных существ и бесконечных историй. Живая муха или электрическая — конец один: на иголке в коллекции или в запаснике кибернетического фонда, где собраны удивительнейшие экспонаты всех времен. Защититесь иголкой — и она будет служить антенной, от которой мухе не поздоровится.

И я с радостью потянулся за иголкой, но она отвела мою руку и сказала: «Лучше мне самой...»

Снова полет. Стремительный, бесшумный, почти невидимый со стороны. Потом мерцание зеленого луча в глубине.

И я увидел подводные сады, забытые причалы, затонувшие каравеллы и галеры, покоящиеся в подводных долинах и расселинах, светящиеся глаза обитателей придонного слоя, тени кальмаров-гигантов, скользящих в глубине. Увидел коралловые рифы в аквариумном пространстве вод, полосатых и пятнистых пестрых рыб, похожих на бабочек, и птиц, морских змей и скелеты вымерших ящеров в доисторических пластах. Она показала мне развалины опустившегося на дно древнеиндийского города Каверипаттинама, откуда суда династии Чолов отправлялись в заморские страны. Я побывал у пирсов Ольвии. У Багамских островов, где покоится легендарная «Пинта» — третья каравелла экспедиции Ко-

лумба. У канадского острова Фанди, где рыбаки подвешивают сети на берегу на высоких шестах, как будто собираются ловить птиц. После самого высокого в мире прилива — восемнадцать метров — можно собирать улов.

...Когда мы приблизились к знакомому берегу, я услышал странные стихи. Женский голос звучал протяжно, изысканно-медлительно. Но я не узнавал его. Незнакомка исчезла из моего сна. Казалось, поет ветер. Или море.

Пусть жабры и клыки процедят воду,
И пусть вернется вновь вода
И складки гор умножит,
Как морщины множит горе, —
Бессмертны мы. Сегодня и всегда
Свет глаз твоих над этим морем.

НЕПОТЕРЯННЫЙ ДЕНЬ

Утро. Неяркий свет в окне. Но уже десятый час. Под окном много зелени, и листва заслоняет солнце. Вскakiваю с постели, умываюсь, вспоминаю, что в десять мы должны быть с Женей в Адлере, чтобы лететь в Красную Поляну. Ведь я почти опоздал! Скатываюсь по ступенькам. Бегу к стоянке автобуса, где мы условились встретиться... Жени нет. Ну, положим десять минут она могла бы и подождать. А небо! Так ясно, что видна труба теплохода над сферическим изгибом морской дали.

В кафе на центральной аллее глотаю сливки и творог; бреду на пляж. Заглядываю в камеру хранения. Ее нет. Ну и сон мне приснился...

Под бетонным волнорезом мелкие черноморские крабы вылезли погреться на солнышке. Кидаю с досады камни в воду, целюсь в высоко торчащий над водой валун: два попадания из десяти, результат неважный. На пляже пустынно, как всегда в середине октября. Тишь. Галька красная, теплая... И шуршит. Оборачиваюсь: Женя.

— Здравствуй, Женя! Я тебя ждал, но не дождался.

— Здравствуй. Ты меня не ждал.

— Ошибаешься. Полчаса охотился за тобой на автобусной стоянке. В Красную Поляну мы опоздали.

— По твоей вине.

— Но тебя же не было в десять!

— Была. В тот день, когда мы договорились. То есть вчера.

— Что это значит?

— Это значит, что мы с тобой должны были лететь туда двенадцатого октября.

— Женя!.. Мы же договорились: сегодня с утра...

— Но сегодня уже тринадцатое.

— Да? Шутить изволите?

— Проверь, — пожала она плечами так непринужденно, что я действительно пошел за соседний волнорез, где как раз оказались двое тех самых ребят.

Вдвоем они убедили меня, что сегодня тринадцатое октября.

— Сдаешься? — спрашивает Женя.

Я молчу, вспоминаю странный сон, пытаюсь найти какое-то подобие объяснения. Сутки, выходит, пропали, или, быть может, это вовсе не сон? Да нет! Что это со мной в самом деле? Легче допустить, что я проспал до сегодняшнего утра, ведь спать хотел по-настоящему... Это хоть похоже на правду в отличие от варианта с путешествием в Средиземное море, Атлантику, Индийский океан, на морское и океанское дно на жемчужном шаре в сопровождении очаровательной инопланетянки.

— Разгадка проста! — воскликнул я. — Я волновался перед полетом в Красную Поляну, и мне все это приснилось. Во сне я летел с тобой на вертолете, представь себе. И мне показалось, тоже во сне, конечно, что просыпаться необязательно. Проспать почти двое суток! Можно ли это представить?

— Трудно... — односложно ответила Женя. — Со-

гласна дать тебе еще одну попытку. Учитывая, что сегодня тринадцатое число.

— О, я завтра буду ждать тебя в такси у самого дома отдыха!

— Идет.

...Проснулся я рано: кто-то тихо, старательно, настойчиво стучал в мое окно. Прислушался — стук повторился. Я быстро встал, подошел к окну, отдернул слепую белую занавеску, уколол палец сломанной иглой, которая торчала из оконного переплета... Высасывая из пальца кровь, я не без удивления обнаружил за окном Женю. Милое лицо, сонные еще глаза, а голос — веселый, звонкий:

— Я думала, ты опять проспишь! Да открой окно, а то плохо слышно.

— Я уколол палец, — сказал я громко. — Сейчас выйду.

По лицу Жени промелькнула летучая тень, тревога, почти неуловимая, как ночная птица. Прожужжал зеленый жук и утих, ударившись о стекло.

...Из Красной Поляны вертолет нес Женю и меня над тенистыми ущельями, а я увидел незнакомку из сна. Именно увидел, а не вспомнил. Или, может быть, представил так отчетливо, что невольно прикрыл глаза и подумал о шаре. Показалось: вот он, протяни руку и дотронешься... Открыл глаза. Мне и в самом деле захотелось увидеть его. Наяву. Но я знал, что это невозможно. И тогда появилось оранжевое пятно на стекле вертолета. Медленно ползло оно по стеклу. Цвет его изменился, и мне показалось, что это изображение жемчужного шара незнакомки. Так и есть, очень похоже! Иллюзия полная...

Я услышал:

— Кто-то слишком много себе позволяет. — Это было сказано тихо, но внятно.

Женя! Боже, до чего захотелось вспылить. Но я сдер-

жался, задумался. Кто слишком много позволяет себе? Ответ вовсе не очевиден. Если Женя имела в виду женщину с зеленым гранатом, то откуда она знала про жемчужный шар? Если меня, то и вовсе непонятно: при чем тут пятнышко на стекле вертолета, которое, кстати, исчезло.

Я внимательно изучаю Женю. Исподволь разглядываю ее. Кажется, она этого не замечает. Несколько непринужденных слов — и мне показалось, что она сама готова отвлечь меня от моих размышлений. Но нет! Женя не так проста, как мне казалось... не так проста.

— Что ты имела в виду, Женя?

— Я вспомнила, что камера хранения работает очень плохо! — Ко мне обращены ясные светлые Женины глаза, и я мысленно каюсь, что минуту назад допускал иное, не то, что она подразумевала.

А откуда-то из глубины моего существа всплывает мысль, от которой теплеют виски. «Тот день, когда было море, и старый фрегат, и песня ветра, — если он был — непотерянный день».

Именно светлый круг на стекле вертолета заставил вспомнить слова незнакомки из камеры хранения о второй инопланетянке с гранатом. О мимолетности соприкосновения миров.

НЕЗНАКОМКА, Я И ЖЕНЯ

Наступил день, когда я рассердился на себя, на Женю, на камеру хранения, на сатурнианцев, которые появляются на необыкновенных летательных аппаратах, свободно парят над Гималаями, в глубине морской передвигаются с помощью неких светящихся колес, выныривая на поверхность, чтобы запросто поболтать с наивными простачками третьей планеты. И со мной...

...Рано утром я пошел на базар, купил букет чайных роз, три килограмма винограда, корзинку — в нее сложил виноград, прикрыл его журналом, сверху положил

розы, приладил плетеную крышку и сдал в камеру хранения.

Принимала женщина. Была она в золотисто-желтом платье с белым газовым поясом, в дымчатых очках, на плечах ее — легкий шумящий плащ, на запястье — браслеты, на смуглых ногах серебристые туфли с высокими каблуками, расписанными золотыми волнистыми линиями. Я застыл, как вкопанный. Передо мной была комната с голубым ковром и маленьким столиком. На столике — хрустальный стакан, в стакане — алый цветок. Куда это подевались саквояжи и сумки?..

Женщина стояла чуть в стороне, и я потому и видел это пространство с белыми и желтыми бликами. Но вот она сделала два-три шага, и комната с голубым ковром утонула в полутьме. Я протянул ей корзинку. И тут заметил транспортер, опустил на ленту корзинку и взглянул на женщину. Под башней темно-золотистых локонов — неподвижное, строгое лицо.

— Все? — спросила она.

— Все, — ответил я, не решаясь добавить ни слова.

Осторожней, подумал я невольно, не подавай виду, что ты ее хочешь провести, иначе... Что будет, я не знал, но твердо решил подарить ей розы... позже. Интуиция подсказала, что тайна голубой комнаты мне не откроется, если я сейчас заговорю.

Быстро промелькнула неделя.

На пляже, где не раз поджидал я Женю, представилось вдруг, что комната с голубым ковром исчезла и женщина — тоже. Не пора ли, спрашивал я себя...

И вот новый день: у крутого берега я ловил знакомую минуту — показывалась бесшумная электричка, волна полого ложилась на гальку, голубоватый лес казался древним, сказочно живописным и притягивал к себе. Я подплывал к берегу, бросался на гальку, но все переменялось вокруг: и лес много терял в моих глазах, становился обычной рощей на взгорье, и на голой полосе берега, круто взбегавшего к его подножию, открывались

рытвины, горы щебня на железнодорожном полотне. И все это заставило меня снова ждать встречи с той минутой: я уплывал в море и высматривал электричку. Вот она появлялась и словно чертой отделяла прошлое от будущего. Но с каждым разом впечатление становилось слабее... И с этим я ничего не мог поделать.

«Что необыкновенного нашел я в камере хранения?..» — думал я и бродил по берегу и искал парней, размышлявших о ней много дней назад. Их не было.

Я подошел к Жене, и мы стали собираться. У камеры хранения я остановил ее. Теперь, спустя восемь дней, должно многое проясниться.

— Подожди.

Подошел к знакомому окошку. Протянул квитанцию. Женщина была рядом со мной, только на ней было другое платье, белое с голубым поясом. За ней угадывалась неувядающая алая роза на столике. Темный контур цветка плавал над хрустальным стаканом. Старая мысль промелькнула опять. «Зачем им... этим... старые вещи, если они могут сотворить в мгновение ока все, что надо, — и более того?»

Я взял корзинку, откинул плетеную крышку. Розы были свежее, чем восемь дней назад. Но вчера выяснилось, что у Жени — день рождения. Я протянул ей букет. А голова была занята другим: что происходит? Женщина отошла от окошка, но я успел заметить, как белым огнем полыхнул ее гранат. Цветок как будто плавал над хрустальным стаканом, и столб света выхватил из тьмы голубой ковер, и мне послышался там шум моря. «Вот оно что! — подумал я. — Им действительно нужны подлинные вещи. Пусть старые, но подлинные. Там у них, на другой планете, наверное, музей, лаборатория, что еще?.. Взамен они возвращают дубликаты, копии. Им это по силам. Просто!..»

И тут случилось то, что иногда случается со мной: пропало очарование голубой комнаты, женщины, алого цветка в хрустальном стакане, ведь я, наверное, добрал-

ся до сути. Как там, на берегу, где вечно будет пробегать на фоне леса поезд и, может быть, подарит кому-нибудь волшебную минуту, утраченную для меня. Не то чтобы я очень уж хотел огласить результаты моего эксперимента с розами, которые выглядели совсем живыми, такими же, какими я сдавал их восемь дней назад вот этой ворожее. Нет, но мне надоело играть в прятки. (Разве у меня нет сестры, похожей на эту незнакомку даже внешне?..)

Я говорил слишком громко, не без иронии, понимая, что только так и не иначе могу я выразить свое понимание событий и свою роль в них. Потом, когда память снова возвращала меня в этот солнечный день, я корил себя за поспешность. Но, допустим, я поступил бы иначе. Смог ли бы я чего-то достичь? Вряд ли...

Женя настойчиво тянула меня за руку — подальше от этого не нравившегося ей места. Она ничего как будто не замечала и воспринимала мою горячность спокойно. Но во время разговора, как я убедился позднее, ей не надо было искать смысл в моих словах — и она лишь живо улавливала интонации.

Подул ветер.

Всего на мгновение я отвел взгляд от знакомого окошка. Но этого мгновения оказалось достаточно. Взяв под руку ничего не подозревавшую спутницу, я шагнул к нему, уже понимая, что опоздал. Да, опоздал.

Я не верю своим глазам...

Передо мной белеет стена камеры, по ней разбегаются причудливые желто-зеленые узоры — отблески волн. На решетчатых створках красуется замок. Я осторожно провожу пальцем по темному холодному металлу. Замок покрыт пылью, и кажется, что висит он тут давным-давно. Быть может, это порыв ветра поднял пыль и надул сора в заржавленную скважину.

Медной тусклой проволокой к знакомому окошку прикручена табличка: «Камера хранения переведена в помещение вокзала». Женя недоуменно смотрит на меня,

и выражение удивления в ее больших светлых глазах сменяется другим: она как будто подозревает сговор. В тридцати шагах от нас по-прежнему лениво и бездумно плещется море.

ТАНЦЫ НА ГОЛУБОЙ ГОРКЕ

Вечер был таинственно-волшебным, таким же, каким был весь этот необычайный день. Я проводил Женю, вернулся к себе, прилег с книгой в руках на койку и услышал стук в стекло. Я замер. Стук повторился. Я резко поднялся, подошел к окну, откинул занавеску. Долго всматривался в мерцающие далекими огнями сумерки. Тишина. Вдруг снова стукнуло так, что звук этот ото-звался тревожным гулом во всем моем существе. И я увидел светящегося жука. Он размеренно, словно нехотя, полз по стеклу. Я привстал на стуле и открыл форточку. Жук шевелил усами с красными точками на концах — и не двигался. Я протянул руку за окно, чтобы поймать его. Не знаю, почему пришла эта нехитрая мысль. Насекомое двинулось к моей кисти, точно прилипшей к окну. Я отдернул ее. Пусть уж лучше влетит в форточку, подумал я. Но жук и не подумал влетать в окно. Он был похож на крупную бронзовку. Надкрылья его фосфоресцировали, красные точки на усах — тоже. Я наблюдал.

Вот он подполз к деревянной раме у самой форточки. Застыл, как будто принохивался к чему-то. Светящиеся надкрылья развернулись, одно мгновение — и он исчез, улетел. И гудение упругих крыльев напомнило мне утренний эпизод, когда я увидел перед моим окном Женю и услышал, как в стекло что-то ударило. Нет сомнений: это был тот же самый жук. В голове моей успела сложиться причудливая гипотеза. Ведь говорила же незнакомка о мухе, которая прилетит разрядить мою память! Да, это был сон, но сон правдивый.

Вот зачем пожаловал ко мне жук. Ему нужна моя

память. Мои воспоминания: о камере хранения, путешествии на дно морское... о сестре. (Контактов быть, в общем-то, не должно, и кто-то должен исправить допущенную незнакомкой и мной ошибку.) Может быть, этой печальной необходимости и не возникло бы, не проговорись я Жене сегодня про назначение инопланетного пункта по обмену старых вещей на новые. Это-то уж было совершенно недопустимо, и мне никто не простит разговора с Женей. Ясно, что за мной наблюдали, за камерой хранения, конечно, тоже. Наши отношения с незнакомкой, впрочем призрачные, были локализованы. Теперь пришел черед стереть всякую память о них.

Ну что ж, посмотрим, кто кого, подумал я...

Металлический жук стукнул по стеклу снова, меня словно призывали открыть окно настужь. Я знал теперь: жук бьется о непреодолимую преграду. Иначе он влетел бы в форточку. Быть может, его не остановило бы и стекло. Что же это за преграда? Догадаться нетрудно. Иголлка... она все еще торчала из оконного переплета. Позавчера утром я уколол палец до крови. Но зато избежал укуса этой твари. Иголлку подарила предупредительная незнакомка в серебристых туфлях.

Я нащупал холодное острие. Собственно, острия не было, вместо него был излом: половина иглы торчала из дерева, а другая половина... вот оно что! В кармане моей куртки, висевшей на спинке стула, я немедленно обнаружил эту вторую половину. Наверное, каждый кусочек этого амулета обладал защитным действием.

И когда игла оказалась в моей руке, жук отскочил от стекла, точно его отбросил щелчок невидимки. Я ждал его, стоял у окна и ждал. Тщетно. Он улетел и не возвращался.

Я вернулся к своей книжице. Это была «Война с саламандрами».

Книга предупреждала. Простое совпадение, разумеется. ...Незнакомка. Вторая незнакомка. Возможно, еще кто-то, о ком не было сказано. Это действующие ли-

ца. Какие силы стоят за ними? Этого я не знал. Концы с концами не сходились, как я ни ломал голову.

Наверняка вторая инопланетянка — обычная с виду женщина. («Узнать предупредившего я могла бы по зеленому гранату. Такому, как у меня. Разве что крупнее и ярче». — «Значит, это женщина?» — «Женщина. Только... как это сказать... выше рангом...» — «И она здесь?.. Та, другая?» — «Выходит, здесь».)

Она не просто проверяла камеру хранения, ее интересовала и моя персона. Оставаясь невидимой, незаметной, она или они исподволь изучали нас. А камера хранения была лишь приманкой.

Стоп. Не придумываю ли я? А если это обычная проверка камеры хранения, служившей станцией для пополнения инопланетного музея?

Нить памяти снова вела меня в прошлое.

Два голоса слышались мне, возможно, они дошли из подсознания. С одной стороны — отец, сестра, незнакомка, с другой — инопланетянка, уничтожившая камеру хранения, превратившая ее в обычный каменный амбар, и металлический жук.

* * *

...Утром шумела гроза. Я долго лежал с открытыми глазами, вспоминал случившееся, и оно казалось случайностью.

А может быть, именно так, а не иначе устанавливаются контакты, и нужно быть предельно собранным, внимательным к мелочам, к деталям раз уж так повезло? Повезло... Происшедшее могло быть тестом. Мысль эта манила и успокаивала. Но тут я понял, что продолжается воображаемый диалог, который состоялся накануне. Он отвлекал от главного. Рядом со мной и Женей вчера и раньше была вторая инопланетянка. Она следила за мной все эти дни, она подослала жука. Значит, среди инопланетян, кто бы они ни были, нет единства. Она

закрыла камеру хранения так искусно, что это привело нас в замешательство. История с контактом повторялась, опять он не выходил за рамки личных отношений. Как когда-то...

Может быть, моя встреча с сестрой на борту воздушного лайнера, мимолетная и никем, по существу, не замеченная, если не считать стюардессы, тоже была кому-то неужодна?

Я содрогнулся: в космосе нашлось бы место силам, грозным и неизвестным, даже моим хорошим знакомым.

Ничего пока не следовало из необъяснимых фактов. Ровным счетом ничего. Связано ли вчерашнее происшествие с сестрой... с теми, кто был тогда на корабле? Или это другие?

Может быть, это следующая по счету экспедиция? Я не был бы удивлен, если бы узнал, что сестру мою отстранили от участия в ней. Вторая инопланетянка знала все и вынесла мне приговор...

К полудню прояснилось, как это часто бывает близ Сочи. Серо-синие облака отделились, ушли в горы и висели теперь там, никому не мешая. Мимо окна прошептывали три купальщицы в сарафанах, потом — семья отдыхающих, потом — трое мужчин одного примерно роста и возраста. Эта троица напомнила мне о беглой встрече с ними на улице Хосты. Три красавца атлета шли во всю ширину тротуара, и мне пришлось сойти на проезжую часть.

Я выбрался в кафе, спрятав в брючный карман коробочку из-под пилкуль с половиной иглы. Вторую половину иглы я оставил в оконном переплете.

Вечером у дома отдыха, на открытой круглой веранде, начались танцы. Оркестр разместился у широких каменных ступеней. Публика, бесцельно бродившая поблизости, ожила, закружились пары, а в южном небе над головами танцоров выписывали круги и пируэты многоугольники созвездий. Стало необыкновенно легко, даже весело.

Танцевали парни, которых мы видели в оранжевых куртках у железнодорожного тоннеля, где подновляют насыпь. Танцевали отдыхающие санаториев и продавщицы киосков. Танцевал некий Жора, сотрудник ювелирной мастерской, специалист по женским перстенькам из левого серебра, только что покинувший с одной из своих подруг ресторан «Лотос» и оставивший для верности свой черный лимузин близ отделения милиции.

Увидел я и нашего старичка, которого не раз встречали мы с Женей. Он кружился с дородной дамой из Воронежа, отдыхавшей во втором корпусе санатория и имевшей обыкновение в любую погоду носить с собой зонтик.

А в стороне стояли два аспиранта с соседнего пляжа. Рядом с ними некто Сева Хелемский, мастерски вырезавший из дерева сувенирных гомункулусов и мелкое зверье, не решался сделать выбор. Между тем на симпатичного Севу поглядывали сразу две особы, манерно жавшиеся к зеленоватому стволу старого платана.

Вела вечер шатенка в алом платье, с легкой шалью на плечах, она даже пробовала танцевать на месте, как бы олицетворяя собой птицу счастья завтрашнего дня в одноименном танце.

Ко мне протиснулись боком три атлета в клетчатых пиджаках и лакированных желтых полуботинках, похожие друг на друга, как близнецы. Сегодня я их уже видел. Один сказал с едва уловимым акцентом, кивая на меня:

— Что мы сделаем с этим типом за сломанную камеру хранения?

САМШИТОВАЯ РОЩА

Склонившись в издевательском поклоне передо мной, один из этих троих, а именно тот, что находился справа от меня, сделал пальцем эдакое порхающее движение и бережно взял меня за воротник куртки.

— Случаются порой удивительные истории! — начал он опереточным деланным голосом. — Мы обеспокоены были, когда узнали о дебоше, учиненном вами у вокзальной площади.

— Дебоша не было, — возразил я, ощущая, как подрагивают пальцы.

— Все же мы вас должны забрать для беседы, — бесцеремонно резюмировал другой из этой опереточной троицы и поправил пальцами бачки так осторожно, словно они были приклеенные.

— А кто вы, собственно?

— Общественники. Уполномоченные. Значит, договорились... хорошо, что мы такие понятливые. Итак...

Но это «итак» повисло в воздухе, потому что когда первый атлет потянул меня за куртку, произошла неожиданность: рука его разжалась, а сам он заголосил. Он стоял в полушаге от меня и, растопырив пальцы, причитал что-то невразумительное.

— Это не тот! — воскликнули в голос двое других. — Совсем, совсем не тот!

И они проворно взяли под руки озадаченного своего товарища и уверенно повели его в сторону, а он так и держал на весу несгибающуюся от плеча руку и с опаской разглядывал ее.

Я был озадачен не менее. В тот же миг я увидел Женю. Ее улыбка была светлее и приветливее, чем всегда, она быстро взяла меня за руку, и мы нырнули в танцующую толпу.

— Ты видела этих человекообразных? — спросил я. — Кто они?

— Не обращай внимания! Никто. — Она сказала это так уверенно, что я невольно подумал: она знает гораздо больше.

— Я не мог не обратить на них внимания... — возразил я.

— Ты даже не смотрел на меня. Беседовал с ними.

— Ты права, как всегда. Ты слышала?..

— Пустяки.

— И все трое на одно лицо.

— Не совсем так.

— Компания. Что с ними стряслось... Не пойму.

— Они симпатичные... — Женя бегло окинула светлым своим взором танцующих.

— Симпатичней некуда. Не пойти ли нам завтра в самшитовую рощу? Там прохладно, лес, река, пещеры...

— Идем!

...Стоит ли удивляться происшествию? Нет, не стоит. Всякое бывает на Голубой горке. Именно здесь, по рассказу одной четы, музыкальная фьюжи-группа наших роскошных лауреатов Кизи Дымова и Туси Готсданкер устроила шум в таком шикарном ритме, что местный ударник Тэдди Кабальерцев, как все знают, свалился с платана безбилетников прямо на эстраду и был охлажден и вынесен по указанию Тусиного дирижерского сапожка.

* * *

...Слева блестели зубчатые листья колхидского падуба, а справа нас встречало деревцо шелковицы, за которым начинались дебри. Столетние самшиты едва достигают пятиметровой высоты, искривленные их стволы с корой цвета седины наводят на мысль о сказочных карликах, обросших зеленой причудливой бородой мхов и лиан. Над ними застыли в зеленом полусумраке буки-великаны, увитые плющом. Мы были одни на тропе, и чем дальше она нас вела, тем больше охватывало меня необъяснимое ощущение предрешенности происходящего. Мы миновали мост через оползневую балку. Я остановился, Женя прошла вперед, тоже остановилась, поджидая меня. Загорелая рука ее на фоне коричневой коры тиса казалась хрупкой, легкой, стройные пальцы ее

дотянулись до мелких красных плодов. Она пробовала ягоды, которые вызревают к октябрю на мягких хвойных лапах тиса.

— Это корм для птиц! — рассмеялся я.

— Похоже на земляничное желе, — сказала Женя.

— У красного дерева, а именно так называют тис за цвет древесины, должны быть красные ягоды. Посмотри: вот старый пенёк, кто-то пытался ножом отрезать кусок дерева — тщетно! Непросто справиться даже с этим жалким остатком тысячелетнего гиганта. А в ягодах семена, в земле они прорастают только через три года. И в каждом семени все, что создала на планете жизнь.

— Как это — все, что создала жизнь? — не поняла Женя.

— Не останься на Земле ни одного растения, из одного тисового зернышка можно было бы получить целый ботанический сад. Ведь мутации обратимы. Значит, можно с их помощью вернуться как бы в начало начал жизни, а потом случай и удары квантов вновь создадут россыпи живых клеток, всевозможные сочетания генов.

— Из любого семени можно получить точно так же исходные формы, а из них — целый ботанический сад.

— С тисовым семечком это сделать проще, ведь тис — реликт третичного периода. От него ближе к началу.

— Абстрактный пример. Никому не придет в голову всерьез этим заниматься. Если понадобится, задача может быть решена проще.

В роще было раньше два туристских маршрута. Но вот уже лет десять или даже больше открыт лишь один — кратчайший из них. Я хотел непременно показать Жене всю рощу, но для этого нужно было пойти старой, заброшенной, заросшей тропой. Женя отговаривала меня. Я упомянул о древней крепости, прибавив, что не установлено, кто ее построил. Это подействовало, Женя воскликнула:

— Тогда пойдем к крепости! Заодно установим, кто и когда ее построил!

...Нас обступили затененные заросли. Среди опавшей листвы, на которую упал солнечный луч, скользнула ящерица с темно-оранжевым узором на зеленой коже. Ящерица застыла на мгновение, показав нам бусины глаз, и пропала.

Эта ящерица запомнилась мне. Что-то подсказывало: недаром бусины ее глаз наблюдали за мной. За этим крылось нечто большее. Но я гнал мысль эту прочь... В конце концов так можно дойти до крайности.

Каменная просторная щель перегородила тропу.

В период дождей в этой балке образуются водовороты, даже водопады. Мимо кустов кизила дорожка увела нас влево, а потом снова вернула к балке. Мы переходили ее по узкому деревянному мостку. Серые плиты известняков и мергелей были когда-то разорваны тектоническими силами, а теперь вот по ним свисают зеленые пряди мхов и сочатся струи среди корней иглицы и папоротника.

— Здесь настоящий лабиринт! — воскликнула Женя.

— Балка так и называется — Лабиринтовая.

И только я произнес «Лабиринтовая», как послышалось гудение шмеля. Звук все усиливался каменными стенами балки, и я понял, что это вовсе не шмель. Я тревожно озирался по сторонам, но продолжал идти. Женя шла следом и не замечала моего состояния. Наконец я увидел непрошеного гостя: это был жук со светящимися надкрыльями. Только теперь, днем, он был похож на обычную бронзовку, и если бы я впервые увидел его, то ничего не заподозрил бы. Я остановился, следил за его прихотливым полетом, спрашивал себя, почему это кого-то обуревают желание охотиться за мной? Жук сел на пластину мергеля неподалеку. Я остановился, но не стал объяснять Жене причину непредвиденной остановки. Она ни о чем не спрашивала. Молча взяла меня

за руку, потянула вперед. Жук взлетел, покружился надо мной и исчез. Игла была при мне.

Стало светло. Открылось небо. Мы поднялись на площадку с каменными перилами. Перед нами была пропасть, на дне ее шумела Хоста. По обеим сторонам пропасти высились белые уступы скал. Голубые речные струи бились о камни в ста метрах ниже нашей площадки.

На севере виднелась возвышенность, как бы замыкающая ущелье. Там, на этой возвышенности, — руины крепости.

Тропа свернула влево. У самой надписи, предупреждавшей, что покидать тропу нельзя, мы сошли с нее, двинулись по маршруту большого кольца. Когда-то здесь тоже была туристская тропа. Теперь она едва угадывалась. На плоских камнях, которыми она вымощена, давно отвоевала себе место под солнцем буйная кавказская флора. Это не удивительно. Много миллионов лет назад на этом самом месте плескалось теплое море Тетис, и мы замечали то тут, то там следы былой морской жизни: раковины моллюсков, отпечатки кораллов и диковинных растений. Теперь, миллионы лет спустя, на морских отложениях далеких эпох, обогащенных микроэлементами, спешила подняться вторая волна жизни — уже сухопутной.

По карнизу ущелья мы поднялись к перевалу. С обрыва увидели гору Иегош, покрытую лесом. Там, где поднимал гребни гор Иегошский хребет, начинался Кавказский заповедник. Мы забрались так высоко, что уже не слышен был шум реки.

Женя взяла меня за руку.

— Здесь не слышно и не видно даже зверей, — сказала она. — А ведь они где-то есть. Ты не боишься? — Она испытующе смотрела мне в глаза.

— Нет причины для беспокойства. До сумерек еще часа полтора. До полной темноты — часа два. На юге быстро темнеет, к сожалению. Что касается зверей, то

здесь водятся шакалы, зайцы, куницы, медведи. Но увидеть их трудно именно потому, что они сами хорошо видят и слышат человека. Охотники поэтому, чтобы выследить их, вынуждены прибегать к помощи других зверей.

— Каких? — спросила Женя.

— Собак. Хотя, конечно, ты можешь возразить, что собака не зверь, а домашнее животное, и я с тобой должен буду согласиться.

— Пойдем быстрее, — сказала Женя.

И мы пошли дальше, в ущелье третьей на нашем пути балки — Глубокой. По ее неровному, выщербленному склону вели каменные ступени. Деревянные перила и поручни, некогда помогавшие туристам, теперь находились в таком жалком состоянии, что мы не рисковали прибегать к их помощи. Субтропические джунгли обступили нас, они словно соскучились по человеку и хотели заключить нас в объятия. Чашебы с лианами и папоротниками, кизилом, самшитом и лавровишней уступили место буковому лесу. Под вековыми буками зеленела мягкая хвоя тисов. На древних пнях и близ валежника белели сыроежки и грузди.

Новый подъем — и мы оказались рядом с угловой башней крепости. Сохранились остатки стен высотой не более восьми метров, колодцы башен, уходящие в скалу, державшую некогда все сооружение. Плоские камни связаны томпотом, очень прочным известковым раствором.

— Крепость когда-то была грозой для всей долины. Быть может, здесь шли торговые караваны к морю и обратно.

— И это всё, что известно о крепости?

— Да, — ответил я. — Вот башни, стены, древние камни, которым почти нечего рассказать о человеке. Лично я думаю, что крепость в глубокой древности осталась недостроенной.

— Пора, — сказала Женя. — Начинает смеркаться.

Мы стали спускаться к ущелью. На краю рощи тысячелетних тисов мелькнуло редкое дерево хмелеграб, листья которого напоминают о грабе, а плоды-шишечки — о хмеле. Женя даже не слышала о нем. Потом миновали источник с ключевой студеной водой, чашу под скалой, где лениво плавали тритоны, где папоротник венерины кудри, омываемый брызгами, опускал прихотливые побеги в подводный мирок. Через несколько минут мы вступили на деревянное полотно из досок, нависшее над ущельем. Оно было похоже на памирские овринги, о которых я читал в книгах. Полотно это цеплялось за каменные выступы, кое-где оно опиралось на толстые бревна, укрепленные в расщелинах скал. Оно было некогда достойным завершением маршрута большого кольца, дававшего туристам и любопытным возможность не только увидеть ущелье, но и испытать ощущение высоты, когда при взгляде вниз замирает сердце. Я шел впереди и велел Жене держаться от меня на расстоянии двадцати шагов.

Шаткая деревянная терраса нависала над пропастью. Две сорвиголовы отважились ответить на вопрос: можно пройти над обрывом или нет? Если дойдут до конца его, значит, можно... если нет — нельзя. Боялся я за Женю. Я оглядывался, всем своим видом давая понять, что есть еще возможность повернуть назад и второй раз увидеть старую крепость, которая ей так понравилась.

Вот открытое место, где виден темный глаз пещеры над головой. Там раньше была целая колония летучих мышей. А сейчас? Я окинул взглядом подъем...

И тут меня качнуло, как на палубе. И еще раз, и еще. И я уже летел вниз, беспомощно раскидывая руки, сжимаясь в комок и снова вытягивая руки в надежде зацепиться за корень дерева. А вверху таял Женин вскрик... Меня подбросило на каменном карнизе, дважды перевернуло в воздухе, и я снова увидел застывшую реку, похожую на серо-зеленое стекло. Удар. Режущая

боль, еще удар о камни, хруст сломанного деревца. Падение мое тормозили кусты самшита и молодые стволы, державшиеся на крутом, почти отвесном скате. Они легко пружинили и ломались, но не в силах были удерживать меня хотя бы на минуту. И где-то вверху возникал темный глаз пещеры, а на светлом еще небе застыла черная птица, которую я замечал каждый раз, когда меня переворачивало. Не ощущая уже боли, я налетел на крепкое приземистое дерево, и колючие его ветви будто схватили меня и несколько секунд не отпускали. Вспыхнула надежда: ведь я погасил скорость. Сколько метров до реки?.. Мне нужно было упасть в воду, причем на самом глубоком месте.

Дерево согнулось и стряхнуло меня вниз.

И я упал на выступы серых камней, острых и холодных. И по скале скатился вниз, оставляя следы окровавленными ладонями, и втягивал голову в плечи — единственное, что я мог сделать по своей воле. Я готов был прекратить борьбу, бессмысленность которой стала очевидной. Еще немного — и я потерял бы сознание. Почти горизонтально расположенный ствол сосенки, державшийся корнями за известняки, снова приостановил падение. И тогда я почувствовал, что мне поможет давняя встреча с сестрой. Это пришло ко мне, как всегда, в самую последнюю минуту, точно нужно прошептать про себя несколько слов, чтобы перешагнуть через невозможность, через пространство.

Да, я свешивался вниз головой с ненадежной опоры ствола и знал, что сейчас рухну. Но одновременно я был впереди себя и отыскивал глазами точки опоры, каменный откос и пузырящееся мутное стекло реки. Вот оно, глубокое место! Словно воочию я видел со стороны стену скалистого ущелья, галечный пляж, себя самого. Только это помогло мне сделать последнее движение. Я лишь помог себе нырнуть вниз, чуть правее, чем получилось бы само собой. Я нырнул вниз, чтобы попасть к следующему дереву, и опять попытался сдвинуть оне-

мевшее, избитое тело в ту же сторону, к карнизу, с которого я упал бы в глубокую воду.

И как бы со стороны я увидел эти сантиметры, последние движения рук, ног, всего тела и знал, что мне теперь удастся бросок с карниза. Удар. Последние стоны — я лечу в реку, глотаю воздух, и холодная вода горного потока принимает меня. Не ощущаю последнего удара о застывшие волны. Но нет! Река бурлит, она отнюдь не застыла, эта иллюзия — спутник высоты. И меня волочит по каменистому дну, я не сопротивляюсь. А течение несет, несет меня к перекату, на мелкое место.

На быстром перекате я выполз на берег, раскинул руки и лежал на светлой гальке лицом вниз, потеряв счет времени. Было уже совсем темно, и в ущелье проникли струи холодных ветров, когда я встал. Медленно, поддерживая колени руками, двинулся по галечно-му пляжу. Когда ущелье сузилось, а берега поднялись стеной, я не решился входить в воду. Могло сбить и ударить о подводную скалу. Я выжидал, собираясь с силами. Пришла минута, когда вода перестала быть страшной. Я неуклюже нырнул, вытянул руки вперед, стараясь пальцами и предплечьем защитить голову от удара. Пальцы мои скользнули по каменному боку ущелья, у самой подошвы обрыва. У следующего переката меня подняло вверх, покатило по дну, но течение разошлось здесь по всей ширине, потому что отвесные стены отступили. Я снова выполз из воды и упал.

Только по руслу я мог выбраться из каменной теснины. Над ней поднялась слепая луна — ее пересекали быстрые облака. Ветер усилился. Вверху, в самшитовом лабиринте, завыл шакал.

С трудом закатав брюки, я увидел в тусклом пепельном свете кровоточащие раны и ссадины на ногах. Я приложил к ранам листья, разорвал носовой платок на узкие полоски и попытался их перевязать. Наконец это удалось. Ощупал ноги, руки, ключицы. Переломов

не было. Лег навзничь и с наслаждением слушал вой ночного зверя. Я жив! И до рассвета доберусь до города.

Женя... Где она? Сомнений не было: она видела, что случилось со мной, и повернула назад. И вышла той же дорогой, какой мы добирались к ущелью. Самую дикую, опасную часть пути она должна пройти до наступления темноты. Часа через два меня будут искать. Хорошо бы оказаться к этому времени в городе. Нужно постараться. Иначе спасателям придется нелегко.

В путь! Ну же... Заставил себя окунуться с головой в белопенный поток, который шумел так, что заглушал другие звуки. Бил руками по камням, отталкиваясь от дна, старался держаться на стремнине, ловил широко открытыми глазами каждый проблеск, каждый лунный луч. Выбросило к замшелому камню. Я обхватил его ногами и руками, и напор потока был бессилен причинить мне зло. Кожа моя теперь улавливала толчки воды, зрение стало острым. Как раненый лосось, я продолжал пробиваться к устью реки, к морю.

Последнее купание — и я увидел огни ночного города. Хоста. Знакомые дома.

Теперь меня била дрожь. Во мне накопилось так много холода, что, даже собравшись в комок на сухом берегу, я не ощущал в себе ни искры тепла.

Ну же... Бегом. Быстрее. Вот и тротуар. Сто метров. Еще сто. В отделении милиции дежурный сержант таращит на меня глаза. А чему тут, собственно, удивляться, товарищ сержант? Ведь ущелье горной реки — это не беговая дорожка стадиона в Лужниках. Знают ли обо мне? Да, знают, говорит он. Была женщина, рассказала о происшествии. Хорошо, что я пришел. Нет ли горячего чаю?.. Если нет, пойду домой. Что? Штраф за нарушение правил в общественном месте? Согласен. Пусть меня оштрафуют. Но формулировка должна быть иной. Потому что в ущелье, кроме меня, никого не было. Общество диких зверей, ящериц и форелей в речке не

в счет. Отлично понимаю сержанта и приношу извинения. Все произошло не только ненамеренно, но даже неожиданно. Беспокоиться за меня не надо — дойду. Нужно лишь позвонить в дом отдыха, сообщить этой женщине, что я жив и здоров. Только я собрался набрать номер, как раздался звонок. Дежурный поднял трубку, передал мне. Женья... Сказал ей, что все в порядке.

А через несколько минут, с трудом надев сухой свитер, спортивные брюки, шерстяные носки, грелся у электрической плитки, на которой шумел чайник...

ДОГАДКА

Промелькнувшая в голове догадка поразила меня. Я гнал ее от себя, но она не давала мне покоя. И оттого долго не мог я уснуть и встретил рассвет с открытыми глазами.

Доски-то провалились подо мной не случайно. Напрягая память, вспоминал я эту минуту, потому что от нее многое зависело теперь, слишком многое. Быть может, моя жизнь. Что там было, на тропе? Качнуло? Будто кто-то подтолкнул. Заходили под ногами доски, но удержались каким-то чудом на бревенчатой опоре. А я свалился, и это должно было бы закончиться просто, однозначно. Исход я знал, когда увидел на камнях и стволе сосны навсегда врезавшиеся в память кровавые следы ладоней.

И как следствие этой мысли встретил я появление металлического жука, который ударил в стекло. Я встал, подошел к окну, тыльной стороной ладони прикоснулся к игле. Поднял с пола брошенную мокрую одежду, повесил на руки брюки и убедился, что вторая половина иглы не исчезла, не выпала в водовороте, она по-прежнему покоилась в кармане.

На рассвете я убедился воочию, чего стоило мне это приключение: ссадины на лице, на груди, синяки на но-

гах и руках, с ладоней содрана кожа. Как это я добрался? В таких случаях, наверное, проявляется весь запас живучести, подаренный человеку природой. Я не был обделен в этом отношении. Выжил назло козням. Однако чьим?..

У меня решили отнять воспоминания вместе с жизнью.

Что дальше?.. Оставалось двенадцать дней от моего отпуска. Только половина. Обидно, что я не мог идти в таком виде на пляж... А почему, собственно? Пляж безлюден. Полежу на солнышке, отойду. Занимался ясный погожий день. Я лежал в постели и думал об отце, о сестре, о незнакомке, о себе. Что мне предстоит впереди? Надо докопаться до сокровенного, скрытого пока от меня смысла событий.

...Около девяти утра я услышал звонкий голос Жени. Она была взволнована. Впервые я видел ее такой. Я встал, открыл дверь. Она легонько провела пальцами по моим волосам, по щекам и подбородку, и прикосновения эти действовали, как бальзам средневековых алхимиков. Я сказал, что не спал.

— Если бы знала, пришла бы раньше! — воскликнула она. — Не хотела будить тебя.

— Не спалось.

— Ты чем-то обеспокоен?

— Нет.

— Все хорошо. — Она опустила глаза, как будто стыдилась своих слов.

— Да, — односложно ответил я.

— Открыть форточку?

— Неплохо бы. Теперь можно. Я замерз ночью до чертиков.

— Представляю. — Женя подошла к окну, открыла форточку, заметила иглу, прикоснулась к ней.

— Не трогай, — сказал я. — Оставь ее в окне.

— Хорошо, не буду. — Женя взглянула на меня как

на чудака, подошла к мокрой одежде, оставленной в углу на полу, сказала: — А это? Надо выгладить...

Потом Женя ушла. Долго ее не было, я устал ждать. Но вот раздались знакомые шаги на каменных ступенях, ведущих к дому. Так звучат только каблуки ее туфель!

Она принесла сметану в бумажном стаканчике, кофейный напиток в бутылке, коробку перепелиных яиц, две булки, пузырек с облепиховым маслом. Все из магазина, кроме облепихового масла. Его она нашла на рынке. Там же усатый брюнет торговал ягодами, желтыми, невзрачными, кислыми. Немедленно Женя заставила меня проглотить две чайные ложки масла и горсть облепиховых ягод. Включила плитку, поставила на нее маленькую сковородку, тоже купленную в магазине, и стала готовить яичницу из перепелиных яиц.

— Облепиха незаменима. Ягоды и масло — лучшее средство для раненых альпинистов. — И я по тону ее голоса не мог догадаться, шутит она или говорит всерьез.

Она хотела кормить меня из ложки. Я воспротивился. Попросил сделать бутерброд. Хлеб я смог кое-как держать обеими руками.

— Я обижусь на тебя, если ты будешь тратить на меня слишком много времени.

— Почему? — спросила Женя.

— Потому что это будет означать, что я потерял не только самостоятельность, но и сообразительность. А такие люди ведь обидчивы.

— Ты прав, — улыбнулась Женя. — Я пойду на пляж, чтобы не досаждать тебе своим вниманием. Приду к обеду.

— К ужину, — уточнил я. — Ведь я не верблюд и к обеду не успею прожевать ягоды и провизию.

— Ягоды оставь на завтра, — сказала Женя. — Это двухдневная порция.

— Ладно. Мне уже лучше.

— До вечера.

— Спасибо.

Так или примерно так прошло четыре дня. А на пятый день я не без удивления обнаружил, что выгляжу вполне нормально, если не считать небольших рубцов и белых следов от ссадин на загорелом моем теле, готовом к солнечным ваннам и купанию. Завтракали в этот день мы на втором этаже ресторана «Хоста», который, как известно, расположен по дороге на северный пляж. Я не удержался, конечно, и заглянул в камеру хранения на вокзале. Там была рабочая обстановка. Никаких следов инопланетян не удалось обнаружить и у старого здания под эстакадой. Окошко было закрыто, и все еще висела знакомая табличка с надписью. И резкая утренняя тень от бетонной эстакады не только закрывала изрядную площадь на земле, но, казалось, парила и над бывшей камерой хранения, укрывая невзрачное строение от любопытных взглядов.

Не люблю хостинский вокзал. Многолюдье в отпуске противопоказано. И все же я несколько раз пытался заглянуть туда... в окошко новой камеры хранения. Незнакомку я, разумеется, не встретил. Зато встретил Женю. Это произошло поздним вечером, и она, как мне показалось, смутилась. Я был смущен не менее.

Что же удалось выяснить? Что там работает отныне мужчина, и он не похож на того типа в очках, которого я заметил в старом помещении, под эстакадой. Работает он там, насколько мне известно, и по сей день. Кажется, камеру хранения позже перевели на старое место. Незнакомка больше не появлялась. С вещами в камере хранения пока не происходило ничего загадочного, голубой комнаты как не бывало.

...Однажды на набережной я засмотрелся на зеленый камень в перстне. Молодая высокая грузинка стояла с подругой в нескольких шагах от меня. Камень на тонкой красивой ее руке живо напомнил о знакомке, о том, что здесь, в Хосте, — вторая женщина с инопла-

петным камнем. И я решился, забыв о риске, о страхах... Я потянул Женю. Она освободила свою руку! Я подошел к девушке-грузинке. Мне запомнилось ее имя. Теа. Подруга ее вставила словцо:

— Все же Теа не продавщица ювелирного магазина, чтобы спрашивать у нее о драгоценностях.

— Ну что ты, Нина, — возразила ей Теа. — Если человек хочет узнать, что это за камень, я отвечу. Мой родной дядя Гиви подарил этот перстень мне в день рождения. — И Теа царственно подняла руку и показала мне его, и я убедился, что это не совсем то.

— Камень вам очень идет, — произнес я, памятуя, что Женя, вероятно, наблюдает сценку.

— Очень! — ответила подруга с акцентом (в грузинском языке нет ударений). — У Теа зеленые глаза, а у дяди Гиви хороший вкус.

— Спасибо, Теа, спасибо, Нина, — скомкал я разговор, пытаюсь быть учтивым.

Подруга Нина пожала плечами. Я вернулся к Жене, она холодно сказала:

— Интересуешься зелеными камушками?.. Это хризолит, а вовсе не гранат.

РАССТАВАНИЕ

Чуть позже я вспомнил этот эпизод, но тогда меня уже не удивило, что Женя на расстоянии нескольких шагов смогла рассмотреть, что это не гранат, во всяком случае, не тот гранат, который я искал.

Мы пошли на пляж. Искупались. Знакомая электричка промелькнула в послеполуденный час над берегом. Аромат смол, пологие волны, красноватая галька, тишина... Мгновенное предчувствие тревоги...

Тем временем наверху, где едва выступала над прибрежной бетонной полосой насыпь с рельсами, замаячили и пропали три знакомые опереточные фигуры. Теперь они были одеты иначе: на одном джинсы и рубашка

цвета бабочки-голубянки, на другом вельветовые брюки и курточка, на третьем водонепроницаемая белая и розовая синтетика. Но что мне до них? Стоп! А может быть, это как раз участники игры?

Они пропали молниеносно, но это само по себе не могло бы навести на подобные мысли, случись встреча десять дней назад. Но теперь ставки возросли.

...На щебне, ниже просмоленных нагретых шпал, вились еще два вихря оранжевой пыли. Когда они улеглись, синие кусты и тени под ними на склоне горы обозначились особенно отчетливо. Воздух был необыкновенно прозрачен.

Я повернулся на спину, ощущая отвыкшими от тепла лопатками сухую колкость гравия и гальки под тонким полотенцем. Женя расхаживала по берегу и старалась выплеснуть на камни рыбешек. Она не наклонялась, а резко ударяла по воде ногами, напоминая о коричневом лакированном дереве. В брызгах не сверкнуло ни рыбьей чешуи, ни студенистой эмали медузы. Я нащупал иголку, приладил ее в карманчик плавок, подошел к Жене, попросил ее отойти и раскрошил в воду кусочек хлеба. Собралась стая барабулек, которых при желании можно было бы погладить по жабрам. Потом я увлек Женю на волнорез, лег на бетон, достал несколько мидий, разбил раковины камнем и бросил их в синюю прозрачную глубину. Тут же налетела ватага морских собачек и зеленух, изящных, как бабочки и стрекозы. Они хватили моллюсков, даже кусочки раковин, а внизу, над самым песком, ходила рыба покрупнее, тоже соблазнившаяся трапезой.

— Как интересно они бросаются на мидий! — воскликнула Женя.

— Рыболовы хорошо знают их вкус. Этой мелюзге не добраться до самих обитателей раковин. Вот осетры на Волге и Каспии — другое дело. Они глотают и раковины.

— Ты видел живых осетров?

— Да. Осетры — наши друзья, они снабжают нас икрой, мясом и вязигой. Нырнем, что ли?

Мы вошли в воду без всплесков, открыли под водой глаза. Ноги Жени были похожи на торпеды; в следующую минуту, когда мы начали работать руками и ногами, стараясь обогнать один другого, контуры их показались мне необыкновенными — гибкими и выразительными. Они напоминали мне лишний раз о том, что эволюция, вероятно, изнемогла, потому что близка к воображаемому эталону.

Мы все еще были под водой, словно у нас установился молчаливый уговор: кто дольше не всплывет, тот получит за это приз. Наши руки коснулись, мы были рядом; повернули к глянцевой поверхности воды, и тут, всплывая, я вздрогнул от неожиданности.

Я успел заметить мгновенное движение Жениной руки, собиравшейся обнять меня. И увидел мелькнувшую в серо-синем свете стальную иглу. В мгновение ока моя иглолка пропала в глубине. Я немедленно повернул, пытаюсь догнать ее... Отчаянные, напрасные усилия: я не мог оставаться больше под водой. Но всплыть и отдышаться — значило потерять мой талисман. И все же я направился в глубину. Метр, два, три. И тут я понял, что не выдержу больше ни за что на свете. Голова наполнилась красным туманом, потемнело в глазах, я выдохнул часть воздуха и круто пошел вверх. Пелена застилала глаза, но мысль работала быстро, как никогда. То, что подсказывал разум, было похоже на бред, на галлюцинацию, но я слушал его голос в эти доли секунды. И мысленным взором я видел сейчас ее глаза, какими они были минуту назад. Движения ее рук. Промельнувшую иглу. Расстегнутый карманчик, из которого она выпала. И силуэт грациозной женщины внизу, в глубине. Там, у самого дна... Я не мог с ней состязаться, у меня не хватало дыхания и выносливости!

Вынырнув, я отдышался. Женя еще не показывалась.

Секунду-другую я мучительно соображал, как поступить. Ничего не придумал, но все получилось само собой. Вот на поверхности показалась ее голова. Она улыбалась, глаза ее излучали свет. Я заставил себя непринужденно рассмеяться:

— Ты выиграла, Женья! Приз твой.

— Какой приз? — продолжая улыбаться, спросила Женья, и тут я заметил, что говорит она так легко, как будто бы не провела под водой пяти минут.

— Игла, которую ты нашла на дне! — выдохнул я.

— Ошибаешься, — спокойно возразила она, согнав улыбку с лица. — Игла не может быть призом. Впрочем, если хочешь...

Все ясно: игла у нее. Это на многое открывало глаза.

Я прозревал. Но мне и виду нельзя показывать, что я близок к разгадке. Эти трое — второстепенные киборги, биороботы, их прислали, чтобы следить за мной, за каждым моим шагом, но главная их задача — придать истории с камерой хранения вид правдоподобия. И они хотели свалить с больной головы на здоровую. Тех, кто прислал их сюда, не устраивала инопланетная версия. Все правильно, и действуют они хорошо, пытаюсь даже меня самого убедить в том, что камера хранения на моей совести... Но Женья? Я отказывался верить догадке.

К берегу мы направились вместе. Молча вышли из воды. Я лег как ни в чем не бывало и закрыл глаза.

— Я сейчас уезжаю, — спокойно произнесла Женья.

— Как это — сейчас? А вещи, чемодан?

— Чемодан больше мне не понадобится.

— Шутить изволите!

— Нет. У меня всего несколько минут...

— Почему же ты меня не предупредила? — воскликнул я.

— Ну, знаешь... меня вовсе не надо провожать. Я сама.

— Сама!.. — повторил я и осекся.

Женя поспешно собиралась, а сумочка ее оказалась открытой, и я заметил внутри большой зеленый камень! Я замолчал как замороженный. Наши глаза встретились. Она тянула сумочку к себе. Но продолжала смотреть на меня. Перстень выскользнул на гальку. И подкатился к моему локтю. Еще не осознавая происшедшего, я поднял его. Отполированные грани сверкнули, и под ними вспыхнул белый огонь.

— Гранат... — бормотал я смятенно, разглядывая камень.

— Дай-ка, — тихо сказала она.

Я понял все, выдавил из себя:

— Отдам в обмен на иглу.

Она улыбнулась:

— Пожалуйста, — и протянула иглу. — Она тебе пригодится.

— Значит, я тебя не буду провожать?

— Это невозможно.

— Непонятно, зачем тебе нужно было оставаться здесь так долго. Когда тебе вернули в камере хранения кофточку и ты обнаружила ошибку, все могло быть кончено. Ведь ты из-за этого сюда пожаловала? — Я не договаривал намеренно, делая вид, что принимаю лишь половину истины. — Ты проверяла камеру?

— Но потом... был отпуск, каникулы... — проговорила она, а я подумал, что этот ответ ей вполне мог подсказать зеленый гранат. — Я сама так решила. — Она поднялась. — И ни о чем не жалею.

Там, где были ее колени, в мелкой красноватой гальке остались две продолговатые ямки. Рука ее легла на мое плечо. Гранат полыхнул зеленым огнем и оказался на ее безымянном пальце.

— Странно, что я не носила его на руке все эти дни, правда? — Она наклонилась, словно хотела что-то добавить, но передумала.

— На самом деле все не так уж и странно, — сказал я. — И ты это знаешь. Там, в роще, человек сорвался в пропасть. И если бы этот человек был не я, его ждал бы иной исход...

— Нет! — воскликнула негромко Женя.

В ее светлых глазах я уловил испуг, который, казалось, мешал ей говорить. Замешательство длилось минуту, но этого было бы достаточно, чтобы она нашла ответ, если подозрения не обманывали меня. Она не нашла ответа.

— Ладно. Теперь о той троице на танцах... — сказал я.

— Я их не знаю.

— Значит, кроме вас, здесь, на Земле, есть другие?

Женя внимательно посмотрела мне в глаза, и я, как ни странно, уловил в ее взгляде растерянность.

— Мы догадывались о других, но я знаю о них не больше твоего. Наша женщина из камеры хранения пыталась защитить тебя от этих других. Она уверяет, что угроза была вполне реальной... хотя и она ни в чем не уверена.

— Женщина из той самой камеры хранения... которую ты закрыла во избежание огласки...

Это было невероятно. Мы дошли в этом прощальном разговоре до той точки, когда оказалось, что мои догадки не менее достоверны, чем знания инопланетянки.

— Понимаю, вы у нас недавно, — сказал я. — Не освоились здесь и многого не замечаете. Первый этап: собирательство на чужой планете...

— Это наша планета, — негромко произнесла Женя. — Ваша и наша.

— Ну, положим, это преувеличение.

— Так говорят наши легенды. Возьми это на память. — Она бросила к моим коленям какую-то безделушку и добавила: — Это микрокопия. Легенды пришли к нам от дедов, а тем от прадедов много-много поколе-

ний назад. Мы не утратили секрет древнего письма.
И у тебя тоже есть права на наше прошлое.

— Ну да, мой отец... сестра...

— Мне пора!

— Назови свое настоящее имя, — попросил я.

— Велия. Велия, дочь Павы.

— Имя моего отца...

— Волний, сын Спурины.

...Я смотрел ей вслед, пока глазам не стало больно
от ослепительного солнца,

Часть вторая. СТАРЫЕ ГОРОДА

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Над рабочим столом Николая Николаевича Чирова подвешены на кронштейнах восемь светильников и лампы разного цвета, в том числе ультрафиолетового. А на полках разместились коллекция барельефов, статуэток, скульптур, тессер, глиняных табличек, керамических и стеатитовых печатей, собранных со всего света. Это копии. По фотографиям, главным образом собственным, мой бывший научный руководитель воссоздает маленькие и большие реликвии. Я видел его за гончарным кругом, когда в свободное время он колдовал у почти готовой амфоры; у верстака, где он вытачивал из кости или камня подвески, печати, бусины, мелкие украшения, процарапывая потом резцом буква за буквой карийские, греческие, санскритские надписи.

— Строго говоря, это подделки, — бросил он однажды мимоходом, показывая мне несколько новых вещей, пополнивших фонд. — Но подделки эти лучше оригиналов, нагляднее, а главное, доступнее. В некотором роде они типичнее.

Мне не надо было разъяснять это. Он не только археолог, но и специалист по мертвым языкам. Выражение это, конечно, неудачное. Что такое мертвый язык? Это язык, который, перестав изменяться, обрел бессмертие.

— Присматривайтесь к начертанию букв, — говорил он, включая один из светильников. — По нему можно угадать даже характер мастера. Сомневаетесь? Вглянитесь в это бронзовое зеркало. Здесь изображены три бога и трое смертных. Надпись на языке пеласгов, но кое-какие усовершенствования в начертании отдельных значков не ускользнут от внимательного глаза. Видите? Вот

здесь и здесь... А это значит, что зеркало делал раб и внес в него детали, свойственные художникам и мастерам его далекой родины. Один из богов необыкновенно живописен, курчав и похож на заморского гостя, прибывшего для торга.

И вот теперь на рабочем столе Николая Николаевича — семь керамических пластинок, подарок Жени, точнее, Велии. Рядом — пластиковый футляр, в котором они покоились.

Не будь Чиров моим научным руководителем и старшим товарищем, которому я многим обязан, я описал бы не без прикрас, как полезли его брови вверх, как он крякал и хмыкал, будучи не в состоянии сохранить спокойствие, как подозрительно косился на меня, прикидывая, наверное, какая муха меня укусила и как ему повести себя. Да, было отчего прийти в замешательство, ведь еще там, на черноморском берегу, я узнал на табличках этрусские буквы. А этруски перестали существовать еще до начала новой эры, оставив памятники культуры и нерасшифрованные короткие тексты своим наследникам — римлянам.

— Где вы достали это? — спрашивает Чиров.

— Нашел, — говорю я и про себя бормочу что-то о спасительной лжи.

— Что вы там бормочете? — спрашивает он.

— Так... я не понял ни строчки, хотя умею читать отдельные слова.

— Вы догадались, наверное, — он повернулся ко мне, — что это самый большой по объему этрусский текст, на который никто не мог и рассчитывать до вашей находки?

— Да, потому и пришел к вам.

— И это подделка, — добавил он. — Я говорю не о футляре, а о самих табличках.

— Конечно, — сказал я, невольно обводя взглядом его коллекцию. — Это подделка. А может быть, копия.

— Знаете что? — Он аккуратно собрал таблички в футляр и внимательно заглянул мне в глаза. — Я не буду заниматься всем этим, пока вы не расскажете мне, как они попали к вам в руки.

— Хорошо, — пробормотал я. — Запаситесь терпением.

И я вкратце поведал ему историю моего знакомства с Женей-Велией, умолчав, разумеется, о том, что она инопланетянка, поскольку говорить об этом с профессором Чировым не имело смысла. К тому же открывать ему тайну — мою и Женину — я не имел права. Кажется, я все же упомянул ее настоящее имя.

— Но Велия — этрусское имя! — воскликнул Чиров. — Как вы это объясните?

— Никак. Я догадывался об этом. Объяснить же этого не могу.

— Ладно. Займемся табличками...

Чирова сразило ее имя. По улыбке его можно было догадаться, что он думает обо мне как специалисте. Сам же факт розыгрыша, на который я поддался, его заинтересовал.

Чиров глубоко задумался. Медленно водя указательным пальцем по переносице, он что-то бормотал или даже напевал. Мне казалось, что он впал в оцепенение: так вдруг застыло его лицо. Его густые, светлые, седеющие волосы упали на лоб, закрыли карие глаза, он отвел их пятерней и держал ее на затылке, чтобы они не мешали ему изучать таблички. Другой рукой он легонько водил по столу, словно что-то искал, задел свою прокуренную трубку с двойным серебряным пояском и уронил ее на пол. Я поднял ее. Последовала неожиданность, к которой я должен был быть готов. Он заявил:

— Оставьте это мне. Если завтра утром я решу, что вы меня мистифицировали, то верну их вам вместе с моим расположением. Если нет — задержу на неопределенный срок. Идет?

— По рукам, — сказал я почти весело. — Поклон вашей дочери.

— Нет, — возразил Чиров. — Сегодня у меня день рождения. Оставайтесь.

— Да? — воскликнул я. — Вы держали от меня втайне этот день!

— Так и должно было быть. Об этом знали несколько человек, и вы их увидите. Что касается подарков, то я ненавижу этот обычай. Ведь они обязывают, не так ли?

— Как вам угодно. Прошу вас, Николай Николаевич, об одном: никому не рассказывать о табличках. На всякий случай, понимаете?

— Не понимаю, но согласен.

— Это важно, — пробормотал я и прикусил язык: дверь кабинета распахнулась, на пороге стояла рослая девица.

Пожалуй, именно она могла бы олицетворять для меня существо из другого мира, если бы я не знал наверняка, что это дочь профессора Чирова, похожая к тому же на его покойную супругу. О Валерии нельзя сказать двумя словами так, чтобы сложился образ. Художник, вероятно, начал бы с деталей, с мелочей, а уж целое потом получилось бы само собой. Она носила этой зимой унты, расшитые узорами, украшенные мелким бисером, ленточками, медными колечками-кюнгэсэ. Шуба у нее беличья, тоже северная, длинная, просторная, которая вместе с меховой шапкой делала ее похожей на белую медведицу. Дома складывалось иное впечатление. Ноги ее под темно-серым нейлоном оттенка старинного серебра напоминали о высоких этрусских вазах. (Секрет темной этрусской керамики, как я хорошо знал, не разгадан до сих пор.) Вообще всё в ее одежде напоминало об иных временах и нравах. Только раз я видел волны платиновых волос, укрывших ее до пояса. Чаше ее украшал конский хвост и даже пучок.

Продолговатые темно-карие глаза прибавляли ей несколько лет, несмотря на детский почти овал лица.

— Па, уже почти все готово... — сказала она тоном, заставлявшим подозревать, что ничего не было еще готово к вечеру, посвященному юбилею.

— Володя тебе поможет, — откликнулся Чиров на тон дочери, но не на смысл ее сообщения.

Я отправился на кухню, где под руководством Валерии открывал банки с севрюгой в томатном соусе, морской капустой и кальмарами, и как ни старался я сделать это изящно, одну банку все-таки опрокинул на пол.

— Сколько я тебя помню, Володя, ты всегда был неловким, — сказала Валерия, не поднимая головы, и это замечание меня взбесило.

— Я вдвое старше и помню, как вы пешком под стол ходили, — сказал я первую пришедшую на ум колючку.

— Но мы все растем и взрослеем, — парировала она. — И учимся быть аккуратными.

Я замолчал, а она пошла переодеваться. Я стоял у дверей и встречал гостей. Первым пришел доцент Имаго с букетом розовых хризантем. За ним пожаловала смиренная чета старинных друзей. И наконец, я остолбенело уставился на Бориса с пляжа у Хосты.

Заметив мое замешательство, он с достоинством произнес:

— Я аспирант профессора. Рад вторично познакомиться. Кажется, у вас еще не сошел южный загар, а?

— Да, солнышко в октябре светило что надо.

За столом я оказался рядом с почтенными супругами. Женщина с милым, участливым лицом, внимательным, пристальным взглядом сиреневых глаз, как выяснилось, всюду успела побывать и обо всем рассказывала так охотно, что к ней здесь привыкли, как к стихийному проявлению сил природы. Муж ее, тихий и молчаливый, кивал головой, когда говорила жена или другие. Делал

он это с любезной улыбкой, иногда, впрочем, вставляя малозначительные, но приятные для говоривших фразы. Ее звали Марина Александровна, его имени никто не знал.

Я намеренно погасил спор, который мог увлечь всех и увести в сторону этрусских проблем. Марина Александровна неожиданно рассказала о двух школьниках, которые ехали из Риги в детский санаторий, а попали в Шамбалу.

— Но это уж извините, почтеннейшая Марина Александровна, совсем, совсем не то! — воскликнул Чиров, сделав такое движение рукой, точно собирался отвести от себя нечто невидимое, но опасное.

— Почему же не то, Николай Николаевич, — скороговоркой возразила женщина. — Ехали школьники, вдруг в поле показался белый всадник, приблизился к поезду и выпустил из лука стрелу. А стрела попала в окно купе, где были Гена и Лена, и к оконечнику ее приколота записка: «Гена и Леночка, вас ждут в Гоби, в Шамбале». Почему это вас удивляет?

— Но помилуйте, почтеннейшая Марина Александровна! — опять воскликнул Чиров, и я отметил про себя, что слово «почтеннейшая» он произносит в таких вот случаях. — Помилуйте, какая Шамбала, какой белый всадник?!

— Ну как же, Николай Николаевич, вы Этрурией занимаетесь? И думаете, что другие не могут Шамбалой интересоваться? А ведь это страна мудрых отшельников в гобийской пустыне.

— Могут, — тихо, почти про себя, сказал муж Марины Александровны.

— За Шамбалу и Этрурию! — произнес находчивый аспирант и поднял бокал.

Весельчак этот Борис. Из карманов модного светло-коричневого пиджака он извлек разноцветные шарики пинг-понга, и они замелькали в его руках так, что трудно было сосчитать их и рассмотреть, как они исче-

зали, когда он заканчивал один номер и начинал следующий, не менее занятый. Шарик был окрашен в яркие цвета фосфоресцирующими красками. Он за просто глотал их, забрасывал в пустые бумажные кружевца шоколадного набора, оставлял их поочередно на горлышке золотой ликерной конфеты, и они не то парили над ней, не то вращались, едва касаясь фольги, и затем попадали снова к нему в руки. Хлопнув в ладоши, Борис собирал шарики, разбежавшиеся по столу, заставлял их мелькать перед нашими изумленными глазами все быстрее, и вот они дружно исчезали, растворялись в голубоватом от табачного дыма воздухе гостиной.

И тут я открыл его секрет: шарики были окрашены так, что смесь цветов давала белое пятно, как в школьном опыте с вращающимся кругом, когда краски набегают друг на друга и глаз воспринимает лишь сероватую массу. Я прикинул скорость, с которой надо было манипулировать шариками, и поразился ловкости рук археолога.

— Браво! — громко сказала Людмила, и в карих глазах ее я увидел отражение мелькавших над столом шариков.

Мгновенье, другое — и остался один-единственный серебристый шарик, и Вадим показал его нам, положил на стол, и мы увидели, что это круглая шоколадная конфета в обертке. К ней стремительно протянулась белая красивая рука с тонким запястьем, украшенным браслетом, и накрыла конфету. Людмила развернула фольгу, показала шоколад и в следующую минуту, к удовольствию аспиранта, угощала конфетой черного пуделя, послушно жавшегося к ее ногам.

Доцент Имаго собственноручно достал со шкафа виолончель, сознавая, что эта привилегия в доме Чирова принадлежит именно ему. Виолончель была торжественно передана Валерии. Она сняла с нее потертый балахон с крупными костяными пуговицами, смычок засколь-

зил по струнам, длинные сильные ее пальцы прижимали струны к грифу. Звучал Тартини, но сейчас он был каким-то домашним, задумчивым, был он послушен движениям рослой круглолицей барышни в вельветовых брюках цвета сентябрьских листьев, в просторной светлой блузке с жемчужными круглыми пуговицами.

Мы расправлялись с многослойным «наполеоном», который приготовила Валерия, и он осыпался на тарелку.

Валерия окончила музыкальную школу, потому что этого хотела ее мать, покойная супруга Чирова. Но сам Чиров не принимал всерьез это музыкальное увлечение. Более того, он посоветовал дочери поступить в авиационный, что та сделала с восторгом. Свысока смотрела она на студентов пищевого, выходивших к троллейбусной остановке с другой стороны Волоколамки. Первые два-три года ей нравилась эта игра в авиаторов. Потом она охладела к будущей профессии.

Я побаивался, что Николай Николаевич не сдержит слова, данного мне, и расскажет об этрусских табличках именно сегодня, в присутствии Марины Александровны. Мне казалось, что это случится вот-вот, в следующую минуту. И потом Чиров с доброй улыбкой скажет мне: «Извини, брат, не утерпел, да и разве не имею я права рассказать об этом в день моего рождения?» Вот почему я все время переводил разговор на темы, далекие от истории, и аспирант с иронией поглядывал на меня, словно знал истинную причину. Лицо его утомительно морщилось, он порой делал мне какие-то знаки и хватался за голову, точно давал мне понять, как он мне сочувствует. В этот вечер я был близок к тому, чтобы возненавидеть аспиранта.

Невесть откуда в руках его появился альбом с изображениями этрусских древностей. Этот альбом он раскрыл на странице, которая не могла не привлечь всеобщего внимания. Цветное фото воспроизводило фреску на стене этрусской гробницы. За столом, уставленным

яствами, расположились пирующие, слуги разносят еду и питье, собаки под столом грызут кости, поодаль — флейтисты и танцоры. Лица на фреске необыкновенно живые, художник уловил мгновенное их выражение, как много позже удавалось это Франсу Хельсу.

— Что изображает сия картина? — с нескрываемым лукавством спросил аспирант.

— Пир, конечно, и прелеселый! — раздался голос Валерии.

— Дочь моя права, — пояснил Чиров. — Но не будем морочить голову гостям. Да, это пир. Но в центре, как я полагаю, сидит все же покойник. Я узнал его по страусовому яйцу в руке. Вот он, показывает пирующим яйцо — символ бессмертия, возрождения, начала начал. Слово «яйцо» по-этрусски звучит так: «яис». И почти также звучит слово «бог», «начало начал».

— Покойник со страусовым яйцом в руке, ха-ха! — не к месту рассмеялся доцент Имаго. — На пиру по случаю собственной кончины. Что может быть гениальнее!

— Готов поспорить с вами, Николай Николаевич, — вкрадчиво заметил аспирант. — Яйцо и бог разные для этрусков вещи и понятия.

Чиров нахмурился. Борис хотел, очевидно, продолжить свою мысль, но тут же замолчал. Всем своим видом он старался показать: вот, мол, как я осведомлен, с самим Чировым готов поспорить, но не буду этого делать — из уважения к моему учителю.

Во время этого научного разговора муж Марины Александровны уснул, свесив голову на грудь, и гости начали потихоньку расходиться.

ИЗ ДНЕВНИКА

Сначала на меня дохнуло холодом межзвездного пространства, и я с изумлением обнаружил, что до чужих планет можно дотянуться рукой. О жизни соб-

ственного отца я узнал от инопланетянки, моей сестры.

Теперь, через два с лишним года, я с не меньшим изумлением открываю для себя связь инопланетян с этрусками, которые в первом тысячелетии до новой эры жили на территории теперешней Италии. Около трех тысяч лет назад у них появились города. Но не всегда они жили там, где их памятники находят археологи. Перебрались в Италию они предположительно из Малой Азии.

Я уповаю на Чирова. Если удастся расшифровать текст на табличках — я кое-что узнаю. Женя-Велия подарила их мне, как сувенир. Возможно, таблички и есть сувенир. Но для меня это единственный шанс разобраться в происходящем.

О Чирове я писал сестре в первом своем письме. Тогда, два года назад, он считал, что этруски пришли на Апеннины из Приднепровья. Этим якобы объясняется сходство языков.

В чем состоит главная трудность расшифровки и перевода этрусских текстов? В том, что гласные раньше звучали иначе, по мнению Чирова. Так, вместо «о» слышалось чаще всего «у». Не было мягкого знака, вместо него в конце слова использовалась буква «и». Согласные звучали глухо — и писались слова так, как произносились. Помню, как поразил меня перевод этрусского слова «спур», выполненный по правилам Чирова. Заменяв две буквы, он получил слово «сбор». Смысл его ясен. У этрусков оно использовалось в значении «город», «поселение». Слово «тупи» до Чирова не удалось перевести. По его правилам замена двух букв давала «топъ». У этрусков оно означало также «потоп». Вот еще несколько этрусских слов. Тит — дид, дед (имя в значении «старейший»). Зусле — сусло. Ита — эта. Али — или. Ми — я. Мини — меня. Тур — дар. Пуя, поя — жена (буквально «поилица»).

Это было началом. Вскоре Чиров составил словарь,

в котором насчитывалось до четырехсот слов. Но профессор не учел, что привычные для нас созвучия совсем иначе воспринимаются теми, кто плохо знает славянские языки. Однажды я застал профессора крайне расстроенным. На столе лежало письмо от зарубежного слависта. Воспроизвожу его здесь по памяти.

«Уважаемый профессор Чирроу! Ваши статьи внимательно изучены в нашем университете специалистами по этрусскому языку. Мы использовали Ваши методы для дальнейшей расшифровки последних найденных надписей. Результаты работы мы опубликовали и оттиски статей разослали коллегам. В результате из семнадцати стран к нам в университет пришли официальные отзывы и публикации, в которых содержатся прозрачные намеки на умственные расстройств талантливейших наших лингвистов. Сейчас мы испытываем заметные трудности в связи с прекращением финансирования работ и отставкой ректора университета, который поддерживал этрускологов. Пресса обрушилась на те достижения, которые помогли Вам расшифровать и перевести надписи на тессерах и бронзовых зеркалах. Сообщаю Вам это в надежде получить от Вас лично какие-либо подтверждения правильности избранного пути. Бывший профессор университета (подпись)».

Чиров зло и весело наблюдал за мной, пока я читал письмо. Потом воскликнул, сопровождая слова энергичным жестом:

— Нет ничего смешнее, чем заниматься наукой в белых перчатках! Они забывают, что до сих пор живы языки, где всего одна гласная. Одна, мой друг! Эти профессора привыкли читать по буквам, как в школе или гимназии. А гласные звуки раньше вообще не записывались, их пропускали или безбожно коверкали в текстах!

— Но в чем-то они правы, — возразил я мягко.

— Правы в желании топтаться на месте! А не хотите ли, господа, покрутить гончарный круг! Не хотите

ли постоять у станка и потом вытереть ваши холеные руки паклей? — Чиров обращался теперь ко мне, как будто именно я скомпрометировал его метод на страницах зарубежной прессы.

Прошел год, и многое переменилось. Чирову стало ясно, что этруски не потомки скифов, венедов или славян. Скорее братья или, точнее, двоюродные братья. Так же как филистимляне или рутены. К этому выводу его привели публикации о раскопках в Малой Азии. Именно там обнаружена цивилизация, которую можно назвать Восточной Атлантидой. Раскопаны города Чатал-Гююк и Чайеню-Тепези. Обломки медного шила и трех медных булавок, а также куски руды датированы рубежом восьмого-седьмого тысячелетия до нашей эры. Это примерно время Атлантиды Платона. Жители Чатал-Гююка строили дома из сырцового кирпича в том же, седьмом тысячелетии до нашей эры. Они знали четырнадцать видов культурных растений. Обрывки тканей того периода вызывают изумление даже у современных ткачей. Поражает техника полировки зеркал из обсидиана; отверстия в бусинах из полудрагоценных камней тоньше, чем в современных иглах. Мастерство и художественный вкус древних анатолийцев намного превосходит все известное для других регионов нашей планеты. Судя по некоторым признакам, эта древнейшая из человеческих цивилизаций кое в чем могла соперничать с Атлантидой. В Чатал-Гююке найдены святилища и храмы, найден и целый жреческий район этого древнейшего поселения. Богиня-мать, дающая жизнь ребенку (одно из главных божеств Чатал-Гююка), восседает на троне, подлокотники которого оформлены в виде двух леопардов.

Одна из древнейших этруских фресок воспроизводит мотив с леопардом. Двое ведут коня под уздцы. На крупе лошади за спиной мальчика-наездника сидит молодой леопард. Зверь доверчиво положил лапу на плечо мальчика. Откуда они идут? Леопард молчаливо

свидетельствует: из Малой Азии. Именно здесь во втором тысячелетии до новой эры мы находим черную керамику, свойственную этрускам. Изделия из этой керамики найдены в бывшей фригийской столице Гордионе. Известно и о тесных связях северного Причерноморья и Приднепровья с Анатолией.

Они называли себя «расена», «расены» или по-славянски на «о» — «росены». Их предки, древнейшие племена Восточной Атлантиды, поклонялись леопарду. Сыны леопарда-рыса называли себя расенами, русами, русицами.

У Чирова необыкновенная, цепкая память. Примерно через месяц работы, когда, несмотря на все ухищрения, привлечение хеттского, хаттского, древнеславянского языков, дело застопорилось, профессор извлек из тайников своей памяти и процитировал одну из глиняных табличек Вавилона. Запись эта необыкновенна.

«В первый год из той части Персидского залива, что примыкает к Вавилону, появилось животное, наделенное разумом. Все тело у животного было как у рыбы, а пониже рыбьей головы у него была другая, и внизу, вместе с рыбьим хвостом, были ноги, как у человека. Голос и речь у него были человечески и понятны. Существо это днем общалось с людьми, но не принимало их пищи; и оно обучило их письменности и наукам и всяким искусствам. Оно научило их строить дома, возводить храмы, писать законы и объяснило им начала геометрии. Оно научило их различать семена земные и показало, как их собирать».

Табличка эта давно известна ученым. Некоторые из них предполагают, что она намекает на посещение Земли инопланетянами (намеки эти справедливы, в общем, я имел случай убедиться в этом и раньше и позже описываемых здесь событий).

Чиров знал ее почти наизусть. Это решило исход нашей работы: ведь начало этрусской легенды почти совпало с древним текстом! Он-то и подсказал нам

смысл написанного, даже перевод самых трудных слов, над которыми мы могли бы биться и год, и два, несмотря на словарь, составленный Чировым.

Произошло все за чашкой кофе, мы говорили о пустяках, молча сидела с нами за столом Валерия, прислушиваясь временами к резковатому голосу отца. Потом мы враз смолкли, опустили головы, и он, останавливаясь поминутно, чтобы припомнить необыкновенные слова, читал по памяти:

— «В первый год из той части Персидского залива... Все тело у животного было, как у рыбы... оно научило их строить дома...»

— Что вы прочитали? — спросил я Чирова.

— Неужели не знаете?.. Это ключ к этрусскому тексту. — И вдруг стал уверять меня, что текст, над которым мы бьемся, переводится примерно так же и что именно он мог послужить некогда эталоном для вавилонской записи.

И он оказался прав. То, что не удавалось сделать за месяц, было закончено в три вечера. Вот что у нас получилось:

«Из синего простора за семьдесят веков до нас поднялась звезда. Она поднялась снизу, из воды, когда звезды на небе уже спали. Ты видишь рассвет каждый день, и каждый день всесильное солнце поднимается над твоей головой. Поймай на рассвете мгновение, когда владыка небесный еще не вышел на поле свое, когда скрылись звезды, когда пробудились птицы. В эту минуту, в этот час сверкнула спокойная вода в синем просторе. Белый огонь пробежал невидимой дорогой к нашему берегу. И вырос огонь и остановился на песке среди немногих людей из нас. Знай, что и тогда море было там, куда солнце садится, а берег наш родной был там, где оно в ясный день поднимается. Тогда было так. Так было и много позже, когда сыны леопарда прошли неготовными дорогами в земли, которые указали им предки.

Огонь же, оставшийся среди нас, угас, теряя силу, но выросли тогда три луча узких, как лезвия, как ножи сынов леопарда. Знай, три луча выросли, засверкали. Один луч коснулся руки одного из нас. Другого из нас второй луч коснулся. Третьего достал третий луч. На руках следы от лучей остались как багровые знаки солнца, как кровь. И обежали лучи круг людской, и обежали они землю под их ногами, и воздух, и траву, и песок, и камни, и дома. Круглое тело огня вспыхнуло среди людей и стало удаляться. И вслед ему смотрели, пока огонь не скрылся. И увидели люди на руках знаки огня, знаки холодного лезвия, пробежавшего среди них. Знай, так было».

Солнце по-этрусски — «усил», «осил». В нем сокрыт один из древнейших корней, сохраненный в глаголе «сиять» до сего дня. «Усил», «осил» как бы сближают силу и сияние. Итак, речь шла о вмешательстве какой-то неведомой силы в жизнь этрусков. Произошло это задолго до переселения их в Италию. Где-то на Средиземноморском побережье, в Малой Азии. Или даже в Леванте, где обитали позже финикийцы, ближайшие родственники этрусков, основатели буквенной системы письма, которую применяли и этруски и которую позже освоили соседи-кочевники.

Что тогда произошло? Эпизод напоминал случай на берегу Персидского залива, но он относился ко времени очень давнему — ведь самые древние города на Земле располагались на прародине этрусков, в Малой Азии. Вавилонский эпизод, считает Чиров, следовал за этруским, и нет оснований не верить ему.

Теперь о главном. Нужно переосмыслить текст с учетом современных понятий. Крупный специалист в области космических сообщений считает, что полеты разумных существ на межзвездных кораблях попросту не нужны. Их не будет. Вся информация, необходимая нашим предполагаемым братьям по разуму, содержится в генах. Достаточно одной клетки, чтобы узнать о чело-

веке многое. Достаточно оптического локатора и нескольких голограмм, чтобы узнать почти все о народе, племени, городе или цивилизации этрусского времени.

— Значит, была попытка изучить истоки нашей цивилизации, — рассуждали Чиров и я. — Лучи, конечно, были далеко не простыми пучками света. Они записали информацию в неведомых блоках памяти, и невидимая глазу суть этих лучей могла проникнуть сквозь дерево и даже камень. Так стало известно на борту корабля о древнем земном поселении, о домах, их устройстве, их обитателях. Сами же пришельцы из корабля не показывались. Это свидетельство того, что корабль был, вероятней всего, автоматическим.

— Наше предположение удовлетворяет принципу Оккама: следует объяснять явления, пользуясь минимальным объемом знаний.

Профессор съязвил — он искоса поглядывал на меня, — и все же давно я не видел его таким довольным и благодушным.

Да, они взяли клетки кожи, и на руках этрусков остались багровые следы после этой несложной операции. Сработало холодное лезвие, другие слова тут не подыскать и в наш атомный век.

Открывалась вот такая перспектива: клонирование позволяет выращивать организмы из отдельных клеток, что и было выполнено на далекой неизвестной планете теми же вездесущими автоматами. Еще двадцать лет назад я своими глазами видел маленькие сосенки в колбах, которые ведут происхождение от отдельных клеток, высеянных в питательную желеобразную смесь. Было это в Ленинграде в лаборатории Яценко-Хмелевского, профессора лесотехнической академии. Но это на нашей планете. Четверть века назад.

Что касается случая с этрусками и автоматическим кораблем, то он вполне мог послужить отправной точкой для основания инопланетной колонии, второй Этру-

рии или, еще лучше, Новой Этрурии. Для этого нужны лишь несколько живых клеток...

Именно автоматические корабли являются главным видом транспорта в нашей Галактике — так считают многие ученые. И главная их цель, упрятанная в блоках программы и памяти, — спасение на отдаленных планетах той культуры, которой суждено погибнуть. Этруски погибли под натиском Рима. Здесь, на Земле. Два тысячелетия назад. Зато где-то в необозримой дали потомки их увидели второе солнце и назвали его так же по-этрусски: «осил». А потомки потомков увидели и Землю.

Кто послал корабль для спасения этрусков, я, разумеется, не знал и не надеялся узнать. Да и одних ли только этрусков?.. Скорее всего в нашей звездной системе издревле блуждают такие корабли. Иногда они садятся на планеты...

Я старался скрыть от Чирова мою следующую мысль.

Была она проста: «Ты симпатичный старикан, и голова у тебя что надо, но если бы ты знал, сколько космических экипажей уже перебивало здесь, почти у самого порога твоего дома. И твой бывший ученик тоже оказался из этих... пришельцев».

ИЩУ ПРЕДКОВ. ГЕРАКЛ И ОМФАЛА

Было несколько очаровательных дней, когда я мечтал, предавался воспоминаниям, читал и размышлял об этрусках. Я нашел, что отец мой похож на незнакомца из этрусского города Вольтерры. Алебастровое надгробие дошло до наших дней, относится оно ко второму веку до новой эры, к периоду поздней Этрурии. В это время все ее земли оказались под властью Рима. Пройдет еще лет сто, и от самобытного искусства этруских мастеров останутся воспоминания и памятники, не станет и самих мастеров. Рим проглотит Этрурию.

На землях этрусков императоры будут селить римлян. Этрусски будут согнаны со своих мест. Историк Мюлштейн напишет: «Этрурия — колыбель Рима. Рим — могила этрусков».

На репродукции бронзового зеркала я нашел свой портрет. Имя этруска — Пава. Сходство поразительное. Рядом с ним — воин с копьем и еще двое. Меня не удивляет сходство с этруском. Но удивительно, что я нашел портрет этруска, похожего на отца... Велия. Пава. Волний.

— Это этрусские имена! — твердо сказал Чиров, когда я осторожно спросил его об этом. — Почему они вас интересуют? — И, не дождавшись вразумительного ответа, добавил: — Пава — имя, которое известно у славян с некоторым свойственным им оканьем: Бова. Вспомните сказку «Бова-королевич». О Велии я уже говорил вам. Что касается Волния, то имя это восходит к Воли синей. Так называли большое озеро в Этрурии и город на берегу его. Но слова тогда отделялись друг от друга лишь точками. И потому позже писали: Вольсинии. Означает это «синий простор». Волний — это «вольный».

Я узнал, что предком этрусков был Геракл.

Имя Геракла писалось по-этрусски так: Геркле. Был он родным дедом Тиррена, переплывшего море на кораблях, чтобы основать первые поселения этрусков в Италии. Происхождение Тиррена засвидетельствовано с мифологической точностью. Геракл был продан в рабство царице лидов Омфале, которая очень плохо с ним обращалась.

О тяжелых днях древнего героя известно гораздо меньше, чем о его славных победах, поэтому позволено напомнить, что именно Омфала сделала его не просто рабом, а своей рабыней. Она приказала Гераклу носить только женское платье. Много же труда должен был потратить Геракл, чтобы верхний край хитона его всегда был похож на короткую безрукавную кофточку!

Раз Омфала собственноручно наказала его только за то, что опоясан хитон Геракла был под грудью, как у женщины, а не на талии, как у девушки.

Ежедневно перед полированным бронзовым зеркалом Геракл накидывал на плечи пеплос, верхнюю накидку, красота которой заключалась в изяществе драпировки. Для бесстрашного мужа была выбрана самая нежная голубая ткань с фиолетовыми разводами. Чтобы складки хитона и пеплоса были более пышными, в подол одежд Геракл вшивал кусочки свинца. Поверх хитона и пеплоса, повинаясь женской моде того времени, отважнейший из воинов накидывал прямоугольный плащ с вышитыми цветами и легкий шарф из полупрозрачной ткани — калиптру. Обувью ему служили мягкие яркие туфли или полусапожки («По чертогу кружит, золоченой туфелькой сверкая». Эврипид). Облик неустрашимого витязя дополняла изысканная прическа из завитых волн, низко спущенных на лоб, вдоль щек, а сзади приподнятых и уложенных в узел, скрепленный серебряными шпильками и узкими ленточками. Нельзя представить себе модницу тех далеких времен, которая считала бы свой туалет завершенным без румян, краски для губ и бровей, век и ресниц, духов в изящных керамических флаконах — лекифах. Геракл никогда не смог бы постичь всех этих премудростей, если бы не строгое око той же Омфалы. Он предстал перед царицей не иначе как с веером в руках. На предплечье его, правом запястье, лодыжках красовались нарядные браслеты.

Работа была не труднее, чем у других приближенных к царице рабынь. Геракл должен был прясть, прислуживать царице, выполнять мелкие типично женские поручения.

В период этого унижительного трехлетнего рабства, как пишут историки, Омфала родила Гераклу четырех сыновей. Один из них был Атис, отец нашего Тиррена.

ЯБЛОКО РАЗДОРА

Утро следующего дня стало поворотным пунктом в моих отношениях с Чировым на ближайшее время. Как это случилось? В шесть утра раздался звонок, я проснулся и слушал басовитый голос телефона, потом догадался, что звонит мне Чиров. Интуиция. Взял трубку и услышал:

— Вы не тот, за кого себя выдавали, вы оказались человеком без принципов, без убеждений... Что вы на это скажете?

— О чем вы, Николай Николаевич? — Я был ошарашен, но все же в считанные секунды этого пассажа пытался припомнить: не водится ли за мной грех, не набедокурил ли я нечаянно, не обидел ли старика какой-нибудь выходкой?

— Не прикидывайтесь! — зарокотал Чиров. — Зачем вы это сделали?

— Что именно, Николай Николаевич? — Во мне затеплилось подозрение, что он проверяет меня, испытывает, — и отсюда странная интонация и странные его слова, обращенные ко мне.

— Он еще спрашивает, мой бывший ученик! — продолжал Чиров. — И это единственное, чему он научился у своего профессора, — задавать вопросы и не давать ответов. Зачем вы похитили из моего кабинета этрусские таблички?

— Я не похищал их из вашего кабинета.

— Не думайте, что я стар и меня так легко провести.

— Даю честное слово.

— Возьмите его назад. О табличках, кроме вас и меня никто не знал. Кроме того, они были заперты в моем столе. И наконец, я отлично помню, с какой неохотой вы мне уступили их на время!

— Помилуйте, я сам предложил их вам.

— О нет! Вы дали их на время, чтобы использовать

меня как этрусколога, а потом неожиданно вернуть их себе вместе с результатами нашей... гм, работы. Не так ли?

— Нет. Не так. — Я окончательно проснулся и не верил теперь своим ушам: что он, ошалел, что ли?

— Так. Бессмысленно отрицать это. Замок стола сломан, на нем отпечатки ваших пальцев. Не думайте, что мне недоступна элементарнейшая экспертиза, с которой справляется даже начинающий криминалист.

— Этого не могло быть!

— Это факт! — прогремело в трубке.

И тут до меня дошло: нужно разобратся в этой истории, не пристало мне обижаться на старика, тем более что я от него действительно кое-что утаиваю.

Я накинул пальто, скатился по лестнице, догнал при тормозившее у светофора такси, поехал к нему.

Он как будто не удивился моему появлению. Молча кивнул головой, пропустил в прихожую, скрестив руки на груди, не без сарказма оглядел меня с ног до головы.

— Итак, допустим, — промолвил он негромко, точно про себя, — что вы действительно захотели вернуть себе эти таблички. Я не намерен выступать с обвинением. Замечу только, что, как бы я ни был одержим, я вернул бы их вам по первому слову.

— Вы говорили об отпечатках пальцев... это серьезно?

— Вполне. Полюбопытствуйте!

Он провел меня в кабинет. Там было сумрачно, шторы на окнах задернуты, словно и вещи, знакомые мне до мелочей, выражали сочувствие их владельцу и не хотели смотреть на меня, а притаились и наблюдали исподтишка, как я выкручусь из неприятной истории.

Он включил настольный свет и показал мне отпечатки пальцев, обработанные по всем правилам криминалистики. Я всматривался в квадратики фотобумаги и собирался с мыслями. Где же таблички? И я сказал

это вслух. Но голос мой предательски дрогнул, и старик так и впился в меня глазами, неправильно, очевидно, истолковав мой тон. Я плюхнулся в малиновое кресло, в котором раньше так часто сидел и которое теперь показалось неудобным, холодным, чужим.

НЕУДАЧНАЯ ПОГОНЯ

Прикрыв глаза, попытался я вызвать образ убегающего человека в темном. Вот он... седьмым зрением я вижу его! Но что-то загоразживает его лицо. Что это? Зонтик или большая книга... Он прячется от меня. Он знал, что я смогу мысленно идти за ним. И устранить разницу во времени. И вот солнце освещало его чем-то знакомую фигуру, а темный прямоугольник скрывал его лицо. Это была книга, но не она, а тень ее прятала от меня человека, побывавшего у Чирова и выкрывшего таблички! Тень... так и должно было случиться: он умел защищаться и знал, от кого придется защищаться! Тень защищала тень. Усилием воли я отодвинул книгу. Но с тенью справиться не мог.

Наверное, лицо мое побледнело, и когда все кончилось и я открыл глаза, Чиров в упор рассматривал меня. С гибкостью, удивительной для его возраста, он захопнул ящик стола и мнимо-смирненно произнес:

— Видно, стареем. Из нас двоих мне больше всего приходится считаться с необратимостью времени. Наше поколение живет и мыслит в другом темпе. — Он едва заметно усмехнулся. — И свое бессилие перед этим фактом оно пытается превратить в позицию.

— Ну что вы... — попробовал я защитить его и себя.

— Да уж, видно, так оно и есть, и не я первый это заметил. Для того чтобы это обнаружить, достаточно двоих.

Я испытывал мучительную неловкость, но повинен был в ней я сам. Нужно было поскорее расстаться. Ста-

рика снова понесло. Я попрощался. Он ответил небрежным кивком, я увидел его профиль и впервые подумал, что он всегда был и останется отчасти ребенком. Такие люди встречаются и в преклонном возрасте, жизнь учит их только одному: тщательно скрывать это свойство характера от других. Но в нашей беседе Чирову это не потребовалось. Значит, всерьез...

Я шел пешком от Чирова. Шел все медленнее, изредка прыгая через первые весенние лужи. Потом остановился. Еще минута — и я повернул бы назад к дому Чирова. Такой был настрой.

Что-то мешало мне, какая-то подспудная работа шла во мне после разговора с Чировым. Разве не имеет права этот человек оставаться самим собой? Я стал другим, вот в чем дело. Вся эта история с контактами приучила меня к обостренной наблюдательности и нетерпимости. Все явления, даже обыденные, наполнились скрытым смыслом. Возник вдруг второй план, и для меня этот второй план стал главным. Все совершалось по законам, в общем-то простым и хорошо мне знакомым. Но теперь к ним прибавлялось нечто постороннее. В отблеске солнца на стекле я мог увидеть попытку сестры или Жени напомнить мне о чем-нибудь, в резко затормозившем грузовике усмотреть намек на продолжавшуюся борьбу с троицей неизвестных, вынырнувших еще там, на юге, из какой-нибудь щели времени. И все же от этого нужно было отказаться. Второй план, связанный с моими неожиданными приключениями, должен был подчиниться обычному, видимому, естественному. Только через обыденное могли проявить себя неведомые мне враги, подсылавшие металлического жука, устроившие обвал в ущелье, а теперь вот похитившие таблички.

Только я открыл дверь, зазвонил телефон. Я поднял трубку. Звонил Борис.

— Ты расстроил старика! — кричал он в трубку. — Что ты ему наговорил? Он не хочет слышать твое имя...

— С чего ты это взял? Да я видел его...

— Он расстроен. Он подавлен. Позвони ему! — Аспирант подливал масла в огонь.

— Хорошо, — сказал я как можно спокойнее.

— Помни, что ты наделал уйму глупостей!

— Пока! — Я бросил трубку.

...Настоящей родиной викингов является Причерноморье. Вождя викингов, приведшего свой народ в Скандинавию из Причерноморья, звали Одним. После смерти его провозгласили богом. Причина переселения — римская экспансия. Случилось это в первом веке новой эры, много позднее похода этрусков-росенов на Апеннины. Малая Азия — общая колыбель их. Здесь зародилось почитание быстрых, ловких зверей — леопарда и гепарда. Леопард-рыс дал позднее свое имя и похожему на него внешне зверю — рыси. Гепард помогал охотникам.

Думаю, что проследить пути народов, населявших некогда Восточную Атлантиду, Чирову пока не удалось. Еще бы, ведь Чайеню-Тепези был заложен в восьмом тысячелетии до нашей эры. И уже тогда люди знали более десятка культурных растений. Есть свидетельства, что много раньше, тридцать тысяч лет назад, близ Чатал-Гююка и Чайеню-Тепези шли торговые пути. По ним доставляли черное вулканическое стекло — идеальный материал для наконечников копий и женских украшений.

Иногда я шептал про себя этрусские слова. Именно так, на слух, их легче воспринимать. Раш — рожь, зерно. Я нашел слова «руште», «руш» в значении «русичи». Это как будто уводило в сторону от почитаемого в древности леопарда. Однако слова могут пройти через барьеры тысячелетий, если они усиливают друг друга. Когда два разных слова звучат сходно, то рано или поздно они объединяются в одно. Не так ли произошло с руш-рус?

...С недавних пор на стене моей комнаты появилась репродукция: этруски во время обряда вбивания гвоздя

в стену храма. Два слова о сути. Несколько человек собирались в храме в один и тот же день года. Жрица с венком на голове, обнаженная, редкостной красоты девица, вбивала молотком гвоздь. Когда на стене храма не останется свободного места от вбитых гвоздей, народ этрусков, по их собственным поверьям, должен исчезнуть. Так вот, у руки жрицы я с удивлением заметил световой зайчик: он словно выжидал до поры до времени, потом сдвинулся, переместился поближе к другой ее руке, державшей молоток. Лицо ее осветилось, на мгновение показалось живым — и светлое пятно поползло по стене комнаты. Потом остановилось. Я следил за ним; отложил книгу и встал. Вот пятно, похожее на чистый лист бумаги, медленно двинулось, высветив согбенного гарусника-гадателя, изучавшего печень быка, принесенного в жертву. Чуть заметней стал растительный орнамент; виноградная лоза, окаймлявшая изображение, ожила, листья как будто шевельнулись от ветра — и пятно убежало дальше. Точно где-то недалеко мальчик пускал солнечные зайчики большим зеркалом. Невольно я обернулся, но увидел закрытую дверь комнаты и темную портьеру.

Я протянул руку вслед за светлым пятном — оно убежало от моей руки, потом пропало. Или мне все это показалось?

* * *

После обеда я вышел прогуляться. Был серый будничный день. Прошел переулками к Тимирязевскому парку, за старым забором открылись просеки и аллеи, зимние рощи, жухлый снег. На корявом дубке позванивали от ветра чудом уцелевшие бронзовые листья. За лиственничной аллеей, спускаясь к озеру, увидел на дальнем взгорке Валерию. Она быстро шла по просеке, наверное, возвращалась домой. Я шел следом, на расстоянии, прячась за стволы черной ольхи, обходя поля-

ны. Она вышла к березовой роще, где был твердый наст, и пошла по целине. Я видел ее статную фигуру издали, за белыми, чистыми, нарядными стволами. Следовал за ней, оставаясь незамеченным. Она была в новой рыжей шубе, унтах и красной полосатой шапочке. Сероватое полотно снега под березами не проваливалось под ногами. Справа от нас остался узкий заливчик озера, где ребятига ловила рыбу у полыньи водостока.

Мы вышли на Новопетровскую улицу. Дома здесь расположены под углом к дороге, я сворачивал на газоны, ждал, пока она пройдет дальше, и эта игра стала волновать меня. У булочной она остановилась, словно раздумывая. Потом открыла дверь. А я ждал поодаль, на другой стороне улицы. Она вышла из булочной с десятикопеечной булкой. Незаметно для прохожих (но не для меня) эта рослая барышня отщипнула кусок булки и оглянулась. Но меня не заметила. Резко свернула в пельменную, и я опять ее ждал. Теперь она пропала на четверть часа.

Так я провожал ее до трамвайной остановки. Прыгнул следом во второй вагон. Мы доехали до метро, и там я спрыгнул первым, наблюдая за входом в вестибюль. Но ее не было! Я обнаружил ее вдали, у самого железнодорожного моста. Она шла так быстро, что я едва поспевал за ней. Так мы добрались до Покровского-Стрешнева, вошли в лес. Мне стало неловко. Что это со мной приключилось?

Она останавливалась у разводий, кормила уток.

За лесом Валерия прыгнула в троллейбус. Через пять минут она будет дома, подумал я. Остановившись, я не решался перейти Волоколамское шоссе; словно дал зарок этого не делать, пока она не будет дома. Потом вернулся в лесопарк, шел по берегу прудов, где летом купался. По стволу одинокой сосны шныряла серая с рыжим брюшком птица. Чем-то я был похож на нее.

УЖИН ПО-ХЕТТСКИ

— Это я, — прозвучало в трубке. — Ты меня узнал?

— Да, конечно, узнал.

— Прошел месяц, а ты к нам не заходишь... я знаю почему. Отец ругает тебя, а я не верю ему.

— Вот как?

— Да. И вообще мне многое надоело. Если хочешь, я приеду к тебе.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать один. А что?

— Самый подходящий возраст, чтобы вот так просто приехать к знакомому мужчине, который к тому же более чем вдвое старше.

— Ты не хочешь?

— В том-то и дело, что хочу.

— Ну... — Голос в трубке замолчал.

— Ты понимаешь, что речь идет не просто об отпрыске профессора, а о самостоятельном человеке по имени Валерия?

— Если хочешь приобрести право читать мне мораль на том основании, что мне только двадцать один, тебе следует согласиться со мной.

— Это серьезно.

— Можешь встретить меня хотя бы у подъезда? Нужно поговорить.

— Встречу, — сказал я и повесил трубку.

Через полчаса мы сидели в моей комнате со светлокоричневыми обоями, с этрусскими гравюрами в простеньких рамках, акварелями, изображавшими светлые, пустынные поля, рощи, прозрачно-зеленый северный небосклон, морские побережья со скалами, песчаными пляжами и деревянными лодками над кромкой прибоя.

— У тебя хорошо... — Она зябко поежилась, протянула руку, достала с полки истрепанную, лохматую книгу, стала листать.

Я включил сухарницу, которая служила мне вместо

электропечки, зажег настольную лампу. Она вопросительно посмотрела на меня и указала глазами на книгу.

— Старые истории о хеттах и славянах, — пояснил я как можно популярнее.

За пределами луча света от лампы ее глаза казались темными, как густая кровь, меловая белизна ее шеи резко выделялась над полукруглым воротником темной блузки, отливавшей серебром.

— У тебя есть что-нибудь пожевать? — спросила она скорбно-смирненным тоном, и я заверил ее, что все будет в порядке, ведь я разработал сам несколько кулинарных рецептов.

— Это потому, что ты один? — На щеке ее, обращенной ко мне, обозначилась ямочка, и все лицо ее выражало участие ко мне.

— Да. И потому, что я немного изобретатель. Я могу приготовить пельмени по-восточному с редькой и мясом, яичницу по-хеттски с луком и шкварками, медовую брагу по-этрусски.

— Подойдет, — сказала она серьезно.

— Что подойдет?

— Все, что ты назвал. Сколько тебе надо времени?

— Смотря для чего. Для первого и второго блюда полчаса, для третьего — три часа.

— Хорошо, — тем же скорбным, тихим голосом сказала она. — Тогда сделай мне пельмени по-восточному и яичницу по-хеттски, потом поставь кофе и сразу эту... медовую этрусскую. Можно немного сухого вина и красной икры.

— Идет, — отвечивал я, ободренный тем, что у меня была на всякий случай припрятана банка красной икры и что теперь она так пригодилась. — Ты посидишь здесь, да?

— Нет, я пойду с тобой на кухню, посмотрю, как ты будешь готовить яичницу по-хеттски. Больше у тебя ничего нет?

— Почему же? Я могу сделать для тебя шоколадный напиток индейцев майя. Хочешь?

— Потом. Не все же сразу, — рассудила она. — Теперь идем на кухню.

Пока я готовил, она покачивалась в старом потертом кожаном кресле и, вытянув носки темных с коричневым отливом туфель, рассматривала их.

— У тебя не найдется элоники? — спросила она так тихо, что я едва расслышал ее вопрос.

— Какой элоники?

— Ну, это такая жидкость, от которой кожа приобретает блеск...

— Нет, элоники у меня не найдется. — И я подошел к ней.

Круглое лицо ее было пунцовым, глаза блестели, руки она сложила на груди, и я стоял перед ней, а она так же, как и минуту назад, покачивалась в кресле, вытянув ноги в сером.

— Почему у тебя только одно кресло? — спросила она строго.

— Да потому, что я живу один. И выменял это кресло у своего друга. Отдал за него восьмитомник и пятитомник.

Мы поужинали.

— Думаю, тебе пора возвращаться... — Я произнес это спокойно, твердо и, словно убеждая в том же и себя самого, повторил просьбу про себя. У двери комнаты она молча остановилась, обернулась ко мне, но в полутемном коридоре я не сразу угадал выражение ее лица. А ее руки ощутимо сжали мои плечи, по шее и щеке прошла ее прохладная ладонь, ее круглое лицо, неподвижное, почти кукольное, сейчас приобрело необыкновенное выражение: брови ее сдвинулись, губы искривила принужденная, полупрезрительная улыбка. Руки ее отталкивали меня, но не отпускали, это было похоже на игру: гибкие длинные пальцы с накрашенными ногтями впивались в мои плечи, отпускали меня на мгновение,

потом все повторялось. Я хотел осторожно притянуть ее к себе, она опередила меня, надавила ладонями и запястьями, усадила меня на стул у вешалки, сказала наигранно-резко:

— Хочешь отправить меня домой? Ну, попробуй, попробуй!.. — И, тускло блеснув темной кожей, носок ее туфли поместился тут же, на стуле, и в слабом свете отливающее сиреневым колено приблизилось, прислонилось и держало меня так, что я и не помышлял встать.

Валерия наклонилась и медленно выдохнула слова темным от помады ртом:

— А может, передумаешь, а? — Голос ее был низким, грудным; тугое серо-сиреневое колено, оваянное тонким запахом духов, коснулось моего подбородка; она добавила: — Я видела тогда, на Новопетровской, как ты шел за мной.

Я молчал. Так прошла вечность. По ту сторону вечности, за теплым сумраком этого вечера и еще семидесяти семи вечеров, за прохладой плеч и меловой их близкой, грузным их великолепием угадывалась несбыточная полоса горестно-счастливых дней.

ЧЕРЕП СМЕРТИ И ДРУГИЕ РЕДКОСТИ

В июне, после сессии, Валерия уехала с туристской группой во Францию. На третий день после ее отъезда установилась настоящая летняя погода, в парке под светлым небом допоздна гуляли парочки, я почти каждый день купался во втором пруду, близ того места, где Валерия кормила диких уток, оставшихся зимовать.

Вода там прозрачная, холодная, у дна бьют ключи. Я доплывал до середины пруда, ложился на спину, ловил краем глаза вершины качающихся сосен, красные лучи заката, в памяти моей соединялись разорванные потерей табличек нити нашего поиска.

Кто-то был против начавшихся контактов. Я уже успел убедиться в справедливости Анаксагора, который

писал, что вместе когда-то были зародыши вещей с их формой и цветом, вкусом и запахом; и рождались в космосе живые существа и люди, имеющие душу и разум, и у тех людей, как и у нас, есть на далеких планетах населенные города и творения искусства, есть Солнце, Луна и другие светила, и земли их приносят щедрые плоды, к которым привыкли и мы.

И вот, когда случай представил доказательства этому, некто постарался убрать их.

Валерия вернулась с опозданием на несколько дней, и я искренне удивился, как при всем этом не возникло трудностей с визой. В день возвращения на вечере в Доме литераторов я заметил вот что: когда мы пошли в буфет, Валерия оставила на сиденье кресла голубой конверт — знак того, что места заняты. Конверт был с обратным адресом, по-французски на нем значилось имя: Мишель Легран. После вечера я провожал ее. Мы шли пешком до бульварного кольца, сели на скамейку. Я повернулся к ней, взял ее руку, спросил:

— Кто такой Мишель Легран?

— Композитор, — ответила она. — Очень милый. Есть еще вопросы?

— Да. Ты поднималась на Эйфелеву башню?

— Зачем?

— Ты очаровательная кроманьонка.

— Думаешь, я не знаю, кто такие кроманьонцы?

— Ничего обидного я не сказал. Люди эти даже превосходили современных в росте и объеме мозга, но были равнодушны к архитектуре. Им было не до этого. Нужно было охотиться на пещерных медведей и саблезубых тигров.

— Можно не пояснять...

— Франция — классическая страна кроманьонцев. В прошлом, конечно.

— Современные неандертальцы, о которых говорит отец, пережили кроманьонцев. Но не научились быть обходительными.

— Знаешь, я скорее ориньякский человек, нежели неандерталец.

— Возможно. Ты уже месяц не приглашал меня в театр.

— Просто потому, что не могу угадать твои желания.

— Теперь об одном из них ты знаешь.

— Да. Обещаю.

— А у тебя есть желания?

— Есть. В Александрии найдена мумия женщины. Тело ее обернуто листами полотняной этрусской книги. Хочу увидеть ее.

— А еще?

— Хочу познакомиться с востоковедом, который еще до твоего отца обнаружил в Книге Мумии славянские корни. Но в отличие от него считал, что этруски пришли в Италию с берегов Дуная и отрогов Карпат. Еще хочется побывать на раскопках порта Спин в дельте По. Лет тридцать назад профессор Альфиери нашел там первую постройку. Спин — это жемчужина Этрурии, точнее, северной ее провинции. По всей Этрурии сейчас, наверное, бродят гробокопатели. Есть такая профессия. Люди эти загоняют в землю тонкие стальные пики семиметровой длины и по сопротивлению или удару такой пики о твердый предмет судят о предполагаемой добыче. Бродят там, где когда-то звучала страстная музыка, этрусские женщины танцевали и пели, а мужчины наполняли кубки вином и медвяными напитками. Хочу увидеть, что еще скрыто в земле. Вот мои желания. Просто, правда?

— Вы с отцом не вполне здоровы... и неизлечимы.

— Это так. Когда-нибудь и ты поймешь, как нужно человеку его дело.

— Но ты пишешь...

— Все равно. Нужно еще дело.

— Не все так думают. Во всяком случае, ваши этруски по вечерам танцевали.

— У них было больше времени. Они же самые древ-

ние на земле люди, если, конечно, не считать атлантов. Им просто не нужно было изучать и раскапывать гробницы предков. Они и так все знали. Еще три тысячи лет назад они утверждали, что их государство насчитывает пять тысяч лет.

— А атланты?.. Кто они?

— Они жили на островах в Атлантике. Потом упал громадный метеорит, пробил земную кору, начались извержения, и Атлантида ушла под воду.

— Значит, Атлантида — не выдумка?

— Думаю, что нет.

— И у тебя есть доказательства?

— самого общего свойства. Предания не лгут. Американец Томсон поверил легендам майя и нашел их священный колодец с драгоценностями, которые они приносили в дар богу дождя Чаку. Археолог Митчел-Хеджес знал о существовании «череп смерти» и нашел его в развалинах древнего храма. Вещица эта сделана из кварца, нижняя челюсть подвешена и может двигаться даже от ветра. Если под черепом поместить свечу, глазницы его испускают яркие лучи, а окружающие предметы и люди как бы проецируются на дымчатых кварцевых образованиях. Полагают, что череп сделан был в Древнем Египте. Это не так. Он из Атлантиды. О Трое ты слышала. Ее описал Гомер, слепой певец, сам ставший легендой. Но Троя найдена! Атлантиду же описал Платон, весьма серьезный человек. Об этой стране помнили египтяне. Атланты воевали с народами Средиземноморья, хотели обратить их в рабов. Раньше это считали вымыслом Платона. Девятое тысячелетие до нашей эры... очень давно, раньше пирамид на шесть тысяч лет. Теперь жилища тех, кто воевал с атлантами, точнее, их ближайших потомков, найдены. Это города Чатал-Гююк, Чайеню-Тепези и другие.

— Ты назвал те самые города, где жили предки этрусков?

— Да. Они начали строиться уже после гибели

Атлантиды. Но были и другие где-то рядом. Они уничтожены катастрофой. После падения метеорита поднялся океан; шла волна высотой в три километра. Побережье смыло вместе с городами, и камни их перемешались с вулканическим пеплом и морским песком. Остались поселения вдали от берега. Растаял ледовый щит Европы, и океан поднялся на сто сорок метров... все поконится на дне.

— А атланты? Навсегда исчезли?

— Да.

— Странно. Этруски исчезли. Атланты — тоже...

— Что же тут странного? Многие племена и народы исчезали, или постепенно начинали говорить на другом языке, или становились известны позже под другим именем. Примеров много.

— Но атланты исчезли совсем!

— Римляне тоже исчезли, однако ты похожа на Ливию, жену императора Августа.

— Какая она?

— Я покажу тебе ее... — И я полез в книжный шкаф, достал альбом с репродукциями, раскрыл его и подал Валерии.

— Нет, не похожа... так, чуть-чуть. Один человек говорил мне, что он похож на атланта.

— На атланта? Кто?

— Не могу сказать... я дала слово.

— Ладно. Будем надеяться, что он тебя не обманул. Вообще-то ни одного портрета или даже описания до нас из Атлантиды не дошло.

— И мы не знаем, какие они были?

— Нет. Но есть предположения. Впрочем, зыбкие. Кто-то писал, что Египет был колонией Атлантиды и царствовавшие там династии сохранили внешнее сходство с колонистами-атлантами.

— То есть атланты похожи на египтян?

— Да. Среди фараонов много блондинов. Например, Рамзес, войска которого потерпели поражение от хет-

тов. А хетты жили уже в Восточной Атлантиде, в Малой Азии. Можно подумать, что после гибели атлантов их далекие потомки-египтяне продолжали воевать со своими давними, доисторическими врагами в лице хеттов. А у хеттов и этрусков много общих слов... Корень зла, посеянный войнами атлантов, давал всходы после их гибели.

— Корень зла?

— Это образ. Не более того. Хетты и этруски мыслили образно.

НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ

Валерия поднялась со скамейки, спросила:

— Ты не был в Италии?

— Нет, ни разу.

— Я думала, ты...

— Это не так уж важно. Захотел бы — поехал.

Я стал удерживать ее, но она пересилила меня, поднялась, и мы пошли по бульвару, где сейчас было пустынно, темно, только за чугунной литой оградой светились окна. В метро было тоже необыкновенно пусто. Я проводил ее до подъезда. В свете дальних фонарей руки ее казались необыкновенно белыми, а губы еще сохранили выражение почти детской обиды с той минуты, когда я так некстати вспомнил о кроманьонцах. Нет, это мне показалось, разумеется...

После таких вот встреч я всегда возвращался пешком, иногда окружным путем по Новопетровской улице, по темным аллеям парка, над берегом заросшего рогозом ручья у железнодорожной насыпи. И я хотел было идти, да вдруг раздумал и свернул к метро. Через несколько минут я был у своего дома, на лестнице столкнулся с какими-то типами, бесшумно выскользнувшими из подъезда. Поднялся к себе, открыл дверь и сразу уловил запах сигаретного дыма. Я особенно чувствителен к нему, потому что два года назад бросил курить.

Дверь в комнату распахнута. На столе, на подоконнике — раскрытые книги. На полу — гранки моей статьи о культе леопарда в Чатал-Гююке. В пепельнице — окурок. На широком подоконнике стоит полупустая бутылка минеральной воды. Я пробежал глазами страницы. Книги были об Атлантиде. Ту, что лежала на столе, написал профессор Жиров, которого я хорошо знал. Вторую книгу, на подоконнике, написали два зарубежных автора. (Думаю, они выполняли заказ фирм, обслуживающих туристов на Крите, потому что вопреки старым и новым фактам умудрились доказать, что Атлантида располагалась на Санторине и Крите, в Средиземном море.) Что-то еще было в моей комнате не так. Я прилег на тахту, стал думать о своем. Едва слышный шорох поднял меня с постели, я в два прыжка очутился на кухне и увидел на моем обеденном столе три стакана с недопитым чаем. На газовой плите стоял горячий чайник. Стаканы были теплыми.

Что происходит? Кто-то интересуется Атлантидой. Но не только. Изучают меня, мои книги, мои рукописи. Я мог бы застать неожиданных гостей, если бы пришел минутой раньше.

Открыл дверь ванной. Окунулся под холодную струю, вытер лицо полотенцем, которое мне подарила Валерия, стал вытирать руки. Вдруг в настенном зеркале над раковиной мелькнула едва различимая тень. Я замер. Дверь в коридор была открыта, и там, в крохотной прихожей, произошло необъяснимое движение. Снова промелькнула тень. Но на этот раз я увидел глаза. Точнее, их отражение в зеркале. За моей спиной, стараясь остаться незамеченным, некто наблюдал за мной, словно я был зверем, которого надо загнать в ловушку. Чужие зрачки тут же исчезли. Я обернулся. Никого не было. Вышел из ванной в кухню. Стаканов на столе не было. Они оказались на полке, чистые, вымытые. И чайник исчез с плиты, перекочевав на свое место, на низкий столик у посудного шкафа. Ворвался в комнату, уви-

дел, что гранки лежат на письменном столе, книги встали на свое место, кто-то возвратился сюда только затем, чтобы навести в моей квартире порядок. Стоп. А разве могла быть другая причина?

Да, могла. На стаканах остались отпечатки пальцев. Мои гости уничтожили их, вымыв посуду. На целлофановых переплетах книг могли остаться улики. Вот оно что! Стало проясняться... они рассчитывали, что я пойду пешком от дома Чировых на улице Сурикова. Я же проехал остановку на метро. Ну-ка посмотрим, ничего они здесь не забыли, в чужой для них обители, где и развернуться-то негде по-настоящему? Прошел к входной двери и заметил ключ. Да, это так: я запер дверь и оставил его в замочной скважине с внутренней стороны. Иначе быть не могло: давняя привычка. Этого они не учли. Надо было вынуть ключ, тогда я не догадался бы, кто ко мне пожаловал. Вывод следовал неожиданный. Они не открывали мою квартиру, когда вернулись, чтобы замести следы. Они прошли сквозь стену. В самом прямом смысле этого слова. Хотя, разумеется, объяснять это нужно с упоминанием тоннельного эффекта в макросистемах, вероятности перехода, искривления пространства в живых системах и за их пределами и еще чего-то, что я понял давно и так, без всяких прописных сигм и криволинейных интегралов. Когда я летел в сторону восхода солнца, к самому Тихому океану, именно так появилась в салоне моя сестра.

И в самшитовых джунглях я повторил тот же прием, когда выискивал на отвесной каменной стене точку опоры, чтобы броситься вниз, в бутылочно-голубоватую воду. С тех пор так и остался для меня неясным вопрос: доски подо мной провалились сами или кто-то помогал этому?

И все же я ошибался.... Потому что пренебрегал принципом Оккама. Увидеть себя со стороны непросто, совсем непросто. Преодолеть глухую стену... Что ж, я допускал такую возможность, для этого, правда, нужно

нечеловеческое усилие. Гораздо проще — выйти из моей квартиры, оставив ключ внутри. Затем повернуть его — бесконтактно, так сказать. Дверь окажется запертой. Точно так же можно вернуться, замести следы и снова исчезнуть. С ключом и замком такие штучки проделать гораздо проще, чем с самим собой.

К чему им мои книги об Атлантиде? Любопытное совпадение. Об атлантах говорила Валерия, один из них ей лично представился... И тут меня словно обожгло. Это мог быть такой же атлант, как я — этруск. Разве нет? Похож внешне, да, это само собой. Но не тянется ли нить из прошлого, из самой Атлантиды? Как тянется явственно до боли такая же нить из Этрурии.

Я вернулся в комнату, погасив в прихожей свет, и мне почудились шорохи, неясные звуки, восклицания. Нет, это скорее всего нервы. Никого там не могло быть. Ко мне явились инопланетяне, но не атланты. Призраки, живые привидения, их главный закон — не оставлять следов, не нарушать обыденного распорядка в нашей жизни, даже, возможно, поддерживать его всеми силами. Так им легче работать, следить за нами и, главное, за нашими контактами с другими инопланетянами, так похожими на нас.

Я бросил рассеянный взгляд на фреску. Этруск на ней кивнул утвердительно головой. Или я так захотел спать?..

А на стене прямо над этрусской фреской горел светлый квадрат. Точно лист бумаги приклеили к обоям. Я сосредоточился и произнес: «Если появление квадрата на стене означает, что мое пожелание будет выполнено, пусть эти люди или призраки больше не переступят порога моего дома».

Угадал ли я? Этого я не знал наверняка. Но что-то подсказало мне: светящийся квадрат — этруский.

РАЗГОВОР С АТЛАНТОЛОГОМ

В те дни я искал человека, с которым можно было бы продолжить разговор об этрусках и атлантах. Ибо история с контактами вела в Этрурию, к предкам ее первопоселенцев, но те, в свою очередь, были современниками атлантов. Земля заселена; зато в космосе есть звезды и новые, пустынные планеты. В стародавнее время корабль унес не только живые клетки людей побережья, но и успел освоить информацию — и она была передана затем потомкам этих людей. С ними, потомками, я уже встречался.

Страна этрусков исчезла — вместо нее ожила целая планета.

Но исчезла и Атлантида. И если неведомые космические корабли оказывают таким образом помощь исчезающим цивилизациям, то они должны были совершить посадку и в районе Атлантики.

...Есть такая редкая специальность — атлантолог. Когда-то в Москве жил профессор Жиров, химик по образованию, который написал об Атлантиде книгу. Мне сказали, что у него был ученик по фамилии Копенкин. Александр Сергеевич Копенкин. Я искал его в Москве, а нашел в Дубне. Оказывается, он физик, Атлантида — его хобби.

— Скажите, гуанчи — потомки атлантов? — огоршил я его вопросом.

— И стоило для этого ехать из Москвы? — улыбнулся он. — Нет, они не имеют к атлантам никакого отношения.

— Я читал об этом во многих книгах.

— Нет, — твердо сказал Копенкин. — Впрочем, что мы сидим взаперти, вечер-то какой!.. Пойдемте-ка, я покажу вам Волгу!

И я пошел с этим невысоким крепышом физиком к песчаным плесам, где среди ольховника отыскался катер. Копенкин завел мотор, и мы пошли сначала вдоль

берега, потом нас вынесло на стрежень, и наконец мы оказались в удивительно тихой, ясной заводи и вышли на берег.

— Гуанчи — не атланты! — продолжал прерванный разговор Копенкин. — Среди них были распространены три антропологических типа. Кое-кто готов был действительно отождествлять рослых светловолосых гуанчей острова Гран-Канария с атлантами. Но это не так. Это были потомки финикийцев.

— Финикийцев?.. Но первопоселенцы Финикии — родственники этрусков! — воскликнул я.

— Да. Корабли финикийцев побывали на островах. В этом — разгадка. Разве вы не знаете, что на латиноамериканском побережье найдены финикийские статуэтки и древнеримские монеты?.. Что же говорить о Канарах? Они рядом, под боком у древних мореплавателей. Впрочем, вас интересуют атланты? Так?

— Да... найдены ли какие-нибудь следы Атлантиды?

— Как сказать... для меня доказательств найдено более чем достаточно. Остатки пресноводных растительных и животных форм посреди Атлантики, вулканические породы сухопутного происхождения, извлеченные с глубины в сотни метров, осадки глин и морских взвесей, которые отлагались у больших исчезнувших островов, — тогда Гольфстрим шел не к берегам Скандинавии, а к берегам Атлантиды, затем — в сторону Гибралтара. Он-то и нес эти осадки, они накапливались на том самом месте, где струи замедлялись островами, там как бы образовывалась тень Гольфстрима. Потом случилось вот что. Читаю по памяти. «Пошел огненный дождь из камней, выпал пепел, скалы и деревья повалились на землю, разбивались вдребезги друг о друга... И огромная змея сорвалась с неба, ее кожа и кости упали на землю. Примчались страшные потоки воды. И с огромной змеей небо обрушилось вниз, и земля потонула...»

Это описание из мифа майя довольно точно соответствует столкновению Земли с астероидом: дождь из камней по времени должен опережать водяной вал, ведь волна распространяется медленно в сравнении с выстрелами каменных ядер. Астероид упал в Атлантику, в район Бермуд. Огромная змея, о которой говорится в мифе, — это, несомненно, столб раскаленных газов, оставшийся на некоторое время в атмосфере. Последовали землетрясения. Возможно, была видна и раскаленная лава, взметнувшаяся вверх. Выбросы пыли и пепла закрыли солнце на сто лет. Так была уничтожена Атлантида. Она перестала загораживать Гольфстриму путь на север. Теплое течение стало обогревать Европу и растопило льды, доходившие до Валдая и среднего течения Одры. Уровень океана поднялся.

С того именно времени в памяти человечества остались мифы о первозданном хаосе, о том, что небо и земля вначале были единым целым, не было солнца, луны и звезд, затем произошло разделение света и мрака, неба и земли.

— Остались Азорские и Канарские острова...

— Атлантида располагалась вблизи Азорских островов. Они были ее частью. Тогда горные вершины их поднимались над уровнем моря на пять и более тысяч метров. Хребты отгораживали Атлантиду от северных ветров.

— Можно ли отождествить с атлантами хоть одну находку?

— Это мадленский алтарь в Испании. Эпоха ранней Атлантиды.

— Что это такое?

— Культовый комплекс, которому более шестнадцать тысяч лет. Представьте площадку и холмик, на вершине которого — песчаниковая плита весом более тонны. Вокруг плиты вертикально стоят камни. В яме сложены наконечники копий, раковины, кости животных,

в другой половине ямы найдены швейные иглы. Рядом — каменная скульптура, голова, правая ее половина — лицо человека с усами и бородой, левая — морда хищного зверя. Думаю, сооружение это говорит о том, что колонисты из Атлантиды достигали Европы. Это были охотничьи экспедиции. Испания — классическая страна кроманьонцев.

— Кроманьонцы — это, по-вашему, атланты?

— Да.

— А я в этом не уверен. Существовала еще Восточная Атлантида. Города в Малой Азии строились во времена атлантов.

— Возможно. Но искусство градостроения пришло из Атлантиды! Один из архитекторов глубокой древности сообщает, что Ниневия, столица Ассирии, сооружена по плану, который в давние времена был осуществлен в образе неба. И это общая черта многих городов минувшего. Когда мидийский царь Дейок строил Экбатану, он окружил дворец на холме семью кольцами стен, окрашенных в разные цвета. Латинноамериканские города эпохи инков наводят на мысль о сходстве со столицей Атлантиды. Вспомните Платона: «Стены вокруг наружного земляного кольца они (атланты) по всей окружности покрыли медью, нанося металл в расплавленном виде, стену внутреннего вала покрыли литьем из олова, а стену самого акрополя — орихалком, испускавшим огнистое сияние». В этом описании требует пояснения лишь слово «орихалк». Это сплав, подобный бронзе. Таким образом, устройство города похоже, но вместо стен в Атлантиде использовались для защиты столицы земляные валы.

— Но римлян научили градостроительству этруски.

— В центре этрусского города рылась яма, куда складывались дары урожая. Заметьте — это похоже на Мадленский алтарь! Иными словами, налицо влияние атлантов или их предков. У Платона каждое слово — правда.

— Значит, правда и то, что атланты хотели завоевать мир и превратить людей в рабов?

— Но это высшая цивилизация! У них не было рабства.

— Наивно. Платон пишет о рабстве. Главное же в том, что атланты не были высшей цивилизацией.

— Как так?

— Да так. Кто с ними воевал? Кто разбил заокеанское воинство?

— Греки. Точнее, их предки.

— Не совсем так. За две тысячи лет до Парфенона на той же скале возвышался Пеласгикон, крепость праславян-пеласгов. А до них... до них были тысячелетия хеттов и праславян-русов. Они и разбили войско атлантов. От тех и от других море ничего не оставило, к несчастью.

— Ну что ж, военное счастье изменило атлантам.

— Нет. Оно не изменяло им. Просто они встретили силу, равную им. Или превосходящую их, прежде всего духом. Когда-нибудь отыщут города, построенные ранее Чатал-Гююка. Ведь селения и города седьмого тысячелетия до нашей эры — остатки цивилизации, равной Атлантиде. Они случайно возродились после потопа. Главные города народа, одолевшего атлантов, надо искать на дне морском. Но камни фундаментов разметаны волнами, а кирпич-сырец, из которого ставили стены и колонны, давно стал глиной, в которой обитают моллюски.

— Ну, вы, кажется, далеко зашли. Найти цивилизацию, равную Атлантиде... Атланты — непревзойденные мастера. Они знали орихалк, золото, медь, строили каналы, термы, суда. Их водолечебницы на гейзерах были лучше, чем сейчас на Азорах. От них все это и многое другое переняли потом на нашем материке. Так же, как атланты, мы лечимся змеиным и пчелиным ядом, например.

— О нет! До них познали люди тайну витых колонн,

хлебопашества, черных зеркал из вулканического стекла, хрупкой и мягкой бронзы, секреты разных деревьев. Этруски знали о биополе растений и использовали его для излечения болезней. Вспомните лакомства из черной муки, терракотовые ванны, тронные и пиршественные залы, об убранстве которых мы можем лишь догадываться, наконец, вспомните крылья пеласга Икара. Вспомните жгучий, яростный зной, который опалил его глазницы. Во имя чего взлетел он? Уж не во имя ли атлантических богов? Нет! Звезды были богами этрусков. В их честь он поднялся вверх, к небосводу. На шее его была раковина на белой шерстяной нитке — дар людей лучезарному солнцу, богу богов. Икар — имя пеласгийское, с тех пор много воды утекло и глухие звуки стали звучать звонко, а «о» стало самой распространенной буквой алфавита.

— Как вы Атлантиду... право. Это земля богов!

Мне не хотелось спорить.

Над нашей заводью полыхнул закат, и пламя его угасло. Над изломанной линией сосновых вершин встало зеленоватое зарево, и в его прощальном прозрачном свете прорастали яркие звезды. Медленно темнело. Ясный теплый вечер, когда от нагретых солнцем стволов исходит тепло. Вокруг ни души. Черная гладь заводи, всплеск, шуршание тростника. Затаенно-тревожный крик ночной птицы, призрачно-неуловимый шелест кожанов, белый летучий огонь падучих звезд.

— Что это у вас за булавка из кармана торчит? — Копенкин включил фонарь, свет ослепил меня на мгновение, и он успел каким-то чудом разглядеть иглу, которую я всегда носил с собой, приклеив к ней пластиковый шарик и закалывая ею боковой карман пиджака или куртки.

— Так... иголка, на всякий случай, — ответил я, поднимаясь на борт легкого верткого суденышка, которое покачивалось на волне, поджидая своего хозяина и его гостя.

— Талисман? — продолжал допрашивать Копенкин.

— Да, почти.

— Тут ко мне из Москвы один приезжал... — заговорил негромко Копенкин, поднявшись из крохотной каюты с блестящей в луче канистрой. — Расспрашивал об атлантах, этрусках, а сам знает не меньше моего, пожалуй. Что это — мода такая? Или все, как вы, диссертации на эту тему пишут?

— Не знаю. А как выглядел этот человек?

— Высокий. Шатен. Похож на охотника из Кро-Маньона.

— Похож на кроманьонца? — тихо воскликнул я.

— Или на атланта. Что вас удивляет? Мы все потомки кроманьонцев.

— Но охотник из Кро-Маньона только один... старик с высоким лбом.

— Этот довольно молод. Но похож, — подтвердил Копенкин. — Как странно, что встречаешь вдруг человека, как будто ожившего через пятнадцать тысяч лет после своей смерти. Вы мне тоже кого-то напомнили.

— Этруска на фреске, — сказал я.

— Пожалуй, я ведь интересуюсь древними культурами Средиземноморья... и этрусками тоже.

— Ну да, ведь они унаследовали многое от атлантов. Так выходит, по-вашему.

— Ладно, ладно. Тот кроманьонец не такой задиристый. Разговорились с ним, что говорится, по душам.

— Общность взглядов!

ОХОТНИК ИЗ КРО-МАНЬОНА

Последней электричкой я возвратился в Москву и от Савеловского вокзала шел пешком до Масловки, потом нырнул в ночное такси. Долго не мог уснуть, что-то тревожило меня дома, я сел в кресло, стал искать пятно света, которое ползло по стене несколько дней назад. Его не было. И тогда я понял, что видел нечто

подобное на катере Копенкина. Металл канистры засиял как бы сам собой, а потом по дощатому настилу палубы, по каюте пробежал зайчик, который я видел много раз. Так или нет?..

На третий день после моей поездки в Дубну я увидел его на троллейбусной остановке. Он вдруг появился под моими ногами, я замер, и когда подошел троллейбус, я не вспрыгнул на подножку. Что-то остановило меня. Я наблюдал за светлым пятном на асфальте. Оно дрогнуло, двинулось вдоль проезжей части, сначала медленно, потом быстрее... еще быстрее. Остановилось, словно поджидая меня. Я пошел за этим призрачным лучом (хотя, конечно, никакого луча не было — просто светился асфальт, камешки, палочки от эскимо).

Так мы добрались до перекрестка. Я и пятно. Вместе прыгнули через мелкую лужу, оставленную утренним дождем (этот дождь разбудил меня — проснулся я раньше обычного). Оказались у самого светофора, переждали поток машин. Солнечный зайчик приспособился к моему неровному шагу, замирал, дожидаясь меня, когда я отставал от него; он указывал мне путь, как нить одной добросердечной женщины указывала путь герою в лабиринте. Только вот лабиринта не было, вместо него было шоссе в час «пик» и улица, его пересекавшая. Когда светофор зажег зеленый глаз, в голове моей сложились стихи о лабиринте невидимом. Я подумал, что строки о жабрах и клыках, cedящих воду, быть может, тоже сочинил я, а во время полета над морем в памятный для меня день кто-то прочел их вслух — и только.

Я перешел улицу с этой мыслью, светлое пятно остановилось, я тоже. Вот оно ни с того ни с сего отпрянуло назад. Я обернулся, провожая его взглядом, и тут же тепло ударило в виски, вслед за кремовым «Жигуленком» я метнулся так стремительно, как умею это делать. И успел рассмотреть рядом с водителем Валерию Чирову, волну знакомых волос, закрывших воротник ко-

жаной куртки, накинутой поверх вишневого батника. По странной, молчаливой указке моего спутника и гйда, светового пятна, я разглядел и владельца машины. Это был аспирант Борис собственной персоной.

Больше всего удивило меня сходство его с кроманьонцем-охотником. Раньше это не бросалось в глаза... Высокий лоб, грива каштановых волос, пристальный взгляд первобытного следопыта, случайно оказавшегося за рулем современного автомобиля, резкий профиль, выдающийся вперед подбородок. Готов допустить, что это подсказка. Ведь световой зайчик прыгнул в кабину, пробежал по плечу Бориса, по его лицу. Борис прикрыл глаза, так ярко был свет. А я отстал от его машины, вернулся к перекрестку. Путеводный луч пропал.

Может быть, Копенкин прав насчет атланта или кроманьонца? Борис атлант? Вопрос теперь не казался нелепым.

* * *

Валерия, как большой ребенок, изучала людей, присматривалась к ним. Отчасти они были для нее просто игрушками. Так я размышлял, когда в один прекрасный осенний день сел на электричку и поехал в Малиновку, на дачу профессора. Когда поезд тронулся от Нахабина, погода испортилась, пошел дождь, оставлявший на окнах поезда струйки холодной воды. Все смешалось за окном в пляшущую мутно-белую массу, день был слеп; у меня болела голова, чувствовал я себя скверно... Вагон качало, стучали колеса на стыках рельсов, от всего этого не было спасения, но, главное, не было спасения от собственных мыслей, которые съедали настроение, как ржавчина съедает металл. Прошло еще десять минут, я поднялся, вышел из вагона. Спустился с платформы, перешел железнодорожное полотно, направился к дачному поселку. Дождь усиливал ощущение чего-то липкого, прохладного, окутавшего ме-

ня. Это материализовались предчувствия, сострил я. Ноги мои стали мокрыми, пока я шел по грунтовой дороге.

И вот я у дома Чирова. У изгороди — машина, кремовый «Жигуленок». Вот оно что... Осторожно вхожу в дом, направляюсь к двери большой комнаты, которая служит Чирову кабинетом.

Дверь приоткрыта. Я остановился подле. Бревенчатая стена с офортами, деревянный письменный стол, за которым мне доводилось работать этой осенью, на столе — бокал зеленого стекла, гранат с вырезанной четвертушкой, лимон на блюде, нож. На столе же, рядом с блюдечком, — ступня в черном, маленькая по сравнению с голенью в алой гетре. Вторая нога Валерии тоже на столе. Ноги едва заметно двигались по дереву, видимо, Валерия покачивалась в кресле.

В следующий момент я увидел ее выходящей на кухню. Инстинктивно прижался к вешалке с верхней одеждой, нырнул под занавеску. Валерия проплыла мимо, не заметив меня. Была она похожа на огромный фарфоровый кувшин, на ней были знакомые мне туфли на платформе, светлая косынка, стягивавшая грудь и плечи, светлые брюки до колен. На кухне едва слышно щелкнула ручка газовой плиты. Валерия опять проплыла мимо меня, держа в руке медную кофеварку. Если бы она увидела меня — все было бы проще.

Дверь за собой она захлопнула, но я все же услышал мужской голос:

— Женщина на фото очень мила. Если бы ее и тебя видели сейчас... то все в один голос сказали бы все же, что твой писатель потерял намного больше, чем приобрел.

Я вспыхнул. Это было обо мне. И о Жене.

— Перестань, — сказала она.

Многое прояснилось: он сфотографировал меня тогда на юге с Женей и сейчас ловко предъявил это фото как доказательство моего легкомыслия.

А дома, словно в утешение мне, под этрусской фреской как будто белый лист приклеился к стене. Световой зайчик дрогнул. Быстро перебежал он по стене к моему столу, за которым я сидел, подперев голову руками. Свет приобрел лимонно-зеленый оттенок.

Что-то изменилось вокруг меня. Ожил письменный стол, едва слышно зашуршали бумаги, точно дыхание ветра пришло в комнату, и я, оторвавшись от работы, наблюдал.

В зеленоватом квадрате, как в кадре, стали проявляться контуры изображения. Я понимал, что происходит, но не мог сбросить оцепенения. Это было похоже на гипноз, на внушение, но действовало это так, как будто я сам вдруг перенесся вслед за зеленым глазом, манившим в морскую даль. Вот я рассмотрел жемчужно-серебристый шар, всплывший над иссиня-серыми волнами. Минута — и он у галечной гряды, где пенится вода. Запах йода от гниющих водорослей проник в мою комнату, и вдруг стал слышен шорох струй, омывавших камни и пряди горькой морской травы. Я сам был там, у самого уреза воды, со мной рядом шла незнакомка из камеры хранения, я видел каблук ее туфель, расписанные золотыми волнистыми линиями.

Так мы шли с ней бок о бок и разговаривали. Магический глаз с непостижимой точностью восстанавливал то, что я забыл. С обворожительной грацией она перешагивала через мокрые валуны, загородившие нам дорогу. Над нами шумели сосны, цеплявшиеся седыми корнями за откос. Потом промелькнула знакомая электричка. Ее гудок заставил меня вздрогнуть — такова была сила иллюзии.

Снова берег. Но теперь я вижу Велию. Правда, я звал ее другим именем — Женя. Рука ее покоится на моем плече. Море волнуется у наших ног, мы садимся

на вылизанный водой и высушенный солнцем ствол упавшего дерева. Рядом зазвучал ее голос.

Увидел я и сцену прощания. Женя уходила от меня, и далеко-далеко, за белыми гребешками волн, покачивался белый, почти невидимый шар. Он был дымчато-прозрачен, скрыт от посторонних глаз низким облачком дыма, как бы случайно севшим на воду. Женя шла к нему, последние метры — по воде. Море держало ее. Вокруг было пусто, стояла такая тишина, что я слышал, как хлопала крыльями бабочка. Она осторожно ступала по гребешкам волн, точно это было застывшее стекло. Ей навстречу распахнулась матовая дверца шара.

ОРУЖИЕ ДЖИНСА. АТЛАНТЫ ПРОТИВ ЭТРУСКОВ

Рано утром звонок у входной двери разбудил меня. Вышел, открыл дверь — никого! И тут же у ног увидел конверт.

Я положил конверт на стол, поставил кофе, несколько раз рука моя как бы сама собой тянулась к белому прямоугольнику письма, но я медлил. Обратного адреса на нем не значилось, и я пытался угадать, от кого весточка. От сестры! Я вскрыл конверт и не удивился — письмо действительно было от сестры. Вот оно:

«Не могу поступить иначе. Несколько минут, проведенных вместе, теперь так же отчетливо видны, как пестрые камни на дне горного ручья. К человеку вдруг приходит убеждение, что никто не в силах его заменить. Так случилось и со мной. Скоро мы увидимся. Нужно о многом поговорить. Все, что происходит вокруг тебя, требует осторожности. Как жаль, что я так мало знала об этом раньше!»

В том, что она готова была к тому, что письмо ее будет перехвачено, сомневаться не приходилось. Иначе я обнаружил бы его в почтовом ящике.

Волшебный вечер! Как нужен человеку дом, комната с любимыми гравюрами и фресками, хорошим радио-

приемником, настольной лампой, в свете которой видны серебряные пузырьки в стакане с лимонадом. За окном шуршат желтые листья на черных ветвях...

Больше трех лет прошло! Сестра моя сидела напротив в старом кожаном кресле; чуть ниже плеча ее белел цветок мальвы.

— Ты? Это ты! — воскликнул я.

— Я. Три года назад я не могла представить, что буду твоей гостьей. — Она едва заметно кивнула, улыбаясь при слове «гостья», окинула взглядом фрески.

— Спасибо, что пришла, сестра. Много раз я наблюдал легкое и тонкое, как лист, солнечное пятно. Оно появлялось на улице, на асфальте; его контуры я различал дома на стене. И только недавно, совсем недавно я понял, что это тоже ты... что это — весть от тебя.

— От нас! — воскликнула она.

— Светлый квадрат — окошко, и выходит оно и на вашу и на нашу сторону, разве не так?

— Ты прав. Мы не могли тебя оставить наедине с ними...

— С ними?.. Вы знаете об их существовании?

— Теперь — да. Они хотели лишить тебя памяти.

— Я не забыл об этом. Они охотились на меня в ущелье. Вы знаете об этом, не так ли?

— Если говорить честно, я и теперь сомневаюсь в том, что обвал в ущелье устроили они.

— Когда-нибудь я докажу, что это так.

— Ты еще мало знаешь о них, брат...

— Это атланты.

— Да, это атланты, — тихо, как эхо, откликнулась она и вдруг словно спохватилась: — Но разве кто-нибудь из наших тебе об этом говорил?

— Нет. А если бы мне об этом сказали, я не поверил бы. Раньше, по крайней мере, я считал бы это выдумкой.

— Мы тогда в этом не были уверены. Впервые мы

столкнулись на Земле с посторонней силой. Но было бы безумием объявить об этом во всеуслышание. Если ты пришел к мысли об этом самостоятельно, то потому только, что ты один из нас.

— Нет, сестра. Я прежде всего человек, рожденный здесь. И я не беззащитен.

— Прости, брат. Я не хотела тебя обидеть. Мы ведь тоже рождены здесь, и мы сами рассказали тебе об этом, когда вручили этрусские таблички, одну из наших реликвий. Верь, мы не были их врагами. Простая случайность столкнула нас здесь, у вас...

— Они ищут здесь то же, что и вы. Это их родина.

— Нет. Они хотят гораздо большего. Недавно мы узнали, что они используют контакты в своих целях.

Сестра умолкла. Губы ее сжались, как будто она решилась на что-то весьма важное для себя и для меня. Я притронулся к ее руке, сказал:

— Знаю. Не убеждай меня. В личине людей они мешают нам, сеют вражду и недоверие. Я подозревал Велию... стыдно признаваться в этом...

— Светящийся корабль опустился в Атлантиде за день до ее гибели. Он перенес клетки живших там на пустынную, но теплую планету. И она стала Новой Атлантидой.

— А ваша планета — Новой Этрурией?

— Да. Были заселены две планеты, удаленные друг от друга. И посланцы их встретились здесь, на Земле.

— Встреча была неожиданной?

— По правде сказать — да! У них все по-другому. В этой второй Атлантиде все еще ставят под златоверхими крышами храмов бронзоволиких идолов, олицетворяющих силу и власть.

— В Новой Этрурии все по-другому?

— Конечно.

— Незаметно, подспудно они изучают ваши и наши слабости, проникают всюду, куда только дотягиваются

их руки, — и тогда в цепи обыденных событий появляется звено, которое подготовили они, атланты, и которое означает удар в спину, провал, предательство. И все это делается нашими же руками.

— Знаю, брат. Они маги и кудесники. Даже тогда, в незапамятные времена, атланты успели провозгласить себя богами и царями. И на новой планете они начали много раньше нас. Теперь мы сравнялись, и они это знают.

— Когда-то этруски встретили их у ворот своих городов. Наверное, твоя незримая помощь дала мне возможность разобраться и в этом.

— Ты проницателен... Сто девять их кораблей пристали к нашим берегам. Битва произошла в Сангарской долине. Против трех тысяч атлантов вышли две тысячи этруских бойцов, которым досталась победа. В те времена прародина этрусков была так же сильна, как и Атлантида. После битвы произошла катастрофа: астероид врезался в Атлантический океан, пробил относительно тонкую океаническую кору, вызвал извержения, наводнения, гибель островов, многолетний мрак над Землей из-за выброшенного пепла, пыли, водяного пара, поднявшегося в атмосферу. Много позже возникли новые города.

Я подумал и сказал:

— Ты сможешь показать мне битву, которая произошла десять тысяч лет назад?

— Да. — Сестра проворным, почти незаметным движением прикоснулась пальцами правой руки к левой, и на тонком запястье ее серебром блеснул квадратный циферблат и зажегся яркий зеленый огонь.

Я увидел, как искрился огромный зеленый камень, семигранный, ослепительно яркий. Это был гранат. Она сказала:

— Смотри!

И в следующую минуту как будто желто-зеленый

лист разгладили на стене комнаты прямо передо мной.

Квадраг на стене стал ярче. По нему побежали размытые зеленые полосы, и когда они растаяли, я широко раскрытыми глазами поймал отблески света на перекатах необыкновенной реки, делившей пополам голубую долину. Над ней алело теплое солнце. В трепетающих от движения птиц ветвях раздалась трель, звучавшая как песня. Сверкали птичьи крылья, и в желтом клюве одной из птиц я рассмотрел соломинку, предназначенную для гнезда. По стволу дерева, похожего на черный вяз, лез вверх леопард, грациозный пятнистый зверь с янтарными глазами.

В долине появились люди. Я увидел в их руках копья, луки, коричневые змеи пращей, в левой руке у каждого был щит. Присмотревшись, я догадался, что щиты были из козьих шкур, натянутых на деревянные рамы. Тревожно звучал деревянный рожок. Навстречу живой волне воинов двигалась другая — они сошлись, и боевые крики смешались со стонами раненых, а сухой треск ломавшихся копий усиливался эхом. Меня точно приподняло над полем брани, я парил над ним, удерживаемый непонятной силой. Искривленные прямоугольники ратей с высоты птичьего полета казались малоподвижными, почти застывшими на месте. Наконец голубая дымка затянула вид на поле боя, на долину. На полминуты я оказался среди рослых, золотоволосых бойцов, слышал боевые возгласы. В моих руках были алый щит и меч. Нас вела Афина Паллада. Потом видение исчезло.

— Это все, что мы знаем, — откликнулась сестра на мой невысказанный вопрос. — Теперь атланты ищут здесь следы былого... как мы. Шестерку золотых коней, украшавших главный храм Атлантиды, камни, покрытые орихалком, серебряные перья, украшавшие короны их царей... Они берут это с морского дна... насовсем, понимаешь? Они не признают дубликатов. Попутно они похищают памятники культуры других народов и стран.

— Как? Они лишают Землю ее истории? Ее памятников?

— Да. И мы должны оказать им сопротивление.

— Это же чудовищно — красть у людей их прошлое! Если мы не найдем следы Атлантиды здесь, на Земле, то отправимся туда, к планете атлантов, и тогда... ты даже не представляешь, что тогда произойдет!

— Не надо об этом. Мы тоже не безоружны.

— Но пока они похитили таблички у Чирова! И сделал это, по всей видимости, аспирант, похожий на охотника из Кро-Маньона. К тому же он подделал отпечатки пальцев.

— Я это знаю.

Сестра с улыбкой наблюдала за мной, она провела рукой по моему плечу, и я как-то остыл. Снова слушал ее и верил ей.

— Камера хранения, конечно, построена до нас. Мы лишь установили там репликатор, дублировавший, как бы это сказать... предметы быта. Камера хранения как объект была утеряна для нас. Незнакомка, которую ты видел, оказалась не на высоте. Я говорю не о кофточке и не о чемодане. Правое могло стать левым. Но, во-первых, иногда выход репликатора по ошибке соединялся с окошком — и тогда отдыхающие получали вместо вещей копии, дубликаты, а подлинные предметы быта отправлялись к нам. Это совершенно недопустимо. Во-вторых, едва успев узнать в тебе потомка этрусков — об этом не могли не быть оповещены наши люди, — она поставила себя и тебя под удар. После той ночи и того памятного дня, когда вы бродили с ней по океану на светящемся шаре, участь твоя была бы решена... Атланты не хотели, боялись наших контактов с тобой. Да, контакты запрещены. Это было бы безумием — апеллировать к людям. Но ты... не было, поверь, и нет ни у одного межпланетного совета или координационного центра ответа на вопрос, касавшийся тебя лично.

Ты прямой потомок этрусков, никто не смел лишать тебя права узнать правду.

Незнакомка из камеры действовала на свой страх и риск, она воспользовалась замешательством, которое ты внес самим своим присутствием вблизи наших объектов. Но ты нарушал равновесие сил, с точки зрения атлантов. Ты мог по своей воле обратиться к своим друзьям, к людям, и тогда миссия атлантов получила бы огласку. Это уже поражение. Мгновенно оценив обстановку, незнакомка спохватилась. Она пыталась защитить тебя. Было несколько случаев, когда беззвучное, практически невидимое оружие атлантов было применено на этом участке побережья. Мы не были уверены только в том, что это именно они. Несколько наших пострадало. Полная потеря памяти... Тогда мы думали, что это всего-навсего ответ на наши контакты с тобой, хотя и случайные. Можно было даже предположить, что это вмешивался межпланетный контроль, оставивший на Земле микрокиборгов для этой цели. Началась новая полоса, когда каждый твой шаг мог стать последним. Это странная борьба... Ты можешь безопасно пройти по гребню скалы и вдруг исчезнуть в море во время купания, в штиль. Таковы законы этой борьбы, которая при всех условиях — исключений нет — должна остаться незаметной со стороны. Мы называем ее войной нервов. Но за ней стоит необычная техника. В подземельях Венеры спрятаны генераторы излучений, дают же они в конце концов безобидный с виду эффект — искажают цепочку причинно-следственных связей и событий на Земле. Следствия перестают соответствовать причинам, поле событий размывается, появляются так называемые тени. Это тени событий. Ты можешь случайно угодить в такую тень — и исчезнуть. Даже атланты не знают наверняка, что случится завтра. Они не могут, как ни странно, предвидеть достоверный результат применения этого оружия. В противном случае налицо было бы нарушение законов природы. Но искривление пространства

не фикция. Невидимые, неосязаемые воздействия подменяют событие искусственным набором, который состоит из самого события и двух-трех теней. Допустим, ты должен перейти вброд речку Кудепста. Ты любишь купаться после моря в пресной воде. Речка неглубокая, кое-где по колено или чуть глубже, и течение не может сбить тебя с ног. Тогда образ этой южной речки в живописной долине записывается в матрицу, соединенную с генераторами высокой энергии. В ту минуту, когда ты идешь по колено в воде, сразу два камня выскальзывают из-под твоих ног. А впереди — метровая глыба, подстерегающая тебя. Вскрик — и с тобой покончено. Но если ты чудом избежал беды на этот раз, в верховьях речки сгущается стремительно черная туча, и внезапный неотвратимый вал воды и песка накрывает тебя, а газеты потом пишут о небывалом селевом потоке.

Она умолкла, пальцы ее застыли на желтом стекле бокала с лимонадом. А может быть, она слушала пленительнейший из романсов — «Бахчисарайский фонтан» Власова.

— Я хотел спросить... об оружии.

— Тебя интересует оружие атлантов?

— Вот именно. Что это такое?

— Ты слышал о чуде Джинса?

— Не помню... кажется, да.

— Если вода в чайнике, который поставлен на огонь, замерзнет, вместо того чтобы закипеть, тогда и произойдет это самое чудо Джинса. Молекулы воды отдадут свою энергию огню, не наоборот. Или камень зависнет в воздухе и будет висеть так, потом упадет, увлекая лавину. Это может произойти само собой, но вероятность так мала, что нужно ждать конца света. Образно говоря.

— Они умеют это делать?

— Да.

— И вы... знаете, как это можно объяснить?

— Не только. — Улыбка засветилась в ее глазах и угасла, но остался — на одно лишь мгновение — след этой неуловимой улыбки, потом глаза стали серьезными, строгими. — Мы умеем это делать. Нужна энергия, воздействие на атомы вещества на расстоянии. Без этого мы не смогли бы летать в наших кораблях. Около-световые скорости сами по себе не страшны человеку, страшны ускорения. Даже в скоростном самолете пилот может потерять сознание. Почему? Да потому, что ускорение вдавливает его в спинку кресла, расплющивает его тело. Ускоряется самолет, затем кресло, затем — человек. Эта цепочка может вызвать гибель экипажа. Вот если бы все клетки и атомы человеческого тела ускорялись одновременно с самолетом или ракетой!.. Если бы ускорение действовало на все тело равномерно, и одновременно — на каждую клетку и молекулу внутри клетки! Тогда любые ускорения неопасны. И достижима любая скорость. Но это как раз чудо Джинса! Оно работает в наших кораблях. Оно помогает нам в полетах.

— Только в полетах?

— Видишь ли, теперь мы вынуждены использовать наши источники энергии и для того, чтобы сводить на нет действия атлантов... может быть, следует выразить ее точнее, но ты понимаешь, о чем идет речь?

— Догадываюсь.

— Атланты знали, что незнакомка из камеры хранения сделала ошибку, посвятив тебя, причастив к нашему знанию. Ошибка неповторима... Оставалось разрядить твою память, освободить ее от воспоминаний о летающем шаре, о ней, о нас. Тогда мы не решились бы подставить тебя под удар и не рассказали бы тебе снова все, что ты слышал и знаешь. На это они рассчитывали. Хорошо это или плохо обернется для тебя, пока неизвестно. Но мы сделаем все, чтобы постоянно знать о тебе, слышать тебя и видеть. Ты волен сам решать: так или иначе...

— Так. Только так. Почему вы подарили... таблички с этрусскими письменами? Проще было бы рассказать мне это.

— Да. Проще. Только тебе лучше дойти до всего самому, ты же знаешь.

— Допустим...

— Убедить тебя в том, что Велия сказала правду, было бы гораздо сложнее. Особенно после происшествия в ущелье. Ты готов был тогда заподозрить и ее.

— Инцидент давно исчерпан. Любопытная деталь... Я вот о чем. Пять или шесть тысяч лет назад у этрусков или их предков не было алфавита. Они переняли его от греков. По крайней мере, так считают ученые.

— Это ошибочное мнение. Алфавит создан в Малой Азии и оттуда пришел в Европу. Сначала было слоговое письмо, его можно найти на фетском диске. Затем был алфавит этрусков и финикийцев-пеласгов, его переняли греки.

— И все же на табличках было позднее этрусское письмо, бессмысленно убеждать меня в противном. Проблемами слогового письма занимался Чиров, он знает в этом толк.

— Ну что из этого... таблички-сувенир. Все.

— Сувенир для меня, так?

— Не только, если уж говорить искренне. Нам нужно было узнать, кого он заинтересует.

— Вокруг меня происходят события, о которых я не имею ни малейшего представления...

— Это не так.

— Но я действительно ничего не знаю о них. Что, кроме ваших благих намерений, можно противопоставить культуртрегерам наоборот?

— А случайные встречи, вообще всякого рода случайности?.. Разве это так уж мало?

— Вы... действуете. И я ничего об этом не знаю. И не в моих силах отличить простые случайности от других...

— Но ты живешь в век кибернетики, брат мой. Как же ты не знаешь простой вещи: слаб человеческий ум и не способен охватить всего, особенно когда речь идет о судьбе цивилизации. Ноша всезнания не по силам одному человеку. Когда ты читаешь в газете о похищении панно с изображением богини Леды из кипрского музея — разве ты не в силах связать это с тем, что ты узнал об атлантах? Когда у острова Маврикий разыгрываются подводные баталии аквалангистов из-за сокровищ на затонувших судах, ты ведь знаешь, кто на этом греет руки?

— Да... Расскажи о тех, древних, кораблях.

— Галактика просторна. Вовсе не надо покидать ее для того, чтобы найти места, пригодные для жизни. Им несть числа.

— Кто же, сестра, создал корабли?

— Ответ напоминает шутливую сказку без конца. Ведь возраст Галактики более десяти миллиардов лет. А Солнце и планеты вдвое моложе. Значит, есть два поколения звезд — старшее и младшее. Все мы — обитатели младшего поколения. Думаю, это не требует пояснений.

— Знаю, — сказал я. — Но где они, эти представители старшего поколения?

— Их нет. — Сестра нахмурилась. — Но это вовсе не означает, что они не существуют.

— То есть?

— Если нужны пояснения, я готова их дать. — Ее глаза сузились, стали почти непроницаемы. — Мы не обнаружили присутствия в Галактике людей старшего поколения. Но мы уверены, что оно было и есть. Почему? Да потому что автоматические корабли приземлились тогда в Атлантиде и чуть позже — на родине этрусков.

— Ты не ответила, — мягко сказал я и прикоснулся к ее руке. — Где сейчас старшее поколение?

Взгляд ее был теплым, глубоким, но в нем была и

тревога, которую от меня скрыть не удалось. Не удалось... Что за старшее поколение? Не выдумка ли это?

— Мы думаем, что они удалились, оставили Галактику, — наконец сказала она.

— Подарили нам звезды, оставили спасательные корабли, так?

— Но ведь и нам когда-нибудь откроются возможности... целые миры звездных островов будут ждать нас. И мы поможем другим.

Что я мог возразить? Космос действительно бесконечен, только человек в это никогда по-настоящему не верил.

— Найдется апельсин? — Сестра уже держалась за дверную ручку, и вопрос застал меня врасплох.

Я пошел на кухню, открыл холодильник, выдвинул ящик для фруктов. На дне его я обнаружил один-единственный апельсин и был этим обескуражен. Я с виноватой улыбкой протянул его сестре: апельсин был невзрачный, зеленый, с жухлой кожицей. Она молча взяла его и пока спускалась по лестнице, кажется, пыталась его очистить. Я поддерживал ее под руку, рванулся было за ножом.

— Нет, нет! — воскликнула она. — Не надо!

Мы вышли из подъезда. Тень метнулась в сторону от нас, постукивая палкой об асфальт. Я присмотрелся. Впереди быстро, споро ковылял хромым, и луна освещала его сугорбую сильную фигуру.

— Все, — тихо сказала сестра. — Ты возвращаешься домой. Скоро ты поедешь во Владивосток.

— Во Владивосток? — переспросил я. — Наверное, в город детства?

— Нет, во Владивосток. Иди, иди!

Я сделал вид, что послушался ее. Вошел в подъезд. Но видел улицу. Только она миновала угол дома, хромым выпрямился, отбросил палку и быстро двинул за ней следом. Я выскочил из подъезда. Но в следующий миг этот рослый, сильный мужчина беззвучно растянул-

ся на тротуаре. Из-под ног его выскользнула апельсиновая кожура. Чертыхаясь, он поднялся, к нему подскочили еще двое. Сестры и след простыл. Я вернулся домой, невольно подумал, что это и есть оружие Джинса в действии. Может быть, нужна была энергия целой планеты — в нашем представлении, — чтобы горбач смог так удачно выследить сестру и начать погоню. Но энергия другой планеты, овеществленная лишь в предвидении и той точности, с какой апельсиновая корка попала ему под ноги, воспрепятствовала успеху этой погони.

Часть третья. МОЛОТ ГНЕВА

ВО ВЛАДИВОСТОК, КАК СКАЗАНО

Встреча с сестрой приснилась. Так мне казалось... Вечером следующего дня позвонил Валерии. Долго не отвечали, наконец услышал ее голос.

— Нужно поговорить.

— Говори.

— Валерия, я не могу сказать всего по телефону.

— Но я рано утром уезжаю.

— Куда?

— В Прибалтику.

— Надолго?

— Да. На месяц.

— А как же дипломный проект?

— Он почти готов.

— Я хотел предупредить тебя... рассказать.

— Не надо. Не маленькая. — Она бросила трубку.

Пожалуй, это она могла предупредить меня и многое рассказать мне, со злостью подумал я, вышел на улицу, быстрым шагом направился к парку, блуждал в темноте по влажным скользким тропинкам, пока не устал от ходьбы.

Неделю я просидел в библиотеке и среди книг запасника нашел, между прочим, репродукции бронзовых этрусских зеркал. Фигура человека на двух из них, процарапанная резцом, навела на мысль о том, что рисунки могли перерисовываться — кочевать с одного зеркала на другое. Стал читать надписи — и они тоже были одинаковы на некоторых зеркалах. Одинаковыми, да не совсем: одно и то же слово могло читаться слева направо и справа налево, сверху вниз и снизу вверх. И тогда я понял — этрусские мастера пользовались иногда го-

товым зеркалом как эталоном. Они помещали его вертикально, а рядом, под ним, клали на стол заготовку будущего зеркала и обводили буквы и линии отражения. Так появлялись зеркально отраженные надписи и фигуры сюжетов, такова разгадка секрета этрусских зеркал.

Из окна я видел залитые светом стены домов, к вечеру ездил купаться в Покровское-Стрешнево.

На восьмой день последовало удивительное предложение. Около девяти утра, когда я собрался ехать в библиотеку, позвонил знакомый журналист и сказал, что общество книголюбов может послать меня в командировку во Владивосток.

— Когда выезжать? — спросил я.

— Два дня на сборы. Договорились?

— Согласен. Летим вместе?

— Нет. Не могу. Ты летишь вместо меня. Жду. И он повесил трубку.

Через час мы сидели в его кабинете. Я получил командировочное удостоверение и подумал: «Во Владивосток, как сказано...» Кто откажется от поездки к сорок третьему градусу широты, на море, когда вот-вот стрелка барометра дрогнет раз-другой и поползет к отметке «осадки», а календарь напомнит о том, что бабье лето давно кончилось? Во Владивостоке же в сентябре по-летнему тепло.

Едва забрезжил рассвет, я пешком добрался до аэровокзала, сел в такси, и через полчаса последние многоэтажные дома остались позади, и лента шоссе то взбегала на пологие холмы, то опускала машину в широкие лощины. Добрались до Домодедова... Полет над Уралом, Сибирью, над протоками Амура, омывающими просторы тайги. Поворот на юг — внизу дальневосточные сопки, голубовато-серые в лунном свете. Три часа ночи. Приземляемся. Необыкновенно прохладно для сентября: двенадцать градусов. Таксист-дальневосточник гонит машину по полуострову Муравьева-Амурско-

го так, что скрипят тормоза на поворотах. Спрашивает, куда везти. Я не знаю. За два дня до отъезда я дал телеграмму в городское общество книголюбов. Какую же гостиницу они заказали для меня? Едем наугад в гостиницу «Владивосток». Долго стою у стеклянной двери: ночь, не пускают. Наконец проникаю в холл. Угадал. Номер заказан именно здесь. Пятиминутный душ, потом одеваюсь, хочу прогуляться по ночному городу. Дежурная по этажу против моей затеи. Едва не вспыл. Вспомнил сестру, ее слова — успокоился, вернулся в номер.

В полдень просыпаюсь, умываюсь, хочу познакомиться с дежурной, хотя бы взглянуть на нее: в ночном разговоре мне почудились знакомые нотки инопланетного вмешательства, ненавязчивого, почти незаметного.

Ее нет. Она сменилась утром. Вместо нее — восемнадцатилетняя Олечка. Спрашиваю, как зовут ночную дежурную. Не знает, начинает прикидывать, кто был на этаже до нее. Я улыбаюсь, Олечка тоже.

— Плохая память, — говорит она. — Не помню, Валентина Ильинична или, может быть, Нина...

Я красочно описываю портрет женщины, предупредившей меня о небезопасности ночной вылазки в одиночку. Олечка кивает головой и называет еще два имени. К этому нечего добавить. Спускаюсь на лифте в нижний холл. В кафе беру кальмары с майонезом, кофе, булку. За соседним столиком говорят о ночном происшествии. Грузовик сбил человека, мужчину средних лет в темно-сером костюме, свитере — и далее следует описание моей внешности. Искоса наблюдаю за рассказчиком. Он меня не замечает и не подозревает, как важно для меня это печальное известие. Необходима осторожность. Но я знаю: меня вовремя успевают предупредить, нужно лишь не пропустить это предупреждение мимо ушей. Думаю о пострадавшем. Нужно бы навестить его, съездить в клинику. Или, возможно, этого делать как раз не надо. Нерешительно встаю из-за

столика, сбегая вниз по лестнице, перехожу улицу. С кручи ведут к берегу двести ступенек. Спускаюсь к пляжу водной станции флота. Еще чувствуется прохладное дыхание ветра, но солнце греет так, что вмиг становится жарко. Вокруг деревянные лежаки на колесиках — особенность местного пляжа. Они расставлены на асфальте правильными рядами. Есть свободные: не все командированные в город пожаловали сегодня на пляж, кое-кого, естественно, задержали дела.

Снова поднимаюсь к гостинице, захожу в номер, переодеваюсь, в одной рубашке с сумкой через плечо появляюсь на пляже. Три свободных лежака. Греюсь на среднем. Справа и слева кто-то занимает лежаки. В голове — теплое молоко, я еще лечу над сибирскими просторами, никак не удается справиться с разницей во времени. И только когда я в третий раз проделал мысленно мое воздушное путешествие — в голове прояснилось, дремота покинула меня. Кто рядом со мной? Справа — девушка с яркими губами, наманикюренными пальцами, черноволосая, в ярком купальнике. Слева — мужчина в спортивном костюме, читает газету.

Жарко. Асфальт нагрелся, нагрелось дерево добротных лежаков. Амурский залив сверкает от солнца, розовеют лепестки вышки для ныряния. Настоящее дальневосточное лето. Бегу к вышке по лодочному причалу, взбираюсь по лесенке, прыгаю вниз, вхожу в плотную воду, светящуюся в глубине зеленоватым светом.

Касаюсь руками дна. Коричневые голыши, кое-где обросшие мхом, мелкими мидиями, коричневыми нитками водорослей. Существо с черными трехсантиметровыми колючками, едва заметно ползущее меж камней, — морской еж. Подхватываю его рукой, плыву к берегу. На теплом асфальте еж медленно перебирает ногами-колючками и направляется к морю. Я за него спокоен: доползет.

Асфальт причала обрывается, под ним свай, уходящие в темно-прозрачную воду. Кажется, можно нырнуть

прямо с причала. Здорово — не нужно лезть на вышку с ее раскрытыми лепестками! Верхний слой воды нагрет почти по двадцати двух градусов, ниже вода заметно холоднее. Двухсотметровый заплыв — и я возвращаюсь на свой лежак, спрашиваю у соседа:

— Отливы здесь бывают или нет?

— Нет ни отливов, ни приливов, — отвечает он, откладывая газету.

Долгий час тепла и полудремы. Снова бегу к воде, ныряю с кромки асфальта, касаюсь дна, камней, судорожно отталкиваю дно, царапая ладони до крови, сдерживаю движение тела. Поздно, поздно. Вынырнув на поверхность, обнаруживаю мутную струю крови. Резкая боль пугает меня. На животе две глубоких борозды багрового цвета. Еще немного — и я остался бы на дне. Отливы здесь почти незаметны, но забывать о них нельзя. А ведь мне пора это знать, пора...

Медленно иду на свое место, сажусь, закрывая руками глубокие кровоточащие царапины. Могло быть гораздо хуже. Соседа моего и след простыл.

Сочувственное лицо девушки привлекает мое внимание. Можно ли ей доверять? Ответ приходит как бы со стороны. Да, она не имеет отношения к инопланетным рейдам. С ее помощью я привожу себя в порядок. Немного йода и пластыря — и я снова подставляю солнцу бока и спину. Сегодня меня едва не подвела любовь к морю. Возможно, именно этим кто-то хотел воспользоваться... Нет, нет, пора выбросить из головы хотя бы на время эту убийственную теорию неслучайных совпадений! Иначе трудно жить. Есть, есть еще на свете просто случайности, и это отранно.

Так, без обеда я провалялся до семи вечера. Потом оделся, взобрался по ступеням на скалистый горб, где красуется гостиница. Раньше на месте водной станции было море. Берег, как сказала девушка, взорвали, выровняли, получился пляж и лодочные причалы.

Знобило, я зашел в аптеку, купил аскорбиновой кис-

лоты. Утром вышел погреться на солнышке. Еще два дня — и я пришел в себя.

Дважды в день встречался с читателями в библиотеке на Океанском проспекте. И вот день последний.

...Сел на трамвай, поехал к Дальзаводу, где мне предстояло сделать очерк. Но едва я появился там, как меня пригласили в заводскую библиотеку для беседы с инженерами и судоремонтниками. Был как раз обеденный перерыв, и я полчаса отвечал на вопросы. В том числе, как всегда, и на вопросы об Атлантиде.

Я уже надеялся, что скоро смогу перебраться на север, в город моего детства, где стоит еще на берегу темно-синей бухты дом моего отца. Случилось непредвиденное.

После обеда спустился вниз, к прибрежному бульвару, где за черными вязами открывалась гавань Золотой Рог. Постоял у вокзала местных морских линий, прикидывая, не отправиться ли мне в мое детство на быстроходной «Ракете» — с последующей пересадкой на «Метеор». И в эту минуту по какому-то наитию прислушался к отрывочным фразам на английском. Осторожно повернув голову, увидел двоих. Один из них, пожилой, коренастый, обвел рукой пространство перед собой, словно объясняя назначение причалов, за рукой его прозрачной синей лентой тянулся дым от сигары. Другой умолк, затем, дождавшись, когда спутник его энергичным движением сунул сигару в рот, произнес с расстановками:

— ...тогда вызвали Самнера Селффриджа, по приказу которого была пущена ракета. И представь себе, Уильям, он не мог сказать ничего путного. Он вел себя как младенец, удивленный телевизионной программой... потребовали объяснений... в рапорте значилось, что это был самолет, предположительно разведывательный... маршрут, маневры над Гренландией и проливами... они снова начали искать останки посудины... история стала известна на самом верху, только проку не было. При-

ехали Райерсон и Сандретто, я знал обоих... что ты говоришь?

В этот момент один из них взглянул на меня, едва заметно кивнул собеседнику, а тот, вместо того чтобы замолчать, побагровев, пророкотал так, что я услышал все до единого слова:

— Это тайна полишинеля, Уильям. Я могу рассказать это хоть в Москве, при свидетелях. Ничего не было. Это анекдот, из которого хотели сделать байку для новобранцев.

Однако оба неспешно двинулись прочь, а я некоторое время стоял как громом пораженный. Кто они? Откуда появились эти два призрака? Когда просвет между мной и ими заполнили троллейбусы, юркие дальневосточные такси и трамваи, я быстро перешел на другую сторону улицы и пошел в отдалении, не спуская глаз с тающих силуэтов. Они исчезли в здании морского вокзала. Когда я решился войти туда, никого из интересовавших меня там не было. Зато я увидел морской патруль. Через несколько минут выяснилось: от причала отошел в Находку небольшой теплоход с канадцами и австралийцами, участниками какой-то морской конференции.

Я бросился было к причалам, чтобы догнать их на катере или «Ракете», но последний местный рейс в девятнадцать тридцать! На моих часах было девятнадцать сорок. Итак, они исчезли, а история о десантном боте над Гренландией осталась незаконченной. Да, непрос-то, совсем непросто найти останки самой незамысловатой с виду летающей посуды, похожей на обычный самолет, если только прибыла она с другой планеты. В памяти моей я отыскивал строчки из письма сестры: «В последнем десанте участвовал всего один инопланетянин — из-за недомогания второго десантника. И вот этот инопланетянин остался один в районе Тулэ, на западном побережье Гренландии, потому что бот был сбит. Для меня остается загадкой, почему не сработала гравиза-

щита, уводящая боевую ракету с курса. По несчастью, бот был принят за разведывательный самолет без опознавательных знаков».

Так ли это?

Когда я вернулся в гостиницу, горничная Олечка сказала:

— А вас дожидался тут один товарищ, только что ушел, какая жалость!

Я спустился в вестибюль и увидел этого товарища у киоска с газетами и почтовыми марками. Подошел, сжал его плечо. Это был Леня Абашев. Год назад он кончил в Москве литературные курсы, тогда я с ним и познакомился.

Леня Абашев отважен, медлителен, добродушен. Он въезжает на машине по вертикальной стене, и если ее нет — по забору. Говорят, один японский менеджер приглашал его на две недели в Японию на все готовое, чтобы поделиться опытом вождения и эксплуатации автомашин. Леня оформил выездные документы, но в самый последний момент его пригласили в автопробег по новым сахалинским трассам, и он отказался от поездки в страну Хокусаи и Фудзиямы. На Сахалине же он один-одинешенек прошел трассу благополучно, успешно миновал участки, оставленные строителями незавершенными, равно как и несколько рек и речушек с мостами без настилов. В итоге он заслужил приз — двухнедельную поездку в ту же Японию, где показал класс вождения, проявил выдержку и самообладание во время автоэкспромтов. И не раз, по его словам, полицейские Страны восходящего солнца показывали ему большой палец с покрывшей и на чистом русском восклицали: «Каласо!»

Теперь он стоял передо мной и невозмутимо рассматривал меня, как будто я так уж изменился за год.

— Все в порядке, — сказал я, — зайдем в номер.

Мы поднялись на пятый этаж. Я достал из чемоданчика московские консервы, заказал чай. Попытался вывести у горничной, кто дежурил той ночью, когда я приехал. Это не удалось. Леня Абашев немногословно поведал о своем житье-бытье. Таким, как он, иногда не очень везет. Мы с ним сформулировали когда-то принцип: сильным труднее. Похоже, исключений не бывает.

— Ты мне не нравишься, Леня. Как будто тебя мучает неразрешимая проблема и ты стесняешься мне об этом сказать. Ну?

— Да, есть проблема... — Он улыбнулся открытой чистой улыбкой профессионала. — У меня машина недавно пострадала... ехал, понимаешь, вдруг навстречу трейлер на умопомрачительной скорости, я крутанул баранку, спрямил угол, выскочил на боковую улочку и угодил колесами в открытый канализационный люк. Два раза перевернуло и шлепнуло. Вот и все.

— Тебе повезло. Эту проблему следует отнести к разряду решенных.

— Не совсем. Я на мели. Пошел к одному прозаику денег попросить на ремонт, он мне отвечает: «Не могу, дружище, дать тебе и трех сотен. У меня дача на берегу Амурского залива, причем двухэтажная, и на втором этаже, представь себе, я делаю ванную с кафелем, просто и элегантно. А кафель недешев, сам знаешь». Как будто он кладет этот кафель на последние свои триста рублей. На те же триста претендовал и я. На большее духу не хватило.

— Ты тоже не лыком шит, Леня. Получи триста, которых не хватает иногда прозаику для полного счастья.

— Спасибо, брат. Считаю теперь, что машина у нас в кармане. Через неделю. А там у меня выходит повестушка... сам понимаешь, в долгу не останусь. Еще сумеем махнуть с тобой в тайгу.

— Зачем сразу в тайгу?

— Это одно название — тайга. На самом деле ботанический сад. Привезем на зиму лимонника, грибов, ягод.

— Не откладывай ремонт машины, Леня.

— Хорошо. Скажи, зачем ему понадобилась ванная на втором этаже?

— Странный вопрос. Нужна — вот и все.

— Понимаешь, в прошлом году он сказал мне... при аналогичных обстоятельствах, что заказал ванную на первом этаже. И тоже с кафелем.

— Ну и что? На каждом этаже по ванной. Не нашего ума это дело. Он же не спрашивал тебя, почему ты каждый год прыгаешь на машине через открытые канализационные люки? Так?

— Так...

— Скажи... ты переписываешься с тем журналистом из Плейнфилда?

— С Генри Гри? Нет. Давно не писал ему.

— Ты мог бы возобновить переписку?

— Зачем это? — Леня с недоуменным выражением лица застыл в позе человека, внезапно потерявшего пенсне.

— Видишь ли... — Я подбирал слова; нельзя упомянуть о контактах и прочем, иначе Леня покрутит пальцем у виска — и баста. Кроме того, я не имел права раскрывать карты. — Видишь ли, есть одно дело. Генри Гри, судя по твоим прежним рассказам о нем, как раз тот парень, который нам нужен. А дело вот какое. Три года назад американская пресса писала об одном происшествии над Гренландским побережьем. Там сбили якобы самолет без опознавательных знаков. На поверку оказалось, что самолета вроде не было, а произошло недоразумение...

— Брат, да ты с Луны свалился! — перебил меня Леня. — У меня полная подборка о гренландском самолете. Тогда я еще дружил с Генри. Хотел писать

приключенческую повесть. Потом раздумал. Не та это тема, не берет за живое. А тебе зачем это?

— Ну... я тоже хотел написать. Очерк или статью.

— Не надо. Скажи правду.

— Разве простая любознательность перестала считаться уважительной причиной?

— Ладно. Повесть я все равно не окончу в ближайшее столетие. И даже не начну. Что тебя интересует?

— Не что, а кто... Селфридж, Райерсон, Сандретто. Тебе знакомы эти имена?

— Не то слово. Очень и очень знакомы. Рассказать по памяти или показать материалы?

— Бросим монету. Если орел — покажешь бумаги. — Я метнул над столом полтинник, и он, разумеется, упал на раскрытую ладонь Лени орлом.

— Ловко, — восхищенно пробасил Леня. — Едем ко мне.

Приглашение было принято с благодарностью. Мы спустились к бухте Золотой Рог, где на глянце темной воды плясали огни и причалы жили своей особой, затаенной, ни на что не похожей жизнью. Леня хотел остановить такси, я отговорил его, мы пошли пешком в сторону Дальзавода, и справа от нас тянулись и тянулись причалы; акации и вязы накрывали шапками крон узкие скверы, прижавшиеся к шоссе. Слева от нас улицы взбегали на пологие горбы сопки, уходили к заасфальтированным невысоким перевалам. Там обрывалась панорама вечернего города.

Четверть часа — и мы оказались в его квартире. Жил он в мансардной части старого дома, у него было две комнаты с разной высоты потолками, дощатыми полами, удивительной кухней, наминавшей кунсткамеру: вдоль стен тянулись полки с раковинами, высушенными крабами, морскими звездами, акульими челюстями и черепашьими панцирями. Все это было покрыто серо-зеленой пылью. Я выразил сочувствие:

— Нелегко, наверное, управляться одному?

— Нелегко, брат, — сказал он. — Кофе? Чай?

— Райерсон, Селфридж, Сандретто.

— Помню, помню... — Он исчез в комнате с низким потолком, там что-то грохнуло, послышались шелестящие звуки рассыпавшегося вороха бумаг, и через четверть часа хозяин вернулся ко мне, на ходу развязывая шнурки синей папки.

— Итак, Райерсон, — произнес он. — И другие.

Он подал мне папку с закладками на нужных страницах. Я стал читать. Он ушел на кухню, оставив меня в комнате одного — знак особого доверия к коллеге. Итак, Райерсон...

...Родился в Бруклине. Получил степень бакалавра наук в Стентонском университете штата Флорида, степень магистра наук в Дюкском университете штата Северная Каролина. Возглавлял экспедиции по исследованию космических излучений. Организатор отделения прикладной физики на ракетно-артиллерийском заводе военно-морских сил. Работал в Мурстауне и Камдене, является автором и разработчиком программ надежности и контроля. Возглавлял консультативную службу правительства, вице-президент отделения фирмы в Хоторне, штат Калифорния. Внесен в список профессиональных инженеров. Участник многих военно-промышленных программ.

Улыбчивое доброе лицо. Близорук. Носит очки. Во время беседы слегка наклоняет голову вправо. Тонкая, почти художническая натура. Предпочитает костюмы из серого твида.

Именно этот человек подписал заключение о неизвестном летательном аппарате над Гренландским побережьем. Точнее, об отсутствии такого аппарата, несмотря на нажим военных.

Сандретто.

...Родился в Понт-Канавезе, в Италии. Степень бакалавра наук и диплом инженера-электрика получил в университете Пэдью, штат Индиана. Окончил команд-

но-штабную школу ВВС. Аспирантскую работу выполнил в Северовосточном университете, Эванстон, штат Иллинойс. Участвовал в разработке первых систем управления воздушным сообщением. Во время второй мировой войны работал в радиолокационном отделении при штабе армейской авиации, на полигоне в штате Флорида, а также руководителем отделения электроники авиации, действовавшей в зоне Тихого океана. Бригадный генерал. Состоял членом комитета 31, ответственного за создание общей системы управления аэронавигационными средствами. Сотрудничал с фирмой в Натле, штаг Нью-Джерси. Руководил группой обороны. Член Института навигации.

Интеллигентное лицо. Проницателен, осторожен. Корректен в отношениях с подчиненными. Заключение подписал с особым мнением. Содержание этого особого мнения неизвестно.

Райерсон и Сандретто не могли, разумеется, хотя бы приблизительно представить, что же произошло тогда в районе Тулэ. Работа в комиссии требовала дополнительных данных. Их не было. Не было вообще никаких данных, если уж быть точным. Уверения военных на радиолокационных постах не подтверждены аппаратурой документирования: ленты были пусты, что дало повод рассказывать потом разные небылицы. Соответствующие вырезки из вечерних газет тех лет аккуратно подшиты в Лениной папке. Мне пришло в голову, что не надо Лене Абашеву ничего выдумывать. Достаточно опубликовать все, что тогда было написано: выйдет документальная повесть, в которой найдется место и неплохой идее. Кто, как не ретивые служаки, родил инцидент с самолетом, несмотря на полное отсутствие фактов? В иных условиях подобная тенденциозность может обернуться несчастьем.

Листая вырезки и переводы, сделанные Леней, я не находил главного — материалов о Селффридже.

Я вышел на кухню, где он колдовал с кофеваркой,

вернул ему папку, сказал, что с кофе управлюсь сам, если он найдет что-нибудь о Селфридже. Через минуту-другую я получил вырезки о третьем участнике гренландского инцидента. Здесь же мне попались два письма Генри Гри, журналиста, с которым Абашев состоял в переписке. По счастливому совпадению, журналист этот жил в Плейнфилде и знал некую Анну Вебер, возлюбленную Тимоти Селфриджа.

Итак, Селфридж.

...Родился в Чикаго, штат Иллинойс. Окончил школу связи Северозападного университета в том же штате и командно-штабную школу. Получил степень магистра наук. Служил в войсках, дислоцированных на территории США и за пределами метрополии.

Замкнут и серьезен. Коллекционирует почтовые марки метрополии. Решителен и требователен к подчиненным.

Именно этот человек идентифицировал неизвестный объект с самолетом и отдал распоряжение о пуске ракет. В этом имени для меня крылась загадка, мимо которой прошел Леня Абашев. Впрочем, на загадку эту мудрено было бы обратить внимание. Почему ракета не свернула с боевого курса? Десантный бот излучал сигналы, которые маскировали его действительное положение в пространстве, защищали его тем самым от оружия. Невидимое поле ограждало его от посягательств. Ракета «земля — воздух» была для него, по всей видимости, то же самое, что теннисный мячик. Разгадка истории крылась в самом Тимоти Селфридже — я это почувствовал, понял, бегло пролистав бессмысленные рапорты военных. Они так и не обнаружили ни одного обломка, ни одной детали, подтверждавшей достоверность происшествия. Сестре моей удалось скрыться, но было нелегко представить, чего это ей стоило.

ДВОЙНИК НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

Мысленно можно перенестись так далеко, как захочется. И я мог бы — теоретически, конечно, — оказаться, например, в Гренландии, близ местечка Тулэ, в тот самый момент, когда там пролетал инопланетный бот. Мог бы... если успел бы побывать там раньше. Нельзя создать иллюзию присутствия в том месте, которое раньше не повидал собственными глазами. Проверено.

...Был уже второй час ночи, Леня давно уснул, а я все сидел у настольной лампы за его рабочим столом. Появилось еще одно действующее лицо — Мэгги Хейзинг, компаньонка Анны Вебер. Селфридж познакомился с Анной в отпуске, в Калифорнии.

Файф-Лейкс. Именно здесь Селфридж должен был провести две недели отпуска. Четырнадцать дней. Но их оказалось только одиннадцать. Три дня как бы пропали. Во всяком случае, то, что рассказывал потом Селфридж об этих трех днях, по моему мнению, противоречило логике.

Вместе с Мэгги и Анной он поднялся к отдаленному приюту близ Рок-Гарден. В приюте они заночевали. Утром Селфридж сказал, что было бы обидно не подняться на Рок-Гарден, но женщин подвергать опасности он не будет. Фрау Ридер попробовала возразить, но Селфридж уговорил ее остаться. С ней осталась Мэгги Хейзинг. Селфридж помахал им рукой, когда они вышли проводить его до поворота к Солнечному цирку. Он шел по тропе, оставив в стороне подъемник. День был солнечным, ясным, ничто не предвещало перемены погоды.

Через два часа после ухода Селфриджа со стороны ручья в Файф-Лейкс пришла метель, снег бросало на крутые склоны, видимость не превышала нескольких метров. Мэгги Хейзинг успокаивала фрау как могла, но метель усиливалась, хлопья снега стучали в окно, вихри пробегали по крыльцу приюта, то засыпая его почти до уровня окна, то сметая снег с такой силой, что сте-

ны приюта вздрагивали. Что же было в горах? Этого никто не знал.

Рок-Гарден — самое опасное место в окрестности, с гор срываются лавины, снежные тучи бродят среди отрогов — тогда горе лыжнику. Снежные карнизы не выдерживают тяжести и срываются вниз, увлекая массу фирна. Снегопады бывают такими обильными и внезапными, что, если бы фрау Ридер знала это место по рассказам бывалых людей, она бы наверняка нашла в себе силы отговорить Селфриджа.

Один из спасателей позже рассказывал, что творилось там, среди горных пиков, и ниже, у канатки, которую он видел с высоты птичьего полета. Точно великан-гримург хотел накрыть всю окрестность шапкой-тучей, и лишь по краям проглядывали знакомые очертания долин и ущелий.

Стихия бушевала весь этот первый день. Анна Ридер выходила на крыльцо, укутанная шубой и шерстяным платком, и возвращалась в комнату снова; сняв шубу, она бросалась ничком на софу и сжимала голову ладонями, чтобы не слышать воя ветра. Мэгги не сомневалась, что Селфриджа уже засыпало снегом. Нужно было дожждаться конца бурана, тогда спасатели смогут его найти... Он, конечно, еще жив. Мэгги подбадривала Анну Ридер, та молча слушала, снова зажимала уши руками, закрывала глаза и точно проваливалась к небытию. Может быть, ей так удавалось хотя бы мысленно приблизиться к тому месту, где сейчас мог быть Селфридж. К вечеру, еще до того, как стих ветер, она попросила Мэгги позвать кого-нибудь из приюта. Пришел молодой парень, рассказал, как он сам замерзал когда-то здесь, был засыпан лавиной, но его нашли, и он с тех пор несколько не боится гор.

С наступлением темноты на улице все стихло. Анна сказала Мэгги: «Он жив, я знаю». Спасатели были уже предупреждены, но поиски могли начаться только на рассвете. Здесь, в Файф-Лейксе, была хорошо известна

история Джо Карсона, рабочего, который жил на верхней станции канатки и отгребал от нее снег. Непогода отрезала его на несколько дней от мира, нервы его не выдержали, и после метели он попытался спуститься вниз, к людям. Нашли его только весной, среди отложений лавины Хедуолл. Передвижение ночью вполне резонно считалось чистым безумием. Здешние специалисты-лавинщики считают: нужно пять лет, чтобы ознакомиться с районом, его особенностями, хитростями и уловками снежных рек. В то время в Файф-Лейксе уже были опытные специалисты, и никто не позволил бы рисковать напрасно.

Утро было ясным, холодным. Как только появилось солнце, снега засверкали, засияли белизной, стало видно так далеко, что уступы карнизов были, казалось, рядом. Они нависали над тропами, но спасатели все же вышли в горы. Потом был день ожиданий, долгий, нескончаемый, тревожный. Группа вернулась в приют ни с чем. Здесь четверо горнолыжников-спасателей оставались до следующего утра. В эту ночь Анна Ридер не сомкнула глаз, она прислушивалась к шорохам, всматривалась в лунно-белую даль за окном. В семь утра четверка опять ушла той самой тропой, которой отправился на прогулку двое суток назад Селфридж.

Мэгги свидетельствует: в полдень Анне Ридер стало плохо, она вдруг тихо воскликнула: «Его нет, Мэгги!» Компаньонка вздрогнула, попробовала возразить, что спасатели не теряли надежд и, может быть, в этот самый момент они уже напали на след. «Его нет!» — повторяла фрау Ридер. Мэгги направилась за обедом в ближайший ресторанчик, позвав посидеть с Анной жену сторожа. Через час Мэгги вернулась, на пороге она оглянулась и увидела приближающуюся фигуру лыжника. Он был еще далеко, но она будто бы узнала его... Мэгги опасалась напрасно взволновать Анну. Она накрыла стол и только тогда вышла на крыльцо. Сомнений не было: возвращался Селфридж. Мэгги открыла

дверь и с порога выкрикнула его имя. Анна, к ее удивлению, даже не поднялась со своего места, что-то странное было во всем ее облике. Она как будто не рада была предстоящей встрече. Мэгги рассказывала потом, что спасателей она встречала куда радушней, чем заплутавшегося Селфриджа.

Так кончался эпизод в горах. На следующий день Селфридж уехал. Анна и Мэгги остались еще на пару дней, потом и они вернулись к себе домой, в Плейн-филд.

* * *

...Уснул я прямо за столом: словно провалился в непроглядную темень до утра...

— Не вижу в этой истории ничего загадочного, — заявил утром Леня Абашев.

— Но как объяснить, что Селфридж вернулся только на второй день после бурана? Напоминаю: непогода застала его недалеко от приюта. За два или три часа он мог уйти, скажем, на несколько километров. Это с учетом профиля местности.

— Допустим.

— На обратный путь ему потребовалось бы столько же времени, то есть два или три часа. От силы четыре. Получается вот что: первые сутки после бурана, когда было ясно и солнечно, он сидел на месте, две ночи — тоже. Нельзя же допустить, что после того, как погода установилась, он пошел в обратную сторону, то есть попросту продолжил свою прогулку.

— А если это так?

— Не мог же он заставить Анну поверить в свою гибель? А если и мог, то его обнаружили бы спасатели. Условия для наблюдения были идеальны, расстояние — незначительно.

— Что из этого следует?.. По-моему, он большой оригинал. И мужественный человек.

— Нет, Леня. Мужественные люди в окрестностях Файф-Лейкса замерзали тоже, и для этого вовсе не требовалось двух ночей после небывалого бурана. Из этого следует другое. Вернулся не Селфридж, а другой человек.

— Ну, знаешь ли... в привидения я не верю. Буквально, что ли, понимать?

— Буквально. Кому-то нужно было стать Тимоти Селфриджем. И если эти двое, Селфридж и неизвестный, были внешне похожи, то судьба возлюбленного фрау Вебер могла решиться как раз на второй день. Так можно объяснить невероятную, непостижимую медлительность Селфриджа, кажущуюся медлительность. Анна Ридер так и не смогла найти ответ, а может быть, как раз наоборот... ведь они расстались очень быстро. Что произошло? Никто не знает. Но в твоей книге, посвященной борьбе с лавинами, я нашел указания как раз на этот случай. Автор пишет о тех днях с искренним изумлением перед неистовством стихии. Несколько дней потом в горах сходили лавины, одна из них вывела из строя канатку. И это несмотря на самые современные средства борьбы со снегом, включая безоткатные орудия, с помощью которых можно вести огонь по рождающимся гребням. Упоминает он и одного молодого человека, которого все считали погибшим. Его появление равносильно возвращению с того света. Врач, осматривавший его, не нашел никаких признаков обморожения или депрессии. Случай не нашел объяснения, пишет автор книги, впрочем, вскоре молодой человек исчез, оставив двух своих друзей. Что скажешь?..

— Нужны доказательства. Где они? Если преступник появился в личине Селфриджа, он должен был оставить следы в Файф-Лейксе.

— Он их оставил. Нужно только уметь их прочесть. Мы с тобой ни за что не придумали бы разговора, который состоялся еще раньше, в деревенской гостинице. Анна открыла дверь, но не пригласила его в номер.

— С ней была Мэгги?

— Да. В номере была Мэгги. Она слышала обрывки разговора и была изумлена. Селфридж говорил о любви.

— По мнению Мэгги Хейзинг, фрау поздно думать о любви. Ей было около пятидесяти. Очень рослая немка с прической пучком, темнобровая, носившая роговые очки по причине неважного зрения, наполовину увядшая дама с причудами. Вот ее портрет.

— Это не портрет. Не хватает главного: ее сути. Признание Селфриджа не выглядит таким уж неожиданным. Не будем вспоминать бальзаковских женщин, но разве иногда возраст не подчеркивает те самые формы, которые прозаики называют женской статью, а поэты — как-то иначе, за неимением подходящих слов в своем ограниченном словарном запасе?

— Допустим.

— Ты понимаешь, о ком мы говорим? Если бы я был художником, я нарисовал бы ее в фиолетово-сиреневых тонах и обязательно акварелью, а не маслом, потому что холст не передал бы многого. Может быть, для этого потребовалось бы скопировать линии с музыкальных инструментов: виолончелей, скрипок, валторн. Этого не понимала милашка Хейзинг, похожая на незабудку в яркий солнечный день.

— Или на ромашку. Ведь она блондинка.

— Хорошо. На ромашку. Вот фото. Фрау Ридер на утренней прогулке в парке. Парк разбит на английский манер. Эти прямые дорожки и аллеи как бы подчеркивают то, что я о ней сказал. Такая женщина вызывает не любовь, а мгновенную страсть.

— Ты влюбился в нее.

— Нет. Я вижу ее.

— Ей было сорок восемь. Селфриджу двадцать семь.

— Думаю, Селфриджу было тогда все равно, сколько ей лет.

— Здорово же ошиблась эта милаха!

— Думаю, что я прав. Да, Леня, была экскурсия в горы, деревенька с харчевней, суп из бычьих хвостов с томатами или что-то в этом роде, дешевое вино, недолговременный приют в деревенской гостинице, а Мэгги и тут не сообразила, что разговор о любви между фрау и ее другом имел под собой более чем серьезные основания.

— Хорошо. Я согласен. Но что из этого следует?

— А из этого следует, что Селфридж боролся за эту любовь. И когда он вернулся... понять его нельзя. Нельзя, Леня. Начиная с того момента, как он вновь появился у карниза, все пошло иначе, он вел себя так, как будто пытался оправдать версию, сложившуюся у этой девочки.

— Какую версию?

— Что раньше они дурачились у нее на глазах. И только. Оба были другими. Ей далеко до этих фиолетово-сиреневых оттенков с переходом в черное, она ничего не разгадала. И не могла разгадать. Их отношения — большая редкость.

— И все же...

— Вернулся другой человек.

— Ты всерьез?

— Я не шучу.

— Извини, но поверить в это все же невозможно.

— Этот чужак уловил реакцию Мэгги Хейзинг, даже ее настроение. Оно служило ему защитой. Он использовал Мэгги.

— Зачем это ему понадобилось?

— Чтобы поскорее убраться из Файф-Лейкса, не вызывая подозрений.

— Как он сам... объяснил задержку на двое суток?

— Никак. Думаю, если бы он ее объяснил, это представляло бы интерес и для нас. Этот чужак понимал, что нужно поменьше болтать. Лучше всего было бы в

его положении не возвращаться в приют вовсе. Но тогда он должен был бы не возвращаться и домой. А ему было нужно имя Селфриджа и его положение.

— Если ты прав, то этот тип должен поразительно напоминать внешностью Селфриджа, быть его двойником, не иначе.

— Он и есть его двойник.

МОРСКОЕ КЛАДБИЩЕ

...Здесь, в светлой дубовой роще, похоронен под серым камнем Арсеньев. У памятника матросам «Варяга» Абашев рассказал о бое близ Чемульпо. Канонерка «Кореец» вступила в этот бой, уже имея боевой опыт. Летом 1900 года экипаж русской канонерки проявил доблесть у китайского форта Таку под огнем расстреливавших его в упор береговых батарей. В морском сражении против «Варяга» и «Корейца» действовали пятнадцать японских кораблей.

Позже, у Цусимских островов, тридцать русских кораблей должны были по чьему-то замыслу противостоять ста двадцати одному японскому военному кораблю. Но, выступив против всей мощи Азии, должны были погибнуть и триста спартанцев у Фермопил и тридцать русских кораблей у Цусимы. Лишь два корабля прорвались на защиту Владивостока.

В сорок первом тридцать наших подводных лодок, не считая надводного флота, оберегали дальневосточные морские рубежи. Японцы не могли обеспечить, как ранее, ни семикратного, ни даже четырехкратного превосходства в силах. Они топили в открытом море наши торговые суда. Последним был потоплен в июне сорок пятого «Трансбалт». В августе сорок пятого, когда мы с теткой остановились в Находке, на пути в Москву, здесь еще говорили о «Трансбалте», и это я помнил.

С отлогого склона зеленой сопки виден был Уссурийский залив, прибрежные скалы, просторный распа-

док. Удивительно легко дышалось, уходить отсюда не хотелось, но Абашев взял меня за руку — пора в машину.

МОЛОТ ГНЕВА

Было слышно, как шумела вода у порогов. Абашев вел машину над горной рекой. Внизу — глыбы гранита, брошенные рукой неведомого своевольного великана, задумавшего перекрыть течение. Но замысел так и остался неисполненным. Река оказалась сильнее, и теперь над белоснежными струями поднимались трехцветные радуги.

Леня сдержал слово: машина вышла из ремонта даже раньше обещанного срока. Я увидел монгольский дуб, корейскую сосну, увешанную тяжелыми шишками, горный ясень, жимолость и аралию, дикий перец и таежный виноград. И были обещаны белый орех, амурский бархат, цветущие лотосы и корень жизни.

Вечером мы остановились, привязали растяжки палаточных коньков к черемухе. Легкий сухой плавник горел как порох, и я подбросил несколько сырых поленьев, чтобы костер дольше сохранял тепло. Леня извлек из багажника дневной улов.

Рыба хариус с синим телом и красноватыми перьями раскрыла рот и будто бы издала слышимый звук, а на камни капала кровь, и поблескивало лезвие ножа. А в вышине кружили черные птицы, пересекая желтые послезакатные облака.

Ели уху — смеялись: забыли посолить. Дым вставал столбом — признак хорошей погоды завтра.

Готов поклясться, что я слышал шум гальки: точно прошла недалеко чужая машина. Не говоря ни слова, пошел к реке; она дремала, поблескивая серебряными перекатами.

На мелкой коричневой гальке обнаружил следы чужого протектора.

Пошел за протектором: он вел по каменистому берегу. Абашев окликнул. Я ответил. Густая трава скрыла следы. А дальше тянулась нитка проселка, который привольно, во всех трех измерениях колесил над высоким берегом. Вокруг пустынно, тихо.

Вернулся к нашему лагерю.

Абашев пошел за водой для чая. Вернулся через полчаса, молча повесил котелок над костром.

— Что так долго? — спросил я.

— Там кто-то чужой, — ответил он. — На машине. Как они сюда забрались, ума не приложу.

— Что в этом особенного?

— Ничего особенного. Если не считать, что это машина марки «суперберд» с двигателем пятьсот сил.

— Не может быть!

— Вот тебе и не может быть. Любопытно.

— На другой машине сюда мог проехать только ты. Пятьсот лошадиных сил — компенсация чужаку за неумение водить авто по гальке и зарослям заманихи.

— Однако... что им здесь надо?

— Ты что-то подозреваешь?

— Еще бы... откуда здесь быть «суперберду»?

— Ладно. Чай остынет. Пусть хоть суперэпиорнис. Пропади он пропадом.

...Ночью меня разбудили шаги. Поскрипывал галечник, шуршали сухие стебли. Я прислушался. Кто-то размеренно шагал в двадцати метрах от нас. Вот звуки затихли, точно растаяли. Только дыхание ветра было слышно мне. И снова. Шаги... Они приближались к палатке.

Улучив мгновение, я перебросил тело за брезентовый полог, мгновенно выпрямился, осмотрелся. Темная высокая тень скользнула почти бесшумно в кусты. Я ринулся следом. Заросли смыкались за мной, царапая плечи, мешая слушать. Метров триста уже осталось за моей спиной — и никакого результата. Кусты

расступились, я остановился в раздумье: продолжать бессмысленную погоню? Вернуться?

И я вернулся в палатку, чтобы провести там остаток ночи так, как подобает путешественнику или туристу.

Мне снились багряные зарницы над вулканами Атлантиды, алые потоки лавы, сжигающие зеленые долины гейзеров, тонущая земля. Водяной вал поднялся и обожегал океаны дважды. Гигантская туча, мерцающая молниями, закрыла место катастрофы. Ворвавшись в Средиземное море, вал-великан смыл гавани Древней Этрурии, разбил в щепы корабли, затопил города, поля и леса. Наверное, я бормотал во сне строчки из древнего мифа.

— И земля потонула! — услышал я голос Лени, проснулся окончательно, поднялся, ошалело озираясь, ибо плохим бывает у меня сон, если ночью я встаю работать, читать или, как нынче, бегать по зарослям поймы.

-- Дожди! — воскликнул я.

— Ты провидец, шептал во сне о потоках воды. — Ленья протянул мне кружку с горячим чаем, заваренным с брусникой.

— Спасибо. — Я быстро умылся водой, скопившейся в морщине брезентового полога, и осушил кружку.

Мы переждали ливень. Отвязали растяжки палаточных коньков, сложили вещи. Погрузили их в багажник. Машина слегка рыскала, точно сама по себе искала выезд на сносную дорогу. Это руки Лени, подчиняясь интуиции, удивительной его памяти, хранившей историю не одного таежного приключения, осторожно, но решительно вели машину к большаку.

— Что произошло сегодня ночью? — спросил Ленья. — Куда это ты бегал и зачем?

— Оказывается, ты не спал...

— Оказывается, — меланхолично отозвался Абашев.

— Кто-то ночью ходил рядом с палаткой.

— Мне тоже показалось. Смотри!

Я обернулся и увидел приземистый корпус оранжевой машины, следовавшей за нами на приличном расстоянии. Она шла, легко преодолевая подъемы, а за ней видна была еще одна машина, синяя. Оранжевая не пропускала синюю, когда та пыталась обойти ее. Едва заметный поворот — и она занимала проезжую часть так искусно, что казалось, будто временами она разворачивалась даже поперек полотна.

— Что за гонки? — спросил Леня, пытаясь рассмотреть водителя первой машины. По странной закономерности каждый раз, когда ветровое стекло глядело на нас, в нем отражался свет, да так ярко, что глазам становилось больно. А небо между тем было еще затянуто облаками. Наконец я понял: на ветровом стекле прыгало это светлое окошко, предназначенное для меня. Сигнал и одновременно связь с ними... Неужели было так опасно, что здесь, на глазах у всезнающего Абашева, они решились на это?

И я подумал, что тени сгущаются. Невольно подумал, вспомнив ночной визит. Почему, к примеру, погиб человек, похожий на меня?

Я знал, что Селфридж-второй был атлантом. Только так можно объяснить случай с ботом. Он не просто атлант, он изучал защиту и сигналы, которые излучают такого класса малые корабли; эта подготовка дала ему верное оружие. Руками военных он сбил гренландский бот. К этой мысли я пришел еще в городе. Разумеется, Абашеву не объяснить, почему за нами следовал «суперберд».

— Не пойму, кто за рулем, — заметил Леня. — Кажется, женщина, по почерку чувствую. Но ведет не просто мастерски, нет, а как-то даже неестественно легко. Ты посмотри, что машина выделяет. И все только для того, чтобы не пропустить синюю вперед!

Именно эта синяя машина могла быть причиной гибели моего двойника, о котором я узнал в день приезда

во Владивосток. И возможно, моей гибели, если бы кто-то не вел другую, оранжевую машину так ловко, что она мешала синей. Ситуация сложилась подходящая: автомобильные катастрофы всегда случайны. Невидимая человеческому глазу борьба, наверное, происходила и ночью, пока мы спали. Борьба, единственным дозволенным оружием в которой была именно случайность. Опасный же маршрут выбрал Леня Абашев, сам не ведая того. Правда, другой наш маршрут мог оказаться еще опаснее.

Абашев прибавил скорость, мимо промелькнула осыпь, и камень, выбитый колесом, сползал вниз, увлекая щебень. К багажнику оранжевого «суперберда» прилип синий «датсун», не отставая ни на колесо: невидимая нить связывала их. Ленины скулы сжались, он все еще пытался оторваться от обоих непрошенных попутчиков, не понимая цели этой погони и думая о чем-то своем. Может быть, он думал, что двигатель, который он поставил на свой автомобиль, не имеет равных далеко за пределами города и что зря я обманываюсь: внешний вид любой машины еще не определяет ее качеств, тем более если речь идет о его, Абашева, машине.

Но знал бы он, с кем тягается!.. Оранжевый этрусский «суперберд» шел так мягко, даже нежно, что казалось: он действительно летит, оправдывая название марки. Я догадывался, что марка еще ни о чем определенном в данном случае не говорила: внутри эта изящная колымага устроена, наверное, так, что могла бы с ходу, например, зарыться в Японское море и вынырнуть только в Охотском. И синий лимузин атлантов (так я полагал) далеко не показывал своих предельных возможностей. Он словно затаился перед прыжком. С виду почти обычный автомобиль, «датсун» последней модели... Он не должен был вызывать у нас подозрений. Другое дело — этруск. Тот знал, на что готов этот «датсун», и при прочих равных условиях не прочь

был бы даже привлечь внимание к скрытому, затаившемуся пирату. Так обстояло дело — согласно моим расчетам или в согласии с моей фантазией, как угодно.

Леня в своих крагах, шнурованных ботинках, полный решимости оставить позади этот странный дуэт, брал повороты так, что дух захватывало. Я вскрикнул, когда нас бросило вниз, — машина слетела по карнизу, легла на крутой склон и вышла на нижний виток серпантина по глиняному бугру. Тряхнуло, машину занесло, скрипнули тормоза, и тотчас Леня бросил машину на полотно дороги. Те двое повторили маневр, не отстав ни на метр. Вот они снова маячат за спиной.

Шуршит гравий под колесами. Дорога грунтовая, почти неезженная. По-прежнему пустынно впереди нас. Откуда-то ползет туман. Он стелется над землей тремя слоями. Нижний — наш, въезжаем в спящее молоко, выныриваем. Снова ясно. Слева — обрыв, за ним — долина.

Долина была светлой, от нее тянулись синие распадки. Она открылась с высоты перевала как зачарованная земля. В ее верховьях, ниже нас на двести метров, кипел на серых камнях ручей. Зубья скал выступали из синих кустов. Над серпантинном дороге, над вторым его извивом высилась чозения, за долиной прямой чертой обозначилось ровное плато — и черта эта плыла, покачиваясь от нашего движения. За ней вставали пепельно-серые пики, а над ними застыли сверкающие облака. Каменные карнизы нависали над крутым склоном, и если бы нас пронесло мимо обрыва, обстановка разрядилась бы.

Мы взлетели по серпантину и медленно опускались вниз, минуя перевал.

— Смотри! — вскрикнул Абашев, и тут же, на моих глазах, он закрыл ладонью лицо, словно от нестерпимой боли, а в ста метрах от нас медленно (или так казалось?) скатывалась под откос синяя машина. Она перевернулась, подпрыгнула на плоском валуне, оброс-

шем сизым мхом. И за ней накренилась оранжевая машина, не успевшая вывернуть на крутом повороте серпантина.

Вздыбившись, синяя машина вспыхнула рубиновым огнем, превратилась в факел, опрокинувшийся в пропасть под каменным карнизом.

Почти одновременно загорелась вторая машина. Сгусток темно-красного пламени и дыма взлетел над скалой и бесшумно нырнул вниз. Но не успели развеяться дымные шлейфы над обожженным каменным карнизом, как в мгновение ока сверху, из ниоткуда спустилась туча: черная шапка накрыла перевал и нас. Белые ломаные молнии заметались над землей. Дождя не было; ослепительные огни раскалывали сухой мрак.

— Останови машину, — сказал я.

— Ты что, ошалел? — возразил Абашев.

Я так и не осознал, почему захотелось задержаться на перевале. Может быть, чтобы разобраться в происходившем? Но это не удалось бы.. В стеклах прыгали отражения белых и голубых змей; они корчились теперь за нашей спиной и сгорали, оставляя каждый раз тусклое марево. И туча казалась еще гуще, плотнее, по краям ее бродили вихри, у подошвы ее клубилась пыль.

...В городе — разговор с дежурным. Леня рассказывает, как было дело, я молчу. Утром я узнаю о том, что случайно столкнулись две машины, что вели их, скажем, автолюбители-спортсмены. Назовут их имена. Это будут, разумеется, вполне реальные люди, у них найдутся, вероятно, родственники, но подлинная их жизнь останется тайной. Действие равно противодействию. Если под именем Селфриджа действовал атлант, то где-то недалеко от него находился этруск по имени, скажем, Барроу, который незаметно для постороннего глаза помог сестре покинуть Гренландию. Для нее поступок этот остался неведом: все они до предела осторожны.

ЗАПЛЫВ. ТРЕВОГА. ОБНАДЕЖИВАЮЩАЯ ВЕСТЬ

В окно заглядывал тусклый, мерцающий, как кольчуга, Амурский залив. По нему бежали утренние тени облаков. Между ними — блики глаз его. Два паруса белели вдали. С минуту я раздумывал, куда пойти позавтракать. Под ноги попался край большого складного сачка, выглядывавший из-под постели. Я уложил его в Москве в чемодан с тайной надеждой ловить здесь рыбу в лагунах и креветок на свет фонаря, потом — ставить на серые горячие угли костра котелок с ухой. Но я забыл взять его в наше с Ленею путешествие. А в городе обедал в ресторанах, иногда навещал булочную, где брал свежую булку, а рядом, во фруктовом магазине, — сок гуавы или ананасный компот; ужинал в кафе «Зодчий», потом допоздна работал над очерком.

Холодильник мой и на сей раз был пуст. Едва я закрыл его, он начал сипеть, кашлять, как старичок, свистеть и дрожать, точно в приступе тропической лихорадки. И ничего там внутри не оказалось съедобного. Спустился вниз, в буфет. Там меня поджидала зубастая жареная рыба со сложным названием «морской скилджек», кальмары и морская капуста. Глоток слабо заваренного кофе — и я спускаюсь по знакомой лестнице водной станции. Ночью было прохладно. На деревянных лежаках — ни души. Мальчишки спрашивают у дежурного матроса, можно ли искупаться. Матрос интересуется, сколько им лет. Им, оказывается, по шестнадцать. Не заметив подвоха, матрос дает разрешение искупаться. И вот они уже на вышке. Я тоже готов нарушить заведенный здесь порядок. Плакат предупреждает: «При поднятом черном шаре купаться запрещено». Сегодня на вышке я вижу этот шар впервые. Волны, ветер, вода студеная. Но это лишь первое впечатление. Нырять, рассекая дельфины построение купающихся мальчишек. Что я испытал и видел вчера? Будто бы машина атлантов гналась за нами: синий «датсун» го-

тов был перерезать виток серпантина и рвануться нам навстречу.

Это похоже на фантазию. Следа не останется от этих воспоминаний после купания в Амурском заливе. Здесь колючая вода, соли втрое больше, чем в Хосте, на Черном море. Не хватает лишь чуть-чуть тепла. Но это даже неплохо: мне нужна именно такая вода, какая бывает в конце сентября в Японском море, и никакая другая. Днем она прогреется, потому что солнце давно выкатило свой рыжий глаз из-за крутого берега.

Пора вернуться к берегу. Отчетливая и резкая в своей ясности мысль. Пора вернуться. Руки без всплесков входят в воду. Из спортивной гавани вырывается моторка, стремительно приближается к тому месту, где я только что собирался отдохнуть на спине, и перерезает зыбкий мерцающий след, который я оставил в неожиданном рывке. Моторка прошла так близко, что меня качает на гребнях волн. Неожиданный запоздалый страх... Что это? На лодке нет водителя. Ни одного человека на ее борту.

Минуту спустя выхожу из воды, спрашиваю дежурного матроса, не заметил ли он чего-нибудь особенного в этой лодке. Он отрицательно покачивает головой. Рядом мальчишки. Они галдят, о чем-то спорят. Матрос искоса наблюдает за ними. Из-под его бескозырки торчат рыжие непокорные вихры, и мне кажется, что это парик. Неотвязная мысль о парике заставляет остановиться подле него. Мальчишки умолкают, отходят к вышке. Матрос поднимает голову, золотисто-карие глаза его зажигаются от солнца, и он тихо быстро произносит:

— Вам лучше уйти отсюда. Прошу вас.

Не рассуждая, беру одежду, ухожу за парусину, одеваюсь.

Оборачиваюсь. Матроса нет. Он исчез. Бегу по пляжу, стараясь заглянуть за поворот забора, где стоят яхты. Никого! Цепочка мальчишек преграждает дорогу.

Они держат друг друга за руки. И не дают мне пройти дальше, к гавани. Беру одного из них за плечи. И тут же слышу:

— Вам же сказано: уйти! Разве вы не видели черный шар?

Кто сказал? Мальчишка? Нет. Голос тот же, что и у матроса. Кажется, лучше уйти. Разобраться в этом надо позже... на досуге. Меня предупреждают. Поднимаюсь по склону. Вспоминаю, что прибрежная сопка, куда ведет лестница, называется Тигровой. Раньше, в шестидесятых годах прошлого века, когда город начал строиться, здесь, на этой сопке, любили отдыхать тигры. Они наблюдали за происходящим внизу и долго не уступали человеку этого места. Теперь кто-то наблюдал за мной. С того же самого места.

Окидываю взглядом пляж. Мальчишек нет. Зато появились купальщицы в пестрых купальниках. Вот еще несколько человек занимают лежаки. Вернуться? Нет. Нужно спешить в милицию — узнать имена тех, кто погиб вчера.

Я на центральной улице. В моей памяти легкий провал — не помню, как я оказался сразу на оживленном месте у гостиницы «Челюскин». Словно те несколько минут, что я промедлил на пляже, пошли в зачет. Справа должен был показаться кинотеатр «Океан» — бетонно-стеклянный коробок овальной формы. Но я не помню: проходил ли мимо него? Вот уже и кафе «Лотос», оправдывающее свое название, — недалеко действительно цветут лотосы. Иду по тихой улице, где расположен университет. Вниз бежит зеленый распадок, у его устья — чернокорые вязы и акации.

Поворот, еще поворот... Открываю тяжелую деревянную дверь, врываюсь в комнату дежурного, он смотрит на меня круглыми светлыми немигающими глазами, словно тоже хочет произнести: «Вам лучше уйти!» Нет, на этот раз со мной готовы разговаривать. Кто они, эти двое?

Сдержанно и сухо поведал он мне их биографии: жизнь и того и другого укладывалась в несколько строк. Водитель оранжевого «суперберда» — Алексей Груздев, инженер-механик из Находки, автолюбитель, победитель конкурса автоконструкторов, машину собрал своими руками, хотел, видно, доказать, что «суперберд» — марка, вполне достигаемая для умелых рук. В последнее время работал в порту по договору. Родился в Костроме. Это все, что удалось установить. Абашев был не прав: машину вела не женщина, по крайней мере, по установленным данным.

Водитель синего «датсуна» — Дмитрий Томин, эксперт Внешторга, работал во Владивостоке, неоднократно выезжал в Японию и на Филиппины, машину приобрел в Токио, в позапрошлом году был временно лишен прав за превышение скорости, в сгоревшей машине ничего особенного обнаружено не было.

Я еще раз спрашиваю о двигателе «датсуна», прошу показать фото: я уверен, что «датсун» этот шел далеко за пределами возможностей машин этого класса. Увы, двигатель просто рассыпался, никаких заключений на этот счет сделать нельзя. Мои догадки не для дежурного и даже не для Лени Абашева.

Но, правда, нагая истина все же выплывает на поверхность. Прошу фото эксперта Томина. Дежурный скрывается за обитой железом дверью, выносит коричневую папку. Вот оно, фото...

На меня пристальным, немигающим взглядом смотрел Селфридж. Иллюзия была такой сильной, что я вздрогнул. Лицо атланта на фотографии было совсем живым. Выпуклый лоб с продольной морщиной, тонкие губы, сложившиеся в легкую полуулыбку, волевой подбородок с едва заметным шрамом... этого человека уже не было. Дмитрий Томин — его третье имя. Или, может быть, четвертое, пятое? Кто знает?.. Из-за него я приехал во Владивосток, из-за него...

Выхожу на улицу, иду к бухте Золотой Рог, рас-

сеянно оглядываю корабли у причалов. Бухта входит своим синим языком в самый центр города, где высится белое нарядное двадцатидвухэтажное здание и застыли каменные фигуры памятника партизанам.

Среди вязов приморского бульвара стоят столбы света. Поразительно ясный день странен в своей безответности. Все еще жило в памяти: горная дорога с сопками по бокам, падающие в пропасть машины, купание в заливе, моряк с искрами в карих глазах, досужие мальчишки, как смутно вспоминалось, пытавшиеся задержать меня в воде — не дать выплыть в залив навстречу моторке.

С каждым часом тяжелее будет груз памяти. Воспоминания, как сказал один писатель, нечто столь тяжелое, страшное, что есть даже особая молитва о спасении от них. Не эту ли мысль угадали этрусские мудрецы, послав в утешение мне квадрат света? И не только в утешение... Стало легче, совсем легко.

И удивителен был этот сентябрьский день, начиная с этого часа. На дальних сопках за бухтой светились окна домов; за Тигровой сопкой солнце висело уже низко, но лучи его были теплыми, красными — они скользят над горячей красной пустыней Гоби, прежде чем попасть с запада на этот берег. Спешу по низкому мосту над железнодорожным полотном к моей сопке со стеклянным дворцом гостиницы. Поднимаюсь в лифте на свой этаж и узнаю ту самую женщину, что встречала меня ночью в день моего приезда. А я ее как раз хотел увидеть. Радостно киваю ей головой, она тоже улыбается, улыбка эта кажется знакомой...

Прежде чем подать ключ, она говорит:

— К вам гость... гостья. Она внизу, скоро поднимется к вам.

И на открывшемся запястье ее, чуть ниже рукава блузки, брызнул светом зеленый камень.

НАТЮРМОРТ С КАЛИНОЙ И НЕФРИТОВЫМ КУБКОМ

Легкий стук в дверь. Прошу войти.

Глаза сестры кажутся темными, глубокими, глянец душистых волос над высоким лбом отражает едва заметно оранжевый свет заката в окне...

— Где ты пропадала?! — воскликнул я радостно.

— Где ты была, киска? — промолвила она вполголоса. — Была у королевы английской... Что видала при дворе?.. Видала мышку на ковре.

А за окном — ветреный таинственный закат с малиновыми облаками, серой потемневшей травой, ропотом деревьев под окном, длинными, мечущимися по земле тенями. Мы сидим с ней за столом, накрытым синей скатертью. Ей необыкновенно идет строгое выражение лица. Я говорю это вслух. Она даже не улыбается. Снова стук в дверь. Сестра говорит:

— Это ко мне. Я открою дверь сама... — Она оставляет меня за столом, подходит к двери, и ей что-то передают из рук в руки. Там мелькнул зеленый камень и рукав светлой блузки. Появилась ваза с ягодами и кубок. Она возвращается с этими дарами, но меня не удивить инопланетными странностями. Она говорит:

— Это калина. А кубок из нефрита.

— Так я и поверил...

И тут она едва заметно улыбнулась.

На синей скатерти перед нами — глиняная ваза, доверху наполненная калиной, и темно-зеленый кубок. Тени от вазы и кубка размыты: свет вокруг необыкновенно мягкий, и когда ветви деревьев за окном кланяются ветру, летучий узор скользит по серо-зеленой стене. Я украдкой рассматриваю выпуклые линии ее платья с малахитовым отливом.

Беру из вазы ягоду... нет, не беру, потому что ягода какая-то не такая, она очень тяжелая и остается в вазе.

— Что это?

— Видишь ли, это не простые ягоды... А дело вот в

чем. Наш десантный бот приземлился в укромном месте, в узком распадке, и был хорошо укрыт от посторонних взглядов. Вдруг утром, когда экипаж покинул его, на распадок опустили металлический каркас и бетонные конструкции. Когда экипаж вернулся, он буквально не узнал места, где спрятан был корабль. Там высился купол. Оказалось: сооружение возведено по проекту Дальшахтстроя за один день. И бот оказался замурованным в распадке, который был перекрыт для эксперимента с солнечными нейтрино... можешь представить?

— Представить трудно. Кому понадобился распадок?

— Дальневосточному филиалу Академии наук. Бот они не заметили, потому что мы применяем электронный камуфляж...

— Я это знаю. Сквозь ваш корабль видно все, как через стекло.

— Нужно вывести бот наверх. Но мы не имеем права трогать все эти металлоконструкции. Так запрограммированы и наши роботы. Если даже мы дадим команду разобрать перекрытие над распадком, они откажутся. И это будет точным соблюдением наших собственных правил и принципов отношений с людьми, с планетой.

— Но вы потом все восстановите!

— Да. Но роботы все равно откажутся.

— Ну, знаете... покорители космоса! Вам далеко еще до атлантов. Боюсь, им удастся перенести на свою планету все, что сделано человеком за тридцать тысяч лет, а вы останетесь тому свидетелями.

— Это не так. Ты это знаешь.

— А как же принципы? Разве они позволяют вам бороться?

— Перестань.

— Но это правда! Они уже унесли память об Атлантиде. Уверен, что на месте битвы этрусков и атлантов в Сангарской долине не найти сейчас даже наконечника

копья! А вы размышляете, можно или нет притронуться к металлической ферме...

— Нельзя быть не правым во имя правды и правоты... Скажу более: мы думаем, что перекрытие — дело рук атлантов. Не они, конечно, придумали его, но они ускорили всю работу там, в распадке, они помогали строителям, оставаясь невидимыми. Да, мы знаем это почти наверняка. Но это не дает нам прав сверх тех, что мы сами определили на этой планете... Даже когда мы бессильны на первый взгляд, мы ищем выход — и находим его. Сейчас нам поможет ты. Если команду роботам подаст человек этой планеты, они выполнят ее. Так они настроены и запрограммированы.

— Буду рад помочь... если только в этом все дело.

— Ягоды — это особые точки, связанные с тем пространством... они точно клавиши, передающие сигналы... И кубок — тоже. Попробуй его поднять.

— Не могу. Он невероятно тяжел.

— Да. Он весит двадцать тысяч тонн, но покоится, едва касаясь стола и синей скатерти. Передвинув его, ты подашь команду роботам и одновременно на условном языке расскажешь им, как выполняется работа. Каждая ягода — один из этапов этой работы.

— Понимаю. Но как я сдвину кубок, если даже ягода слишком тяжела для меня?

— Я сниму блокировку. И он станет легким...

Я крепко сжал каменный кубок. Он был все еще очень тяжел. С трудом придвинул я его к чаше. Показалось, что между камнем и керамикой проскочила белая искра до того, как они соприкоснулись.

— Распадок открыт, — сказала сестра. — Три минуты вполне достаточно, чтобы корабль поднялся, ушел из расщелины, в которой он прятался до сих пор. Теперь надо закрыть распадок, вернуть все на свои места. Поставь кубок поодаль от вазы.

Я передвинул кубок по столу, и мне показалось, что опять проскочила искра между камнем и керамикой, —

сверкнул огонь, но теперь был он изумрудного цвета. На синей скатерти я увидел выпавшую из чаши ягоду. И, словно угадывая мою мысль, сестра сказала:

— Теперь верни в чашу выпавшую ягоду. Это будет означать конец программы и разрыв связи между кубком и перекрытием.

Я взял ягоду и положил ее на горку таких же темно-красных ягод. И опять показалась искра, точно сверкнул багровый глаз зверька, преследуемого огнем.

— Все, — произнесла она. — Ты помог нам.

— Пустяки.

— Спасибо тебе.

— Ты что же, собираешься исчезнуть?

— Есть несколько минут. Я рада, что увидела тебя.

— Несколько минут... — повторил я машинально и подумал, что большего я не заслужил. — Этот ваш маленький корабль, бот или как вы там его называете... был нужен для операции «Суперберд»? То есть для того, чтобы защитить Леню и меня?

— Не только для этого...

— Расскажи еще о самом начале...

— Видишь ли, мы знали о чужих кораблях раньше... С удивлением обнаружили следы посадки на Землю в разных местах, в том числе и на побережье. Никто не имел права оставлять инопланетных следов — и все же это было фактом. Фактом для нас. Если бы это стало фактом для вас, то последствия никто не смог бы предвидеть. Одно это меняет судьбу цивилизации. Борьба за контакты перерастает в гонку, найдутся люди, готовые сделать на этом бизнес. Что в этом отрадного? Разве мало уже на планете дремлющих ядерных левиафанов?.. Атланты пробрались в Сангарскую долину, на место старой битвы. Здесь впервые им было оказано сопротивление — незримое, но серьезное.

— Значит, там, в Сангарской долине, они как бы вторично потерпели поражение? Десять тысяч лет спустя после той битвы, так?

Не надо громких слов. Тем более что тысячелетия спустя не имеет такого решающего значения — факт военной победы или поражения. Предки одержали победу над страшным и сильным врагом, они проявили стойкость и мужество. Но для будущего важнее наша невидимая работа в Сангарской долине и других местах. Они пытаются похитить памятники самого древнего периода Этрурии, клады хаттов и хеттов, трипольских славян и филистимлян, рутенов и даков, балтов и готов. Именно из-за их экспедиций в истории хаттов, славян и колоний русофиникийцев зияет провал. Кто они, сыны леопарда? Росены, расены, русичи. По крайней мере, так можно объяснить это, исходя из истории Восточной Атлантиды. Недавно оказалось, что это половинчатое объяснение. Имя народа берет начало из двух больших истоков. У русских это росены-русичи и руштии-пахари. Руш, раш — так звучали слова «хлеб», «зерно» у этрусков. Леопард-рыс и хлеб-руш дали имя народу.

— Эти два истока должны быть схожими, созвучными...

— Так и было.

— Где они сейчас?.. Где прячутся большие корабли атлантов?

— Везде. На своей планете. На Земле. На Венере.

— На Венере?

— Близ Венеры обнаружены их орбитальные станции, искусно, впрочем, закамуфлированные. Выглядят они как... базальтовые глыбы. Но именно там их главные базы и причалы. Оттуда выходят в экспедиции их десанты.

— Венера, по верованиям древних, — планета, помогающая магам.

— Не все, что делали и делают атланты, напоминает черную магию. Они первыми открыли целебные свойства змеиного яда, у них была письменность, они строили каналы, гавани, дворцы и храмы — и все это две-

надцать тысяч лет назад. Сейчас они маги в области техники.

— Я это знаю. Что нас ждет?

— Борьба.

— Заклинаю: дайте мне оружие.

— Видишь ли, это сложно... И атланты и мы применяем волновое оружие. Действие его носит туннельный характер: оно не обнаруживает себя в пространстве до тех пор, пока не достигнет зоны действия. Тогда вдруг разрывается привычная связь, даже временная последовательность событий. Даже мелочи оказываются исполненными скрытого смысла... У атлантов под горячей пустыней Венеры, в глубоких катакомбах, напоминающих каньоны и карстовые пещеры, укрыты мастерские и ангары. В планетных разломах горят искусственные огни и текут искусственные ручьи. И племя карликов мкоро-мкоро, переселенное с другой планеты, ютится там в небывалой тесноте. Карлики плавят кристаллы и куют металлы для волнового оружия атлантов.

— Чего хотят карлики мкоро-мкоро?

— Не знаю. Но атланты верны себе: они принуждают других работать во имя своих интересов.

— Еще вопрос. Тогда, на побережье, они знали уже, с кем имеют дело?

— Они обнаружили наши корабли на окололунных и марсианских орбитах.

— Они сбили бот, — сказал я. — Селфридж был атлантом, во всяком случае, этот доблестный офицер присвоил себе чужое имя, чужую судьбу и, возможно, убил своего предшественника. Вы уже знаете это... или нет?

— Да, но помог нам ты.

— Хорошо, что научились читать мысли с помощью светового кода.

— Мысли передаются чаще всего не кодом, а непосредственно, трансляцией образов. Иначе говоря, нет таких посредников, какими являются слова в языке, по-

рой не только ограничивающие возможность обмена мыслями, но и прямо искажающие смысл, содержание. Код нужен для передачи некоторых абстрактных понятий, он является вспомогательным средством, как, например, линейки в тетради для письма.

— Недаром, оказывается, слова «свет» и «мысль» издревле рядом. Вот на чем основана техника телепатии!

— Есть еще одна возможность. Свет фонаря, горящей спички или автомобильной фары хаотичен, число фотонов, испускаемых в единицу времени, случайно, хотя и близко к какому-то среднему. Поэтому фотоны могут образовать последовательность, похожую на сигнал. Такой случайно возникший сигнал может длиться, скажем, всего одну сотую долю секунды, но для нас этого может оказаться вполне достаточным.

— Скажи, задержка вашего бота в распадке... помогла атлантам?

— Разумеется. Это означало еще одну их экспедицию по сбору материалов о прошлом, как они это называют.

ТРЕЗУБЕЦ НЕПТУНА

Около восьми утра позвонил Ленья. Мы должны были осмотреть раскопки палеолитической стоянки.

— Километров четыреста. Три часа езды.

— Ленья, ты преувеличиваешь возможности твоей машины. И свои — тоже.

— Нет, — лаконично парировал он выпад.

Я собираюсь. Вспоминаю, что палеолит — это канун великой Атлантиды. Теперь, когда атланты вернулись и похитили многое из того, что могли раскопать ученые близ их метрополии, остается одно: надеяться на косвенные доказательства. Об Атлантиде могут рассказать океанские отложения, частицы вулканического пепла, сохранившиеся в земле, камни, отшлифованные рукой

человека. В простой глиняной фигурке я смогу увидеть след влияния другой, далекой культуры. Рисунок на глиняном черепке подскажет, куда приставали древние корабли, как выглядели пришельцы, высаживающиеся на берег. Даже раковины и моллюски, служившие лакомством в незапамятные времена, красноречиво свидетельствуют о многом. Существует целая наука о раковинах моллюсков — конкология. Тихоокеанские раковины каури найдены в скифских курганах. Раковины из Атлантики — уж это-то я давно знал назубок — находят в этрусских гробницах. В Крыму обнаружены гости из Индийского океана, окаменевшие останки пантеровой ципреи и близких к ней видов.

Разговор с Леней в машине:

— На Японских островах найдены черепки глиняной посуды, изготовленной тринадцать тысячелетий назад. — Я откидываюсь на спинку сиденья и вполголоса добавляю: — Это предшествует расцвету Атлантиды на другом конце земного шара.

— Откуда ты это знаешь? — неожиданно спрашивает Лenea, не поворачивая головы, и сам себе отвечает: — Впрочем, ты ведь археолог...

— Жаль, но археологи об этом даже не слышали.

— Как это?

— А так. Об Атлантиде написал Платон. И все. Никто из археологов не принимает всерьез им написанное.

— А ты?

— Я верю ему.

— Мне говорили, что на нашей стоянке тоже обнаружены какие-то древности. Им десять тысяч лет или даже больше.

— Это время атлантов. — И я ловлю себя на мысли, что подчеркиваю, как будто нарочно, свою приверженность теме Платона, но в конце концов Лenea не сможет догадаться, какие у меня на этот счет есть основания. Жаль, что нельзя с ним поделиться всем, что я

знаю. Он не поверит. Я сам иногда спрашиваю себя: уж не привиделось ли все это во сне?

И вот вдали лагерь археологов: брезентовые палатки, рубленый дом поодаль, дым из трубы которого стелется над пихтовой рощей.

Роща подступает к реке, оставляя то тут, то там лужайки, поляны, галечники. Выше по течению угадывается обширное болото.

— На этой террасе нашли сразу две стоянки, — поясняет Ленья.

Он останавливает машину. Мы бродим по лагерю никем не замеченные. Потом проглядывает солнце сквозь белесую пелену, и к нам подходит бородач с пустым закопченным котелком в руке. Ленья здоровается с ним. Бородач отвечает кивком. Ленья провожает его до реки, потом возвращается, ведет меня дальше, к самой стоянке. Бородач возвращается, показывает пластины и заготовки из обсидиана, ножи и остроконечники. Темный блестящий камень гладок и прохладен на ощупь. Попадаются пластины и резцы почти прозрачные, светлого, дымчатого цвета.

— Похоже на ювелирные поделки, — говорит Ленья.

— Это древняя дальневосточная традиция обработки камня. — Бородач любит вместе с нами скребками и наконечниками копий, показывает бусины из воскового агата, оникса, почти прозрачного опала.

— Им больше десяти тысяч лет, — произношу я вслух.

— Около пятнадцати тысяч лет, — поправляет бородач. — Кое-что пропало. Пашня отняла у нас самый верхний горизонт. Культурный слой был нарушен... и все же это настоящий палеолит. А чай, наверное, уже готов. Приглашаю. — Он сделал любезное движение рукой.

У костра я невзначай спрашиваю его о самых интересных находках. И он вдруг изменившимся голосом говорит о раковинах пантеровой ципреи.

— И они были найдены здесь?! — восклицаю я не без удивления. — Это ведь моллюск из Красного моря или Индийского океана!

— Да, найдены, — произносит бородач потухшим голосом. — Но представьте, ящик с этими раковинами и гончарными изделиями пропал по дороге в город.

— Как это пропал? — тихо спрашивает Ленья. — Ты нам, Николай Трофимыч, сказки не рассказывай. Почему же я этого не знал до сих пор?

— Да потому, что случилось это три дня назад. — Николай Трофимович разливает чай по кружкам, шарит в рюкзаке, достает банку с медом, угощает: — Наш, дальневосточный.

Я стараюсь не выдать волнения. Пантеровая ципрея — свидетель неведомых путей древних мореплавателей. Глиняный черепок говорит об очень ранней культуре, быть может, более ранней, чем на побережье Атлантики. Или... или это следы дальних экспедиций самих атлантов. Следы. И они теперь уничтожены.

— Как же так? — говорю я, выразительно глядя на археолога. — Вы хоть представляете, что эти находки означают?

Ленья дергает меня за руку: слишком резко, мол.

* * *

...Когда уже в городе я узнал о похищенииклада чжурчжэней, знакомое ощущение пришло ко мне и больше не покидало: я стал свидетелем преступления. А следы прошлого вели к истокам древнейших цивилизаций, к неолитической революции, всколыхнувшей сознание человека и человечества.

...Вместе с Леней Абашевым мы обошли стенды музея, где хранились изделия искуснейших мастеров Дальнего Востока. Тонкие железные ножи, иглы, топоры наводили на мысль об артистизме этих мастеровых, об удивительном проникновении в тайны материала.

Лезвия были изящны, а наконечники сохранили свою форму, несмотря на то, что последний из здешних умельцев-чжурчжэней был полонен еще монголами.

Мы прошли в запасник музея, и седая представительная женщина рассказала о кладе чжурчжэней, который неожиданно исчез. Что было в том кладе?.. Она по памяти стала перечислять ювелирные изделия, серебряные фигурки, предметы быта. Не было ли там фигурки с шестнадцатью лепестками наподобие ромашки?.. О, такая фигурка, кажется, была. Точно ли было именно шестнадцать лепестков в этом металлическом цветке?.. Да, шестнадцать.

Леня смотрит на меня с почтением и некоторым удивлением, хотя лицо его со стороны могло бы показаться невозмутимым. Но меня не проведешь. Я уловил заинтересованность Лени и спокойно объяснил ему спустя пять минут после разговора:

— Это же стилизованная японская хризантема! Вполне понятно, что чжурчжэни были с ней хорошо знакомы.

Но я умолчал о другом. Одновременно это был знак стилизованного Солнца. Тот же рисунок сохранила серебряная финикийская ваза, которой без малого три тысячи лет, и ваза, найденная на Кипре, и этрусский фонарь из Кортоны. И те же шестнадцать лепестков были обнаружены на «солнечных камнях» в Бразилии, на Канарских островах и в других местах побережья Атлантики. Внешне типичные японцы и баски похожи, это доказал еще этнограф Йошитоми. Можно говорить и о сходстве обоих языков. Атлантолог Коллингтон доказывает, что индейцы Гватемалы говорят на языке, очень похожем на язык басков. Негры одного из африканских племен без переводчика понимают японцев.

И здесь нити вели в Атлантиду. Или, точнее, в Атлантику и Средиземноморье. Точно для гигантских волн судьбы, разбросавших причудливо творения рук человеческих и сами человеческие племена и языки, не было

преград. Но это никакие не волны, вот в чем дело. Все гораздо проще... И опять сжалось сердце: сокровища исчезали в далеком приморском городе — еще одна причина моего здесь пребывания.

В фондах Приморского музея хранились костяные изделия керекской культуры из пещеры Омаян. В самом быте кереков много сказочного, необъяснимого. Усопших они отдавали морю. Их жертвенники были уставлены врытыми в землю китовыми челюстями, каждая из которых была окружена моржовыми черепахи. Женщина показала нам следы ног духа-хозяина этих мест.

— Но это след человеческой ноги, увеличенный вдвое! — воскликнул я.

— Нет. Этот след оставил жрец, — ответила женщина. — Он скопировал его с неведомого нам эталона.

— Похоже на след бигфута, пресловутого снежного человека, — заметил Абашев.

— Возможно, — сказала женщина. — Мы точно еще не знаем. Ведь некоторая доля невежества обязательна для исследователя. — А я подумал невольно о жребии, который мы выбираем или который нас находит сам: ее жребий — быть хранительницей старых слов, обрядов, вещей, незапамятных историй.

От нее я услышал о стоянке Ушки. Возраст ее точно соответствует катастрофе в Атлантике. Люди жили здесь десять с половиной тысяч лет назад. В обширном поселке найдены остатки семнадцати жилищ. У некоторых есть входные коридоры, каменные очаги. Обитатели этого камчатского поселка охотились на лошадей, бизонов, лосей, разводили домашних собак и добывали лососевых. Потребовалось две тысячи лет, чтобы лишь незначительно усовершенствовать орудия. В этом я видел влияние катастрофы.

Пока Абашев расспрашивал женщину о двойных наконечниках стрел и рыболовных снастях кереков, я вспоминал:

снимок дна Атлантики в районе горы Ампер, который обошел прессу и вызвал сенсацию; можно подумать, что на снимке запечатлена каменная кладка атлантов, так отчетливы, геометрически правильны линии на фото;

неудачи, постигшие подводников, которые повторно хотели сфотографировать склон горы, исчезновение каменной кладки, новые неудачи экспедиции в этом районе;

множество наземных метеоритных кратеров близ американского города Чарлстона, расположенных как бы вокруг некоторого центра в океане, в районе Бермудского треугольника, и гипотезу, согласно которой огромный метеорит или астероид массой два биллиона тонн рассыпал горячие осколки, разделился перед падением на две примерно равные части и оставил двойной след на дне океана в виде глубоких впадин, которые легко и сейчас обнаружить на карте, и эти именно впадины являются центром тяготения осколков близ Чарлстона;

египетские легенды о змее Апопе и борьбе его с богом Солнца: выплеснувшуюся вверх от удара астероида раскаленную магму, похожую в самом деле на гигантского змея, вынырнувшего из глубин морских;

слова скандинавской пророчицы Вельвы: «Великанов я помню, рожденных до века, помню девять миров и девять корней и древо предела, еще не проросшее. В начале времен, когда жил Имир, не было в мире ни песка, ни моря, земли еще не было и небосвода, бездна зияла, трава не росла»;

шестнадцать лепестков-лучей вновь ожившего Солнца;

девять миров, девять корней и девять островов атлантов, древо мира, ясень Иггдрасиль, по стволу которого снует резвая белка Рататоск. А над ним парит священный орел, птица мудрости, чьи слова белка передает вниз, дракону, — и древо мира в «Слове о пол-

ку Игоре́ве», где сизый орел и мысль-белка, которая по древу «растекается», свидетельствуют о мудрости певца Бояна.

* * *

Но когда-то дерево мира существовало. Тогда Азорские острова были намного выше и больше по площади. Они были центром империи атлантов. Еще и сегодня остров Пику возвышается на два с третью километра над уровнем моря. Его главный вулкан достигал раньше отметки пяти с половиной километров. Огнедышащая гора была видна со всех сторон, с расстояний более трехсот километров, и была она зеленой от субтропической растительности внизу и альпийских лугов вверху, а вершина ее курилась, и дым поднимался чуть ли не до стратосферы. Призрачно-яркий зелено-желтый столб дыма как бы продолжал гору, образуя ствол мифического дерева мира. Три корня этого дерева были хорошо заметны издалека. Это острова Пику, Сан-Жоржи и Фаял. Тогда не было проливов между ними, и горные кряжи, выступавшие из воды, действительно дали повод назвать их корнями. А другой миф говорит о трезубце Нептуна, или Посейдона. Ибо те же острова были похожи на гигантскую скалу-трезубец.

Согласно китайской легенде полководец Кун-Кун, проиграв сражение, в отчаянии бьется головой об исполинские бамбуковые столбы, поддерживающие небесный свод. Невиданная толщина и прочность этих столбов ко времени события уже вошли в поговорку. Голова воина, как и подобает, оказалась крепче бамбука. На месте поверженного столба образовалось отверстие в небосводе, из которого хлынула вода. Так начался потоп.

...Я листал книгу с музейной полки. Запомнился чукотский миф о Вороне, добывающем свет. Сначала куропатка, или зимушка, продалбливает зарю. В образовавшееся отверстие проникает Ворон. Попадает он в дру-

гую вселенную — мир кэле. У дочери кэле Ворон выхватывает мячи, которыми та играла. Расколов эти мячи, кловом, птица освобождает Солнце, Луну и звезды.

Нет, не всегда светило людям солнце! О том же говорят легенды юкагиров, алеутов, коряков, ительменов. Но здесь, на Дальнем Востоке, образ похитителя Солнца и света иной. Нет и в помине огненного змея, потому что не нашлось очевидцев катастрофы. Светящийся болид, затмивший светило, и многокилометровая струя магмы, поднявшаяся вверх, не были видны отсюда.

...В ярком свете резко проявляются контуры на скальных изображениях, перенесенные на бумагу рукой современного мастера, плохо чувствующего звериный стиль давно минувшего. И только для меня скользят волнующие тени, трепещет пламя костра на ветру, сначала едва слышно, потом громче звучат тамтамы, и охотник на каменной стеле напрягается — я вижу его в пластичном рывке с копьём в руке... Отсветы на мертвом камне, желтые и знойные; мерцают ожерелья и сердоликовые бусы, тяжелые подвески, яшма и аметист, алые корнеолы и синие камни бессмертия. Пробегают тени, я узнаю три древние расы — карликов, великанов, людей. Великаны атланты утонули в поднявшихся волнах. Люди остались, чтобы рассказать потомкам о борьбе богов и титанов. Карлики ковали оружие тем и другим. Кто осмелился подняться против атлантов? Боги. Их звали, правда, этрусками.

Часть четвертая. ЗАПАДНЯ

ХОСТА

Первого октября похолодало. Только в Находке, за горами, было еще восемнадцать градусов, там купались. Абашев сказал, что поедет в Находку.

— Зачем? — спросил я.

— Отдохнуть, — ответил Абашев с такой интонацией, будто он смертельно устал. Наверное, так оно и было.

Что ж, в этом была доля моей вины. Меня преследуют случайности. Лучше уехать, кто знает, что может произойти завтра — с ним и со мной. Так я оказался у авиакассы. Моя командировка кончилась. Нужно было выбирать: лететь в город детства, на север, где еще прохладнее, или... Минута замешательства, потом твердым голосом я произнес:

— Один билет на Сочи найдется?

Повезло: билет нашелся. Я позвонил Лене, сказал, что лечу отдыхать. Он заявил, что отвезет меня на аэродром.

— Ни за что! — воскликнул я. — Доберусь автобусом. Билет на экспресс уже на руках.

Он все же приехал вечером. На нем были походные брюки, шнурованные светлые ботинки, краги, куртка. Выглядел он таким молодцом, что я едва не согласился поехать с ним. Но вовремя одумался. Я не имел права подвергать его риску.

Он подвез меня к вокзальной площади. Мы ждали экспресс. Но его не было. Пришел обычный рейсовый автобус. Попрощались. Моросил дождь, и сквозь слепое стекло я видел его у машины. Он махал рукой, и движения его были как в замедленном фильме.

Автобус долго трясся на плохом шоссе, неведомо как

проскочил поворот на аэродром, я стал волноваться: не опоздать бы к рейсу! Но вот вдали показалась синяя вывеска аэропорта, знакомое застекленное здание, машина лихо подскочила к самым дверям, я вышел, обогнал попутчиков и забросил чемодан на весы.

За стеклом на дороге в свете фонарей едва различалась фигура верхового, а рядом с ним шли двое, и один из них держал коня под уздцы. Как на этрусской фреске «Кампана».

На фреске изображены древние мои знакомые. Впереди мужчина с топором на плече. За ним рослая женщина со вздернутым носом ведет под уздцы коня. Мальчик, сидя на коне, держится рукой за мать. Другой рукой он держит за поводок молодого леопарда, сидящего за его спиной, на крупной лошади. Леопард доверчиво положил лапу на плечо мальчика. За лошадью бежит собака. Мужчина на этой фреске чем-то похож на Леню Абашева. Наверное, у него будет такая же добродная жена. И сын его будет похож на мать. Эта мысль позабавила меня: не лучше ли вместо того, чтобы вызывать из прошлого дух неизвестного этруска, перенести туда Леню с его автомобилем?

В салоне был приятный полусумрак, и я заснул под рокот всех четырех моторов. Полусонный, я выходил в Хабаровске и в Благовещенске, затем в Иркутске, и везде было холодно и темно. Мы летели на запад, и утро не могло нагнать нас. Это была самая долгая ночь в моей жизни. Над Иркутским аэродромом парил яркий белый огонь, похож он был на звезду, но несравненно ярче. Когда он вырос, превратился в шар и завис над головой, сосед по креслу произнес, нагнувшись к моему уху:

— Спутник, наверное.

Я не стал возражать. Шар вскоре исчез, растаял, а мы двинулись к самолету. После Челябинска самолет взял курс на Свердловск, потому что кончилось горючее. Там шел снег. Ветер рвал полы моего плаща, а я

думал о море. Неплохо, что я уже почти в Сочи. Почему-то не верилось, что там тепло. Но когда мы приземлились, я убедился, что субтропики не подвели: плюс двадцать один, как всегда в октябре... Такси — и новёе шоссе с эстакадой...

Вечная проблема: где остановиться? Не люблю заранее бронировать номера в гостиницах, слать просительные телеграммы, хлопотать. И потому крепко мне достаётся в приморских городах, особенно в первые дни. Как ни отнекивался я, но общество книголюбов выручило меня во Владивостоке. Теперь выручать было некому.

Оставалось вспомнить последний день моего отъезда из Хосты в прошлом году. Тогда, после исчезновения моей знакомой из Новой Этрурии, я провёл на море три дня. В последний день я заметил гостиницу, спрятанную в роще.

Случилось так, что самолет мой не улетел тогда в час дня, рейс отменили, а в справочном бюро аэропорта объяснили любезно, что о регистрации будет объявлено через два часа. Я сдал чемодан в камеру хранения и опять подошел к справочному окошку.

— Через два часа? — допытывался я на всякий случай. — Это начало посадки? Или регистрации?

— Ни то ни другое, — ответило окошко. — Через два часа объявят, когда начнется регистрация.

— Только объявят... — разочарованно протянул я.

— Почему только, — возразили мне. — Объявят!

Что можно сделать за два часа? Заглянуть на базар рядом с аэровокзалом. Наведаться в магазин. Занять место в кресле, если повезет, и просидеть в нем эти два часа и еще столько часов потом, сколько прикажет погода в аэропорту назначения.

Это не для меня. Я вышел на площадь, сел в такси и на вопрос шофера, куда ехать, ответил:

— К морю. Направо, потом — к самому берегу.

— Значит, в сторону Кудепсты, — уточнил водитель.

Мы неслись по новому шоссе, которое напрямую свя-

зывает аэропорт с приморским городом. Но тогда это шоссе местами еще не было готово, и мы свернули с полотна вправо, с минуту петляли среди пыльных придорожных кипарисов, крохотных домиков, нашли старый мост через речку и устремились в объезд неготового участка шоссе. Тут я и увидел вывеску: «Привал». И буквы помельче: «Гостиница».

— Попасть туда можно?

— Под Новый год, наверное, можно, — ответил шофер.

Сам по себе этот дом, утонувший в зелени, тогда не заинтересовал меня нисколько! Вот гостиница скрылась, мы миновали поворот — две минуты, и под колесами шуршит галька. Мой замысел прост: шофер ждет в машине, я раздеваюсь, радуюсь октябрьскому солнцу, плаваю, пока счетчик такси глотает минуты и выплевывает их в виде цифр на табло.

Излишне, наверное, говорить о том, что я опоздал на самолет. Впрочем, не из-за моей забывчивости. Отлет объявили через два часа, как мне удалось узнать в окошке.

— Через два часа даже посадки еще не должно быть, — растерянно возразил я. — Что же делать?

— Не советую догонять взлетевший самолет, — ответила женщина, — лучше подождать.

— У меня ни рубля. Как нарочно, решил покататься напоследок на машине.

— Придется пешком...

Вот почему я надолго запомнил и экскурсию к морю, и такси, и гостиницу, и посадку. Сжалившись, пустили меня все же в самолет без доплаты.

* * *

Я снова проезжал мимо той самой гостиницы.

— Останови! — попросил я шофера. — Я ведь дикарь, путевки у меня нет, мама, папа в профсоюзах не

работают, отсюда — необходимость быть вполне самостоятельным.

— Понятно, — сказал шофер. — Подождать?

— Ну да. Я мигом. — А сам в вестибюль, к администратору.

— Нет мест, — ответила она.

— Совсем нет? — пророкотал рядом с окошком брюнет в темной сорочке с белым галстуком и черным пиджаком через плечо.

Пауза. Молчание. Я отхожу от окошка. Отхожу — и краем глаза успеваю заметить, как белый галстук этот протягивает документ. Но в ту же секунду паспорт его вылетает из окошка назад. Две красные купюры, заложенные в нем, начинают порхать по вестибюлю, как субтропические бабочки. Брюнет ловит их, загровок его багровеет. А я решаю: мест действительно нет.

ЭТРУСКИ НА ОГНЕВОМ РУБЕЖЕ

После красноречивой этой сцены я повернулся, взял чемодан и пошел прочь из вестибюля. Не успел я сделать и трех шагов по дорожке, усыпанной мелким гравием, как меня дернули за рукав. Оглянулся — мужчина в форменной тужурке с аккуратным пробором седых волос с заискивающей интонацией:

— Для вас место найдется. Я побеспокоюсь...

С минуту размышляю. Он повторяет вполголоса, доверительно, что раздобудет место хоть из-под земли. В этой именно гостинице. Готов поддаться на его уговоры, еще раз окидываю его взглядом. На бледном лице выражение угодливости. Никак это не вяжется с только что виденным. Странные у него глаза. Решаю, что он выпил ради субботы, морочит мне голову да еще надеется на магарыч. Настойчивые просьбы поверить ему не рассеивают сомнений. Поверить ему? Ни за что!

Упрямство — не лучшее из моих качеств. Оно ведет

меня к черной «Волге». Это не такси. Все равно. Поднимаю руку, за стеклом — энергичный кивок, дверца открывается сию минуту, как будто там, в машине, ждали моей просьбы подкинуть в Хосту.

Взлетаем на шоссе, с эстакады видно море, серозеленое, беспокойное, но наверняка теплое. Спрашиваю водителя о погоде. Он говорит, что в конце сентября, как это часто здесь бывает, штормило, лили непрерывные дожди, гуляли над городом ветры.

— Второй потоп... — вполголоса замечаю я. — Но теперь здесь хорошо...

— Где остановиться? — Вопрос этот он мог бы и не задавать, потому что машина уже затормозила на вокзальной площади.

— Здесь, — отвечаю я. — Вы угадали. — И протягиваю ему сложенную зеленую бумажку, но он делает рукой движение, означающее, что денег с меня не причитается.

Что бы это могло означать? Провожая машину взглядом и начинаю соображать, что инстинктивно выбрал обычную свою исходную точку. Отсюда две дороги — к вокзалу, где загорелые домовладелицы предлагают комнаты и койки, и к знакомому месту на горе, куда ведут сто двадцать ступенек. Чемодан в этом случае следует оставить в камере хранения. Как когда-то.

Бреду по улице с фруктовыми магазинчиками, ларьками со столовыми винами в разлив и на вынос, застекленным курортторгом. Останавливаюсь у тира.

Хочется расхохотаться. Петлял я как заяц и, сделав петлю времени, снова вернулся к старым рубежам моих приключений.

Покупаю свинцовые пули для духового ружья. Цельюсь в яблочко электронной мишени. Рядом со мной — сетования на сбитый прицел. Ну что ж, если в этом тире подают ружья со сбитой мушкой, попытаем все же счастья. Бью в десятку двенадцать раз. Промахов нет, в чем я лишний раз убеждаюсь, когда кладу винтовку

на полку и ловлю удивленный взгляд коренастого хозяина тира.

— У вас есть деньги? — спрашивает крепыш ошарашенно.

— Разумеется, — говорю я.

— Не попробовать ли вам сбить вон тот самолет. — И он показывает рукой на дюралевый аэроплан, подвешенный на тросе. — Знаете, сегодня только трое смогли попасть в этот моноплан, это самая трудная цель в нашем тире. И не только в нашем. Даже в Сочи стрелять неинтересно после того, как вы собьете эту мишень... кстати, за попадание полагается премия — еще один выстрел.

Все это он выговорил одним духом, глядя мне в глаза и одновременно давая жестом понять посетителям, что сетования на плохие ружья обижают его.

— Что ж, — говорю я ему. — Риск невелик. Но ведь если я попаду, то деньги не пропадут, и я получу право еще на один выстрел, так?

Он растерянно мигает, соображая, не валяю ли я дурака. Что ж тут прикидывать, папаша, я действительно валяю дурака, у меня отпускное настроение, несмотря на мелкие неприятности.

Мой выстрел заставляет самолет тревожно выть, он слетает по стальному шнуру вниз, ударяется о пружину, и в тот же момент автоматически включается браваурный марш. Первое попадание.

Несколько прохожих остановились у тира, румяная от солнца блондинка в шортах заглянула в открытую дверь, тоже остановилась. Хозяин сам заряжает винтовку, подает мне, утвердительно кивает. Ни звука — лицо его становится важным.

Самолет медленно поднимается на свою позицию. Прикладываюсь к легкому теплему ложу, нажимаю на спуск. Все повторяется. Самолет гудит, гремит музыка в мою честь, на этот раз — первый Бранденбургский концерт Баха. Это подкупает. За спиной собирается на-

род, публика. Морской воздух всегда действует на меня так, что я не узнаю себя подчас. Еще выстрел. Снова попадание.

Откладываю ружье с гримасой: неинтересно. Но кто-то за моей спиной требует продолжения:

— Bravo! Еще разок, пожалуйста!

Ну что ж, нужно продолжить. Времени у меня хоть отбавляй. И проблема вполне конкретная, имеет только одно решение. Спорт.

Четыре попадания подряд. Блондинка зовет свою подругу:

— Ты посмотри, Таня, как он стреляет! Ни одного промаха!

Еще пять попаданий. Нужно бы кончить забаву, как-никак она привлекает к моей персоне внимание. Но не могу. Не могу — и все тут! Снова вой сбитого самолета и музыка, восхищенные возгласы, хмыканье одного из оппонентов, впрочем, вполне понятное: он не попадает даже в тройку электронной мишени.

Хозяин тира с изумленно-растерянным лицом, чисто выбритым, потным, загорелым, заряжает ружье и подает его мне так, как будто это музыкальный инструмент, флейта, например. Еще несколько выстрелов, после которых я решаю: пора промазать хоть один раз, чтобы уважаемый публикум меня наконец отпустил. И в этот момент я слышу возглас:

— Ого! Этруски на огневом рубеже!

Делаю вид, что прицеливаюсь, а сам ищу зеркало. Вот оно, немного влево; и я вижу отражение в нем двух старых знакомых. За ними — третий. На них сиренево-лиловые рубашки и джинсы, на том, что дальше от меня, — светлая шляпа. Лицо его в тени, но узнать нетрудно. Кажется, поняли... поворачиваются, отходят. Откладываю ружье, протискиваюсь за троичей следом, но меня кто-то хватает за рукав, кто-то упраскивает повторить, мимо проплывают васильки женских глаз, темные очки следят за мной, но я уже за дверью. Троица по-

спешает по тротуару в сторону кинотеатра «Луч». Значит, мы скоро будем на вокзальной площади, с той стороны, где в зелени упрятано детское кафе «Веселые картинки».

Они переходят улицу у самого кафе, бегут к автобусной остановке. Автобуса нет. Можно не спешить. Рядом шуршат шины. Та самая «Волга», которая подбросила меня сюда. Шофер открывает дверцу, почти кричит, настойчиво, тревожно:

— Садитесь. Да садитесь же!

Ну нет; на площади показался автобус, подошел к остановке, трое нырнули в его салон. Я в три прыжка пересекаю улицу, направляюсь к остановке. Однако автобус отошел, не дождавшись других пассажиров. И тогда, точно по мановению волшебной палочки, делает широкий разворот еще один автобус, я прыгаю на подножку, успев убедиться в том, что маршрут его тот же. Кроме меня, в салоне десяток пассажиров. Точно два корабля, плывут оба автобуса по сиреновой ленте шоссе сквозь море платанов, ясеней и кипарисов, а минутой позже я различаю среди машин, следующих за нами, «Волгу» и вижу испуганное лицо шофера за ветровым стеклом. Что это означает? Почему я не воспользовался его услугами? Не знаю, не знаю... Будь что будет.

Справа ленивое море, корпуса белоснежного санатория «Волна». Ниже река, подвесной деревянный мост и еще один мост, железнодорожный, за ним открывается вид на пляжи, где темнокожие, загорелые люди наводят меня на мысль о лежбище котиков. Мыс Видный показал свой серый нос, уткнувшийся в море, зеленые свои склоны и пятиэтажное здание санатория.

Автобус качало на поворотах, мы объезжали горные щели, по которым струились ручьи, слева высилась зеленая стена гор, и только у Кудепсты открылась долина с рекой. Мы ехали по старой дороге, а новое шоссе висело над самым берегом, и я сообразил, почему не прыгнул в легковую машину: шофер наверняка не понял бы

моего замысла следовать за автобусом по сумрачно-зеленым виражам. Иного шофера и не уговоришь теперь свернуть на старую, допотопную дорогу, которая оставлена как местная достопримечательность — вместе с автобусными маршрутами.

За деревянным мостом через речку, на первой же остановке, троица выпрыгнула и устремилась к гостинице «Перевал». Через минуту я шел следом. Чемодан оттягивал руку, и я всерьез подумывал о том, чтобы спрятать его где-нибудь в кустах, а потом вернуться за ним. Один из троих, в светлой кепочке, оглянулся. Перед ними открылась стеклянная дверь вестибюля. Некоторое время спустя я нырнул в нее. Их шаги раздавались по лестнице, которая вела на второй этаж. Странно, что меня никто не окликнул и не остановил внизу. Словно гостиница поджидала меня. Я поднялся на второй, на третий этаж. Но еще не догнал их. Еще один этаж... Когда я ворвался за ними в номер, то не сразу сообразил, почему комната была пуста. Видно, сдали нервы, я устал, мне надоело вслушиваться и вглядываться в происходящее. Между тем это входило в их расчеты. Я поставил чемодан на пол, огляделся. Здесь, в номере, была только софа, кресло, столик и цветная гравюра. Я знал: дверь за мной была заперта. Но я все же подошел и толкнул ее. Она недружелюбно гуднула, и послышались осторожные шаги за ней, в коридоре. Так я оказался в этой гостинице.

Уж лучше бы мне остаться во Владивостоке и купаться в пятнадцатиградусной воде весь октябрь, чем оказаться в плачевном положении на лучшем из курортов. Подошел к окну: как и следовало ожидать, под ним была бетонированная дорожка, за ней — низкая кирпичная ограда. Выпрыгнуть из окна я не мог. Но если бы я решился на это, то двое беседующих джентльменов с теннисными ракетками в руках, вон там, правее фонтана, незамедлительно взяли бы меня под руки и водворили на место. Что мне грозило?

Вряд ли они решились бы покончить со мной сразу. Были серьезные основания предполагать, что этого не произойдет.

Истина проста. Час назад, когда грозила беда, мне всеми силами старались помочь. Черная легковая машина послана друзьями, но я сбежал от нее. Ясно как день: шофер не мог сказать напрямую, кто его послал. Слово — тоже оружие, особенно если становится достоянием врага. Хорош был бы я сам, к примеру, если стал бы рассказывать Лене Абашеву или директрисе музея во Владивостоке, почему меня интересуют пропавшие экспонаты.

Да узнай я правду о шофере, я замучил бы его расспросами. Вместо дела вышла бы целая повесть — в конечном счете адресована она была бы любознательным атлантам.

Все сходилась: чтобы убедиться в действенности микрокиборгов, разряжающих клетки памяти, атланты должны слышать меня, следить за мной. Но если я нем или почти нем, меня выдают мои поступки, как это было во Владивостоке и ранее.

Окончательная проверка произошла в тире. Именно там я откликнулся на имя «этруск», значит, память при мне. И мои посещения запасника музея и интерес к Атлантиде — не простое любопытство. Не выдать себя я не мог.

Хотелось пить. На столике темного дерева стоял графин с водой. Рядом стакан... Я налил уж было воды, но потом отдернул руку от стакана. Мало ли что могло произойти. Я был пленником. Может быть, вся гостиница была инопланетным кораблем, который отдал здесь невидимые посторонним швартовы, чтобы изучать, наблюдать, ловить нерасторопных этрусков вроде меня. Здесь же, на столике, был телефон. Снял трубку, набрал номер наугад. Молчание. Открыл ящик стола, где обычно лежат рекламные проспекты и телефонные списки.

И то и другое было налицо. Полистал лощеные страницы. Набрал номер администратора гостиницы.

— Алло! — раздалось в трубке; голос женский, спокойный.

— Добрый день. Звонят из четырехста шестнадцатого номера. Здесь захлопнулась дверь, я не могу выйти!

— Как вы попали в номер?

— Так... увидел знакомых и пошел. Дверь была открыта. Думал, это они. Но ошибся. А дверь захлопнулась. Точнее, ее кто-то закрыл снаружи.

— Ерунда! Такого не может быть! — В трубке тонко, комариными голосами запищали наперебой гудки, как будто я говорил по трем телефонам сразу.

Кто эта женщина? Она с ними или нет? Ответить на этот вопрос трудно. Главное — не проявить тревоги. Пусть думают, что я действительно не разобрался в происходящем. Что ж, позвоним директору... Не отвечает. Нужно ждать. Шофер «Волги» знает, куда я попал. До самого деревянного моста через Кудепсту я видел машину. Она шла следом. Второй звонок администратору:

— Не могу ли я заказать в номер ужин.

— Какой у вас номер?

— Четыреста шестнадцатый.

— Этот номер не обслуживается. — И сотня гудков в ответ на мое: «Да послушайте же!»

Проясняется. Администратор знает, с кем имеет дело. Его предупредили. Похоже, они контролируют всю гостиницу и действительно распоряжаются здесь как у себя на корабле. Но я могу звонить в город. Ну, допустим, в справочное бюро.

— Справочное бюро? Скажите, как проехать к сочинскому цирку?.. — Спасибо, ясно. Как заказать по телефону такси?.. Благодарю вас.

Я заказал такси. Обещано через час. Весь этот час я на что-то надеялся. Но телефон в город отсюда все же не выходит, вероятно... Нужно набрать несколько номе-

ров и убедиться, что голоса начнут повторяться. Печально, но факт: несколько мужчин и женщин отвечали мне по всему списку, и голоса их действительно иногда повторялись, я узнавал их теперь. Но отрицательный результат тоже результат. По крайней мере, получено окончательное подтверждение, что я узник. Через полтора часа я снова позвонил тем не менее в бюро по вызову такси. Мне ответил тот же голос:

— Такси ждет вас у гостиницы.

— Откуда вы об этом знаете?

— Такси со связью. Задержка машины за ваш счет.

— Почему же шофер не поднялся в номер?

— Это не входит в его обязанности. — И снова гудки, те же самые по тембру, что и после других разговоров.

Все оставалось на своих местах. Почему? Что мешало атлантам покончить со мной? Ответные действия этрусков, как я убедился, чаще всего напоминали мягкую ядерную реакцию. Эти действия так изменяли характер происшествия, что оно почти не вызывало страха. Не всегда это удавалось. Чего стоила одна только история с Селфриджем!

А может быть, атланты хотели лишь одного: запугать, сломить меня. Как бы там ни было, я и сейчас, в положении пленника, пытался найти скрытые пружины действий обеих сторон.

Настенная линогравюра, из тех, что можно увидеть в гостиницах, раскрыла мне глаза. За кущами сада, среди листвы увидел я женское лицо. Это была... Женя. Украдкой рассматривал я цветное изображение. Гравюра как гравюра. А лицо ее. Или почти ее. Глаза, губы, подбородок; тающие в зелени линии шеи и плеч... Она очень похожа на Женю! Ко мне пришла уверенность, что именно гравюра мешала атлантам, и они этого не сознавали. Как это происходило — я объяснить не мог, как ни ломал голову. Украдкой оглядывал я знакомое лицо. Оно казалось живым и серьезным...

Верят ли атланты, что я ни о чем не догадываюсь? Как удастся им избежать огласки в непредвиденных ситуациях? Ответ, наверное, прост: здание это существует лишь тогда, когда его нужно показать мне. Потом оно благополучно исчезает из поля зрения окружающих. Я нарушил старинный принцип: не верь глазам своим.

В ЗАПАДНЕ

Вечерело. Двое с теннисными ракетками ушли. Под окном появился мужчина в шортах со шлангом в руке. Он поливал две клумбы поодаль. Я дождался, когда он украдкой бросил взгляд на мое окно. К нему подошел мой знакомый в светлой кепочке, один из троих. Прикурил, постоял, ушел за угол дома.

Все на своих постах.

Это было даже не волновое оружие. Самая примитивная ловушка. Отчаявшись перебороть нас с помощью сил, управляющих случайностями, они перешли к прямым действиям. Если на шоссе в Сихотэ-Алине с нами в кости играла как бы сама судьба, готовившая автомобильную катастрофу, если в спортивной гавани моторная лодка воплощала непредвиденную ситуацию, то сегодня противник раскрылся. Но в этом было и много утешительного. Карты открыты, и никто не рискнет меня убрать. По крайней мере, сразу. Что же мне предстоит? Ах да! Они обыщут меня, свяжут, разрядят мою память. В этом можно не сомневаться. Чем они заняты сейчас? Скорее всего меняют вывеску заведения, в которое я попал. Допустим, вместо надписи «Привал» посторонние уже могут прочесть: «Строительство объекта завершает второй строительно-монтажный трест». Ну и конечно, рядом опалубка, мешки с цементом, ящик с раствором, полная имитация завершающегося строительства.

Через полчаса я каким-то седьмым чувством уловил изменения. То были еле слышные шорохи, приглушенные возгласы, быстрые шаги за дверью. За окном — никого!

Сел в кресло, стал вслушиваться. Вокруг все стихло. Захотелось спать, но я боролся со сном сколько мог. И вдруг все же провалился в черноту. Мне снилась узкая длинная подземная галерея, сырая и тесная. Я вошел в нее, наклонив голову. Сделал несколько шагов. Знакомый голос подсказывал:

— Быстрее, впереди будет светло!

Показалась арка, за ней галерея расширялась, она была уже похожа на подземный зал. Я силился — тоже во сне, конечно, — узнать, чей голос мне помогал. Стало светло как днем. Своды над головой уходили ввысь, я поднял голову, чтобы увидеть потолок этого необыкновенного зала, но это не удалось. Казалось, надо мной было небо. А голос торопил, звал. И я повиновался ему.

И вот я узнал его. Это был голос Жени. Я удивился, почему не сразу догадался об этом. Пора проснуться, отчетливо звучало в моей голове.

— Проснись! — услышал я, открыл глаза и на двери комнаты увидел светлый квадрат этрусков. Он был таким большим, что я сразу понял: мне нужно войти в него, шагнуть, как в открытую дверь. Я вскочил, не глядя, нащупал ручку моего чемодана, приблизился к светлому пятну. Шагнул. И тут же меня окружили как бы серые крылья огромных кожанов, под их сенью я пробирался вперед, а рядом шла непонятная мне борьба. Резкие металлические звуки чередовались со змеиным шипением, скрежетом, визгом. И я спрашивал себя: уж не во сне ли продолжается мое путешествие в этом нескazanном пространстве?

— Быстрее! — торопил знакомый голос.

Но я не видел Жени. Теперь было нетрудно догадаться, что я почти спасен. В этой галерее все было так, как привиделось в недавнем сне. Только шумно. Но это была уже обычная борьба с применением волнового оружия и чудес Джинса. Несколько минут я пробирался этой нереальной галереей, у которой стены, казалось,

дышали. Иногда они сближались настолько, что я мог лишь с трудом протиснуть тело. Но я продвигался. И вот засиял свет. Стало просторно, открылась зеленеющая даль.

На берег набегали волны.

Я увидел себя у моря, на северном пляже близ Хосты.

Во рту ощущалась полынная горечь, я устал. Присел на гальку. За моей спиной поднималась спина горы Ахун. Откинувшись, я видел деревья, похожие на зеленые волны, бархатные тени, бордовые и вишневые пятна первых осенних листьев, лучистое солнце.

Справа на сиренево-дымчатых склонах застыли белые дома. Были они далеки от меня, я узнавал их. Там, за лукоморьем, начинался Сочи. Пляж был пустынен. На железнодорожной насыпи светились цветы на ломких изогнутых стеблях. Ни души. Красноватую гальку у моих ног лизали тихие волны. Все застыло в эту удивительную минуту как на картине, но вот я поймал легкое дуновение ветра. И почти бесшумно прошла над мной зеленая электричка.

Рядом цокнул камешек. Обернулся — и не удивился, когда увидел Женю...

Мы грелись на солнце, не расспрашивая друг друга ни о чем. Переоделись. Пошли купаться. Долго лежали на теплых камнях. Тонкие ее пальцы ворошили гальку, я задремал под тихий шорох. Она растолкала меня:

— Пойдем!

— Никуда я не пойду.

— Пообедаем в шашлычной, помнишь?..

Я помнил. Столы под открытым небом, нашего знакомого, с которым когда-то стоял в очереди, старого кота... все помнил. Как будто с тех пор ничего не изменилось. А время неумолимо. И я не бессмертен. В эту минуту снова показался зеленый поезд. Он шел над нами на фоне горы. А я стоял у ее подошвы, не в силах сделать ни шага. Сердце мое сжалось, и что-то сдавило

горло. Женя положила руку на мое плечо, что-то говорила, а я не слышал ее. Поезд ушел в тоннель, и страх овладел мной. С минуту я боролся с ним и думал об этой странной реке времени, которая вот так способна вдруг вынести нас на знакомый берег, в то же место, но совсем, совсем другими, не теми, что мы были когда-то.

— Ты... живешь в «Голубой горке»? — спросил я.

— Нет, — ответила она. — Мне дали один день.

Один день... Это звучало как приговор мне. Все было по-другому, не так, как когда-то. Я молча шел за ней. На ней были белые туфли, похожие на те. Эта мелочь успокоила меня. Поднялись на насыпь, где синие отполированные рельсы сияли на солнце, где порхали бабочки и разная крылатая мелкота и откуда был виден город. В шашлычной я поставил чемодан под стол. Нам дали мясо с луком и сладким перцем, с острым соусом, коричневый кофе в стаканах с запахом цикория, и, кроме нас, никого здесь не было.

— Ты хотел меня спросить... — сказала она и накрыла мою руку своей ладонью.

— Нет. Я все знаю.

— Ну хорошо. Будем молчать.

Потом мы пошли в камеру хранения, я сдал чемодан, пляжные мелочи положил в сумку, и мы направились к морю. Но не к северному пляжу. Пошли в другую сторону. Перешли речку по висячему шаткому мосту, оставив справа злополучный тир. Поднялись на новое шоссе и по обочине его двинулись к южному пляжу.

По железной лестнице, покрытой ржавчиной, спустились к воде. Тут был темный песок, а у самой воды — зеленая галька с крапинами. Отвесно поднималась бетонная стена, над которой трепетали от ветра, поднимаемого поездами, светло-сиреневые метелки диких злаков. После купания грелись, прижавшись спинами к стене и друг к другу. По веревкам плюща спускались ящерицы и шуршали над нашими головами, охотясь на мух.

Октябрьское солнце после четырех часов стояло низко. На море светилась дорожка — отражение солнца от ряби. По мере того как солнце садилось, дорожка разгоралась все ярче. От ладони на бетоне было две тени — одна в другой. Внешняя — от солнца, внутренняя, гораздо более темная, — это след руки на бетоне, куда не проходит прямой свет ни от солнца, ни от сверкающей дорожки на море.

Согревшись, ложились прямо на песок. Я сгреб песок в небольшой холм. Мы располагались после купания на западной стороне этого холма.

Около пяти вечера отражение солнца от морской ряби давало треть общего света. Это можно было проверить по двойной тени на серой шершавой поверхности волнореза, где в выбоинах сновали ящерики, поднимаясь при нашем приближении повыше.

Мы удивлялись отражению от моря, благодаря которому в пять вечера было не прохладнее, чем в полдень. Холм напоминал мне этрусский храм — ориентированное по сторонам света пространство, предназначенное для закладки города. Если бы я строил Хосту, я расположил бы ее не в долине реки, где дуют вечерние ветры из ущелья, а на склоне горы Ахун, там, куда убегает новая дорога на Сочи. Это самое теплое место на побережье.

— Знаешь, там вечерами, особенно в конце октября, на пять градусов теплее, чем внизу, в долине. Понимаю древних этрусков...

— А современных?

— Не совсем. Почему вы решили, что меня нужно оберегать? Я сам выбрался бы из гостиницы. Дайте мне оружие!

— Если ты его получишь... они спровоцируют тебя. Ты можешь воспользоваться им без надобности.

— А они? Я не кролик, чтобы на мне отрабатывать системы волновых пистолетов Джинса!

— Ладно. Ты прав, и мы это знаем. Может быть, уже сегодня...

— Сегодня! Обязательно сегодня!

— Ладно. Искупаемся. Солнце уже так низко, что не поможет ни темплум, ни отражение, ни бетонная стена.

И до меня дошел двойной смысл ее слов. Она хотела тем самым подчеркнуть, что скоро она покинет меня и я, возможно, не скоро увижу ее.

...Мы выходили из моря, когда тени стали необыкновенно длинными и даже светлая дорожка стала гаснуть. Она сузилась, и последние лучи плясали на воде, но уже не грели.

Три черных баклана пронеслись неподалеку от нас. Женина рука скользнула по моему плечу. Я услышал:

— Мне пора.

— Понятно, — сказал я. — Полет бакланов — условный знак, так предусмотрительно теперь все вокруг нас устроено...

Глаза ее были серьезны, как никогда. Помолчав, она сказала:

— Тот старичок, с которым мы обедали в шашлычной в год нашего знакомства... он был руководителем нашей станции здесь, на побережье. А узнала я об этом потом...

— Почему — был?

— Потому что его убили атланты. И сына его — тоже. Сын его вел ту оранжевую машину, которая помешала Селфриджу...

И, словно утешая меня, Женя протянула мне голубой кристалл:

— Это тебе.

И ушла, не разрешив провожать ее. И, как когда-то, я смотрел ей вслед. Только теперь быстро сгущался послезакатный сумрак, и фигура ее таяла, растворя-

лась в нем, а я сжимал в кулаке голубой кристалл или цветок и загадывал про себя: увижу ее или нет? И где-то внутри меня отзывалось: нет, не увижу.

ТРАДИЦИОННАЯ ПРОГУЛКА

Часом позже я взбирался по той самой лестнице, которую хорошо знал еще в год знакомства с Женей. Комната, в которой я тогда жил, была занята, но место для меня нашлось у старичка Сергея Герасимовича в тесовой хибаре с нормальной высоты потолками, светлыми окнами и двумя грушевыми деревьями, развесившими кроны над шиферной крышей. Моя временная жилплощадь ограничивалась семью метрами. Я достал из чемодана маленький приемник, который подарил мне болгарский друг в незапамятные времена; слушал чарующие танцы Дворжака, Грига, Глазунова. В кружке заварил чай, потом листал книгу.

«Во время геодезических измерений в штатах Северная и Южная Каролина проведены аэрофотосъемки; на снимках видны округлые и яйцеобразные воронки, напоминающие метеоритные кратеры. Их насчитывается около трех тысяч, в том числе около ста диаметром более полутора километров. Они занимают площадь более ста тысяч квадратных километров и расположены дугой, с центром в городе Чарлстоне. Это лишь часть поверхности, на которую упало небесное тело, а основной район падения — дно Атлантики к западу от Багамских островов. Астероид взорвался в атмосфере в результате перегрева, разбрасывая осколки на большой площади».

Это об астероиде, вызвавшем катастрофу. Факт, который трудно отрицать. Я не был согласен лишь с тем, что астероид взорвался от перегрева. За время полета в атмосфере нагревается и светится тонкая оболочка, скорлупа, а тело космического гостя остается холодным. Бывали случаи, что после падения на небесных камнях выступал иней. Из-за огромной скорости и со-

противления атмосферы гигантский метеорит мог сбросить с себя скалистые выступы и камни.

В пол-литровой кружке, которую я взял у Сергея Герасимовича, вторые сутки сидевшего на безалкогольной диете, осталось немного чая. Я пил его маленькими глотками. Погасил свет и лежал с открытыми глазами, слушая, как внизу шумит Хоста. Снова включил приемник. Совпадение: диктор говорил об очередной экспедиции в район Средиземноморья исследовательского судна «Витязь», причем намечалось изучить подводную гору Ампер.

Я поднялся с койки, пошарил в кармане куртки, извлек из него голубой камень, подарок Жени. Что это было? Я не знал, но был уверен, что моя просьба выполнена. Я насчитал шестнадцать граней. Столько же, сколько на древнем символе Солнца. И внутри затаилась белая искра. Кристалл или каменный цветок был размером с игральную кость. Ничего в нем не было примечательного, кроме искры внутри, готовой, казалось, разгореться по моей просьбе. Я попробовал передать мысленный приказ. Ничего не изменилось. Огонек в камне дремал, не обращая внимания на мои пожелания. Положил сувенир в карман и забыл о нем.

Поднял с пола упавшую книгу и положил ее на табурет. Книга легла так, что портрет автора на суперобложке был виден в странном ракурсе: внимательные глаза точно наблюдали за мной. Впечатление было таким сильным, что я невольно отодвинул книгу. И снова чужой взгляд следил, следил... Часто меня сопровождает этрусский квадрат, подумал я, но еще чаще, наверное, атланты наблюдают за мной со страниц книг, которые я читаю. Когда мгновенный страх, навеянный этой мыслью, улетучился, я уснул.

Утро выдалось пасмурное, прохладное. Проспал я, оказывается, до полудня. Вышел на улицу, спустился по лестнице к двум двенадцатизатажным домам, заглянул в тир, поприветствовал его хозяина. Он кивнул мне,

подавая ружьецо. Значит, все правда, и это не сон... Вот и черная машина с приоткрытой дверцей. Но это уж слишком. Я ведь еще не завтракал. Зашел в вареничную, где уже на многих столах красовался обед. Не беда: если пообедать, я как раз нагоню время. Дело не в трех часах. Второго октября я должен был быть в Хосте, поскольку из Владивостока вылетел первого вечером. Стало быть, сегодня, по моим расчетам, третье октября. Из разговора в вареничной выяснилось: четвертое! Стоило ли удивляться? Ведь хорошо помню, как вчера пробирался по галерее и попал сразу в следующий день, где вместо предыдущего вечера в гостинице «Привал» был солнечный пляж у синего моря.

* * *

С обедом покончено. Шофер корректен и настойчив. Он ждал меня у порога. Сажусь в машину. Он ведет машину в нужную мне сторону, хотя ни слова не было сказано. Это выходит за рамки обычных отношений.

— Вы что же, сами знаете, куда меня подвезти?

— Догадываюсь... — не оборачиваясь, отвечает он на мой вопрос.

— Каким образом?

— Знаете ли... — говорит он тихо и окидывает меня быстрым пристальным взглядом. — Я все равно не смогу ответить на все ваши вопросы.

— Почему?

— Вы умеете водить машину? — отвечает он вопросом на вопрос.

— Нет.

— А я не умею отвечать на вопросы, зато умею обращаться с машинами... с машиной.

Эта оговорка «с машинами» вместо «с машиной» навела меня на мысль, что ему, конечно, приходилось во-

дить машины много сложнее автомобиля. Я сказал это вслух. Но не в форме вопроса. В форме утверждения.

— Возможно, — спокойно парировал он. — Нам нужно к самшитовой роще, так ведь?

— Вы опять угадали.

— И вы хотите прогуляться по роще? После того что произошло?

— А что произошло?

— Вам лучше знать.

— Да. Когда-то я сорвался с обрыва. Но теперь я лучше экипирован.

— А позавчера?..

— Это было опасно. Психологический нажим, не более того. Дружище, если бы они всерьез захотели шлепнуть нас с вами, они это сделали бы раньше.

— Не знаю. Не понимаю, о чем вы.

— Да чего уж там... не будем играть в прятки. Я ведь не прошу отвечать на вопросы, заметьте. Но если они испытывают крепость наших нервов, не стоит ли нам сделать то же самое с ними?

— Это не просто испытание нервов. Ошибаетесь. Это всерьез! — Он обернулся ко мне, и я увидел искаженное гримасой незнакомое мне лицо, а когда я отшатнулся, он снова стал сам собой и произнес: — А нервы должны быть в полном порядке!

— Сдается мне, что вы превысили свои полномочия... на этот раз.

— Откуда вы знаете о моих полномочиях, — ответил он резко и снова обернулся, и в лице его мне показались знакомыми несколько черточек. Да, я знал этот тип лиц, даже писал о таких вот людях. Это же... лицо космонавта, идеального космонавта в моем, конечно, представлении. Может быть, он и был космонавтом, командиром корабля, а теперь вот возит меня.

— Вы просили не задавать вопросов, — сказал я. — И все же один вопрос я вам задам. Скажите, могу ли я, не подвергая никого риску, в том числе и себя, прой-

ти по самшитовой роще до того места, где я сорвался вниз?

— Зачем вам это нужно?.. Извините, я отвечаю вопросом на вопрос, но уж лучше вы будете отвечать, чем я.

— Я хотел бы убедиться, что там все в полном порядке, то есть что деревянный настил снова уложен и опасность никому не грозит. И, кроме того, мне нужно осмотреть этот настил. Разумеется, я надеюсь, что меры приняты... на уровне современной, гм, техники, и нас с вами никто сейчас не слышит.

— Какая разница? Мы же едем к роще. Это известно всем, кого интересует.

— Ну что ж, прогулка. Традиционная прогулка...

— Мало вам... всего... еще и в рощу захотелось. Сожалею, что это не запрещено.

— Ладно, я буду осторожен, — сказал я примирительно этому человеку, который наконец-то заговорил со мной по-настоящему.

— Я не смогу вас сопровождать, — сказал он.

— Знаю, старина. Я сам.

— Там нет никого из наших, — добавил он. — И не может быть. Ведь большой маршрут закрыт для посетителей. Никто из нас не нарушает правил, установленных для всех.

— Да, да, охотно верю. Ведь в этом я убедился, когда вы выволокли меня из гостиницы!

— Там было все иначе.

— Конечно, иначе, гораздо интересней и веселей!

И СНОВА ОРУЖИЕ ДЖИНСА

Неподвижен серый воздух, нет дыхания ветра, небо закрыто слепыми облаками. Белеют как свечи стволы самшита. Асфальтовая тропа остается позади. Впереди — камни, сплетения седых корней, крутые подъемы и спуски. Липнет к ботинкам коричневая земля, за

мною остаются следы. Их видно, если оглянуться и присмотреться, низко нагнувшись. На краях следов кое-где видны капли воды. Так же в камере для фотографирования частиц после их пролета конденсируются капельки тумана. Мысль эта беспокоит меня с тех пор, как я увидел следы и впереди — не мои, чужие.

А ведь я уже на запрещенном участке маршрута. Значит, не я один здесь. Не я один... Повернуть назад, нырнуть в машину — и домой?

Может быть, я так и поступил бы, если бы... Я подбираю слово: знал, предполагал, чувствовал... Нет, ничего я не предполагал сейчас, ничего толком не знал, но я больше всего, может быть не отдавая себе отчета, хотел увидеть их лицом к лицу. А чувствовал я только вот что: с того дня, как я узнал об их существовании, прошло полжизни. Не разбывая дороги, я соединял зигзаги горной тропы цепочкой моих следов, карабкался, и когда дорогу преградила старинная крепость, я не обошел стену, а перебросил тело через светлые камни и двинулся дальше.

Я вышел на самую высокую точку отрога. Начиная трехсотметровый спуск. На пути к реке высились тысячелетние тисы, гигантские липы, закрывавшие мутное небо. Ухватившись на скользком месте за тонкий ствол, я узнал редкое дерево хмелеграба. С его плодовищищек капала на меня вода, стекала за воротник. Я встряхнулся, как спаниель, и пошел дальше.

Слева кое-где проглядывало ущелье, один раз я даже видел реку. За ней тянулись неровные участки галечного пляжа.

Вступил на деревянную галерею. Доски были покрыты мхом и увиты лианами, но в одном месте на свежем срезе было хорошо видно, что это настоящее красное дерево. Что это, кстати, за срез? Если так обозначена условленная точка встречи нескольких моих недругов, я не удивлюсь. Высоко, высоко, справа от меня прыгал по камням этрусский квадрат.

Вот и водоем с тритонами. Знакомый папоротник венерины кудри. Серебряная струя сбегает по моей руке. Не хочется уходить от источника. А надо мной застыл этрусский квадрат.

Нет, нет. Пора. Там, впереди, карстовая пещера, бывший дом ста десяти тысяч летучих мышей. А теперь возможное место засады. Так и есть. Скорее угадываю, чем слышу, постукивание камней. Вот он, провал, передо мной. Только он шире, чем я думал. Тридцать метров, не меньше. Все выглядит очень естественно. Здесь рухнули доски, и остались кое-где торчащие из каменной стены ущелья бревна. Перепрыгнуть по ним нельзя. Когда-то на моем теперешнем месте остановилась Женя. Потом она вернулась назад, на тропу. Если собрать всю волю, все умение, которое выручило меня тогда, наверное, удаётся преодолеть этот участок. Трудно настроиться, как всегда, на подобные фокусы, очень трудно. Но ничего невозможного в принципе нет. Чудо Джинса возможно не только на уровне техники, но и на уровне живой природы. Только вот вероятность его остается всегда очень малой. Нужен толчок, внешний или внутренний.

— Осторожно! — донесся до меня возглас на чисто русском, хотя на каком же еще языке они должны разговаривать здесь, в окрестностях Сочи?

Я так и не понял: перебрались они через провал за час до меня или пришли с другой стороны. Их было двое. Лица незнакомые, сосредоточенные...

Они стояли у самого провала и оглядывали каменную стену, ущелье, пляжи внизу. Даже не смотрели в мою сторону. Я сделал вид, что впервые узнал о существовании провала. Присел и стал рассматривать края настила. Ведь за этим, собственно, я сюда и направлялся. Нужно было найти следы надпила, надреза, сделанного хотя бы с помощью лазерного луча. Ведь они не рассчитывали, что я отважусь появиться здесь. Следы искусственно вызванного обвала должны остаться. Еще

в Москве я ругал себя за то, что не догадался установить истину. Не ведут ли меня по краю пропасти — в прямом и переносном смысле — и для того только, чтобы сломить мою волю? Важно было знать это.

Следов не было. В замшелых бревнах сохранились углубления от гвоздей, в которых теперь поселились рыжие муравьи. В двух или трех местах видны трещины. Но тоже естественные. Дерево еще крепкое, но наклон бревен в сторону ущелья создавал добавочную силу, которая могла сдвинуть крайнюю доску. За ней поехали остальные. Гвозди, когда-то державшие здесь настил, судя по всему, были тонкие. Может быть, у плотника как раз на этот участок не хватило настоящих гвоздей.

Краем глаза я следил, конечно, за этими двумя. Они не обращали на меня внимания. Уж не обманывает ли меня интуиция? Подняв голову, я осматривал камни и зелень в надежде найти этрусский квадрат. Его не было. Почему? Потому ли, что опасность миновала? Или, может быть, не хотели обнаружить себя? Да, это не простая борьба. За моей спиной, как всегда, в последнее время стояли другие люди со всей их сказочной техникой.

Это так. Но и за теми двумя стояла вполне реальная сила, а не призраки исчезнувших атлантов.

— Эй! — крикнул один из этих двоих, молодой парень в японской нейлоновой куртке с нашивками на груди.

Я молчал. У него было круглое симпатичное лицо, глаза светло-карие, темный чуб закрывал половину лба. Из кармана его куртки торчало горлышко бутылки. Второй был старше, ниже ростом и чем-то напоминал аспиранта профессора Чирова. Стоял он за спиной парня, в полутени.

— Эй, ты что, не слышишь?

— Слышу, — сказал я громко.

— Тогда почему не отвечаешь?

— А ты ни о чем не спрашивасшь!

— Да чего ты пристал к человеку... — пробурчал второй. — Все равно через эту дыру трудно перебраться.

Теперь он вышел из-за спины парня и встал на самом краю, на последней доске. Правой рукой он держался за перила. У него было хмурое невыспавшееся лицо, он сутулился. Я пока не мог разгадать их замыслы. Может быть, их и не было? Но я теперь твердо знал: если будет обычная с виду драка, то на их стороне — малолюдная, но весьма энерговооруженная планета Венера. На моей... другие планеты, а также их спутники. И каждое незатейливое движение в этой драке вроде поднятой руки или пинка будет стоить энергии двадцати стартующих ракет или более того.

— Ты бы перепрыгнул сюда, дал закурить, а? — спросил вдруг с самой наивной интонацией старший, и лицо его разгладилось. — Ты ведь можешь, я знаю...

— А ты? — спросил я. — Можешь?

— Не, не могу, — сказал он нарочито простовато.

— А у меня нет курева!

— Бросил?

— Бросил.

— А у нас тут малость осталось, держи-ка!

Резким, почти неуловимым движением он выхватил из кармана своего напарника бутылку и швырнул ее с такой силой, что я видел ее лишь в первое мгновение — когда он размахнулся. Я успел заметить улыбку на губах парня — глаза же его оставались серьезными. Не видя бутылки, я все же успел отстраниться. Она разбилась о камни за моей головой, и звук этот разносился по ущелью, пока стеклянная пыль сыпалась вниз. Или это в моей голове звуки так усиливались?

— Промахнулся... — сказал я. — Нечем теперь ономелиться будет.

— Не бойсь! — Он покрутил головой, словно при-

смастриваясь к окружающему, а я подумал, что сам я ни за что бы не успел уклониться от удара...

Из-за его спины между тем выплыл мыльный пузырь. Легкий, сверкающий всеми цветами радуги шар поднялся до уровня его плеча и направился ко мне, прижимаясь к камням. Был он легкий, как настоящий мыльный пузырь, и со стороны его, конечно, не было видно, даже с противоположной стороны ущелья, оттуда, где высилась печь для обжига камня, никто не рассмотрел бы его.

И все же они выдали себя. Шар наткнулся на ветку и прошел дальше как ни в чем не бывало. А срезанная ветка медленно падала, и легкий шорох ее был явно слышен. Наверняка эти двое даже не знали, как устроен шар, но управляли им они, и, неточно направив его, они сделали ошибку. Именно об этом я подумал, когда в следующее мгновение показался этрусский квадрат. Я заметил его на искривленном стволе дерева. И тут же он исчез.

Я не знал, что делать. Шар подплывал все ближе, окутываясь легчайшей голубой дымкой. Кажется, я уже мог бы рассмотреть в нем отражение своего лица...

Навстречу ему двигался другой шар, поменьше. Он показался из-за моего правого плеча. Едва уловимый ореол окружал его, все происходившее казалось игрой света на тончайшей, невесомой пленке.

С равным успехом это могло быть залпом, который нацелен в меня.

Ни чувства безысходности, ни ощущения незащитности не успело возникнуть. В пяти метрах от меня оба шара остановились, повисли в воздухе, их едва намеченные силовые поля, обозначенные легким сиянием, выросли, опалили меня каким-то электрическим упругим прикосновением, и тотчас шары словно притянуло друг к другу. Впрочем, похоже это было и на атаку, на таран крохотных автоматических экипажей, устремившихся к невидимой точке между ними. Полыхнуло ед-

ва заметное голубоватое пламя. Теплая волна воздуха толкнула меня так, что я едва устоял на ногах. Успел заметить, что и тех двоих качнуло весьма ощутимо. Один из них закрыл лицо руками. Я сделал то же самое. Потому что пламя угасло, но жар охватил все пространство. Мне показалось, что беззвучно сверкнула молния. И направлена ее белая стрела была вверх. Треск. Растущий грохот... Сыпались камни. Я медленно отступал от гиблого места. Они тоже пятились назад. Точно метеориты ударили по настилу. Он задрожал, затрясся, заходил ходуном. И совсем уж близко разрывал заколдованное пространство грохот падавшего на нас тиса. Сорокаметровый ствол, как перышко, кувыркался в зеленоватой полумгле, почти бесшумно — так казалось — ломая самшитовые стволы, выворачивая деревья с корнями, сбрасывая их вниз. И когда тис, опережая сломанные самшиты, ударил в края настила с той и с этой стороны, я рухнул вместе с ним вниз.

Я падал в пропасть, не чувствуя боли.

ТАНЦЫ НА БРОККЕНЕ

Меня поглотила тьма. Даже грохот растаял в этой тьме. Но я знал, что вокруг все движется и что сам я не могу остановиться в хаосе и нагромождении обломков и вывороченных из расщелин корней. Возник щемящий звук, который отвлек меня от попыток разобраться в происходящем. Я слушал, и сознание мое точно переходило в другое состояние, я как будто бы был уже не в ущелье, а далеко-далеко от него. Не было ни реки, ни галечных пляжей, ни обвала. Ни даже воспоминаний о нем. Все исчезло во мгле. И когда она рассеялась, я увидел себя на лестнице, под банановыми листьями, у самой моей хижины...

И тисовое дерево, сорвавшееся с нависшей над пропастью скалы, оставило ощущение нереальности, условности происходящего. Когда я вернулся к себе, посту-

чал хозяин, Сергей Герасимович, и, поздоровавшись, отметил, что я выгляжу уставшим. Деликатное замечание хозяина не выходило из головы.

На грубо сколоченном деревянном столике — алюминиевая кружка. Машинально заглянул в нее и обнаружил остатки чая. Точнее, плесень, покрывшую дно и стенки непритязательного сосуда. Этой разноцветной плесени было столько, что, если бы Флемингу не повезло с пенициллином, можно было бы гарантировать все же успех предприятия, основанного на ее утилизации.

...Это можно назвать эффектом Вальдеса. Чилиец Армандо Вальдес и еще шесть человек спали у костра. Двое стояли на карауле. В пятом часу утра караульный растолкал капрала Вальдеса и сообщил, что недалеке приземлились два ярких объекта. Тот отправился разузнать, что это за огни. Отойдя от костра на десять шагов, он попросту исчез. Когда через несколько минут он снова появился среди своих, то производил впечатление насмерть перепуганного человека. Бравый капрал лишь машинально повторял околесицу: «Вы не знаете — кто мы есть и откуда мы пришли, но скоро мы возвратимся». Часы на его руке показывали часевого возвращения, но дата на их календаре «убежала» на пять дней вперед.

Мне уже доводилось наблюдать эффект Вальдеса, но впервые я не сохранил никаких следов происшествия в своей памяти. Бросившись ничком на постель, пытался сосредоточиться. Виски стали горячими, ладони мои сами собой сжались в кулаки, голова наполнилась теплым туманом.

«Тебе лучше дойти до всего самому. Ты легко веришь людям, но этому поверить сразу ты бы не смог». Обрывок разговора с сестрой... объяснение на все случаи моей жизни.

Но вот прояснилось: мне подарили голубой шестнадцатигранник, он был при мне, что-то происходило, но я этого не помню. Значит... камень отбирал у меня вос-

поминания. Может быть, я опять попал в водоворот и спасся чудом, и не исключено, что были острые камни, боль, борьба за жизнь, потом спасение, но все пропало, я не могу преодолеть беспамятство.

— Сергей Герасимович! — постучал я в дощатую перегородку, разделявшую нас. — Какое сегодня число?

— Восьмое октября, — откликнулся он. — Не волнуйся, погода скоро наладится. До конца октября здесь бывает тепло.

Так пришло подтверждение догадки. Я не досчитался четырех дней. Вот почему Сергей Герасимович заметил, что выгляжу я усталым. Еще бы, его жилец пропал где-то четверо суток.

А я-то думал, что голубой кристалл предназначен для другого... Оказалось, нет. Он всего-навсего обезболивал. Род наркотика, избавляющего от страданий. Цветок забвения и вечной молодости. Но я не Гильгамеш из эпоса Двуречья и просил совсем другое. Что бы ни случилось раньше со временем, я всегда помнил о моих злоключениях, больших и малых. Теперь их заслонило от меня. А игрушку, которую мне вручили с целью исполнения этого замысла, назвали в утешение мне тем самым словом...

Я скатился по ступеням вниз, направился к морю. Вода была серой, горбы высоченных волн вздымались до крыши аэария на городском пляже.

Ушел на пляж и долго сидел на берегу. Многое казалось теперь бессмысленным. Кусты дрока словно не хотели меня пускать к лукоморью, где особенно бесновались белопенные гребни. Слева же все катились и катились водяные валы. Они приближались, успевали возвыситься серо-зеленой стеной, падали на гладкие камни, накрывали весь берег до насыпи. Волнорезы то скрывались под водой, то обнажались, и их словно качало на волнах-великанах.

До насыпи взлетала белая кипень моря. Я сидел на бетонном выступе у насыпи и наблюдал. Впервые в жизни я обратил внимание на то, что еще далеко от береговой линии высокие валы начинали как бы куриться. Над ними поднимались легчайшие брызги. И брызги эти висели над гладкими спинами волн, и только потом рождались гребни, опрокидывающиеся на берег. Гигантский змей, когда-то боровшийся с самим солнцем, теперь затаился в море, и морщил его, и бил своим чешуйчатым хвостом...

Самых моих ног теперь достигала белопенная река. Я бросился в нее, и меня сразу унесло на тридцать метров. Следующая волна хотела вернуть меня, но я боролся с ней и уходил все дальше в море. Скоро и насыпь и волнорезы скрылись за живыми серо-зелеными стенами. Меня качало так, что это напоминало полет. Совсем далеко пасмурно-темные спины гор проглядывали сквозь тучи. Прошло полчаса.

«Теперь должно хватить сил выплыть...»

Но меня подхватило северное морское течение, и все дальше оставалась Хоста. Несло же меня к мысу с высокими белыми небоскребами и дворцами отдыха, за которыми должна была открыться панорама Сочи. Течение было особенно сильным от ветра, и я греб поперек ему и выигрывал в этой настоящей, подлинной схватке!

Ближе к земле, к берегу волны укачивали меня, относили назад. Теперь нужно было навсегда отрешиться от страха. Чтобы победить. Ибо никакая победа невозможна, если в человеке живет страх. Темные глыбы скал прыгали в ста метрах от меня. Меня уносила назад каждая волна. Нужно не отставать от них. Яростный рывок кончился неудачей. Близ полосы бурунов меня болтало и качало, накрывало с головой. Новый бросок — на гребне волны, как на морском коне, о котором писал поэт. Не отстать от склона воды, обращенного к берегу! Слиться с гибким ее хребтом...

Я успеваю коснуться дна ногами. Меня выносит искрящаяся светлая река, и руки уже мнут песок.

Побрел над насыпью, разыскивая одежду. Три или четыре раза обошел бетонную стенку над знакомыми волнорезами. Увидел пустую выбоину, где сидел часа полтора назад. Одежды не было. Бетон был влажен. Пришел девятый или восемнадцатый вал и смыл мою куртку, брюки и рубашку. Вместе с подаренным камешком.

Жаль, что я не могу идти в город: на мне плавки, в карманчике — половина иголки. Нередко жизнь соединяет серьезное, даже очень серьезное, и смешное. Рано или поздно приходится в этом убеждаться на собственном опыте. Вспомнилось: там, где я выкарабкался на берег, под рельсом желтела этикетка спичечного коробка. Кто-то выбросил его из окна поезда, того самого... Пятьсот метров назад, в сторону Сочи... еще несколько шагов. Вот он, коробок.

Перехожу железнодорожное полотно, иду в гору. Это все та же гора Ахун, но другой ее отрог. Под сенью высокого ясеня развожу костер, кидаю в огонь гибкие ветки орешника, тугие ветки сосны. Сооружаю треногу, на которую вешаю плавки, чтобы просохли. Не о таких ли, как я, сложены невзыскательные истории, героями которых являются проворные субъекты, неоднократно замеченные на Броккене, самой высокой вершине Гарца? Особенно часто видели их в прошлом, в Вальпургиеву ночь. Верхом на кочерге, помеле или поварешке прибывал этот люд, выражая полное почтение и расположение главному черту, опускаясь перед ним на колени. Начиналось роскошное пиршество, но все блюда подавались без хлеба и соли. В насмешку над церковными обрядами устраивалась «черная обедня», после которой начинались пляски под оркестр. Вместо скрипок оркестранты держали в руках лошадиные головы, вместо рожков — кошачьи хвосты. Танцевали попарно, но повернувшись друг к другу спиной. В заключение этого

славного праздника главный черт сжигал себя, а участники шабаша делили между собой пепел, высоко ценившийся из-за его вредоносных свойств. Сотни очевидцев, допрошенных под пыткой, подтверждали непрерываемую достоверность нарисованной монахами Инститорисом и Шпренгером картины.

Впрочем, среди гостей Броккена попадались подлинные шедевры дьявольского соблазна и искушения, как, например, Бабелинка, последняя из сожженных в Германии ведьм. Золотоволосая, как этрусские женщины, она, однако, даже превосходила их ростом и статью. Грудь ее обнажали дьявольский умысел, потому что смотрели они чуть в стороны, и у многоопытного монаха-доминиканца Ритониуса, допрашивавшего ее, тотчас возникло желание исправить этот бросающийся в глаза недостаток. Сапфировые глаза Бабелинки внушали ему беспокойство, и лишь когда подручные связали женщину, отец Ритониус смог убедиться, как подчеркнуто много в ее теле излишеств и по-дьявольски плавных изогнутых линий. Лучшим доказательством вины Бабелинки было само желание монаха познать своего заклятого врага в образе женщины, вызванное безусловным стремлением сокрушить его. Но, даже будучи лишена одежды, связана и оставлена до утра в распоряжении справедливого судьи божьего, Бабелинка упорствовала в своем грехе. Отцу Ритониусу пришлось применить опостылевшие ему инструменты пыток, как-то: щипцы, раскаленные гвозди, дыбу, молотки и молоточки. Признаний не было, и, отерев с лица пот, добросовестный доминиканец с сожалением распорядился о костре.

* * *

Я растянулся у костра на голых, нагретых от жара камнях, размышляя о прошлом, незаметно переходящем в будущее, минуя настоящее. Оцепенев от тепла, согревавшего бок и спину, я закрыл глаза. Три часа

прошли незаметно. Или, может быть, мне не хотелось возвращаться в таком виде в город? Темнело. Я наметил маршруты. Неминуемо выходило, что мне придется столкнуться с прохожими, а то и с милиционерами. Нужно было выждать. Костер угас. Я снова разжег пламя. Под треск влажных веток сгущалась темнота, проступали над морем звезды. Это означало, что прогноз погоды, который дал Сергей Герасимович, был удачным.

Час. Два. Оставив за моей спиной кучку золы и холодных углей, я неспешно двинулся к городу. Выбрал ближайшую к морю тропу. Собственно, тропы никакой не было, и кое-где приходилось прыгать через заборы, но зато в звездную октябрьскую ночь не так уж странно, как я полагал, повстречать пловца близ берега.

До реки добрался благополучно. Потом вёрхом обошел санаторий «Волна», нырнул в декоративные чащобы и был таков.

У двери моей обители я отдышался, нашарил ключ в условленном месте — под крыльцом. Вяло улыбнулся собственной проделке; на двери моей рукой было нацарапано в первый же день: «Бочка Диогена». Вместе со мной в комнатенку шмыгнул зверь. Глаза его сверкнули зеленоватым огнем. Я видел его на взгорье у костра. Это был кот, серый, как сумерки. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Потом он деликатно сел в углу, прикрыл свои зеленые глаза и замурлыкал успокоительно. Вот так же сидел он поодаль от костра, не мешая мне думать о Броккене, и у меня были все основания считать его самым мирным из бродячих котов.

На столе, где я хотел навести порядок, выискивал крошки черный таракан. Я подождал, пока он удалился восвояси, недовольно ворча что-то на своем тараканьем языке. Впрочем, это могло мне и показаться. Собрав влагу с окольного стекла, я мокрыми ладонями вытер клеенку, вышел к умывальнику и вымыл руки. Вспомнилось, что шерсть забредшего ко мне в гости зверя была

мокрой. Да, именно так. Даже капли блестели в свете пламени. Но дождя не было. Значит, кота накрыла волна, так, что ли?

Я угостил его остатками колбасы. Сам же глотнул из фирменной стеклянной коньячной фляжки.

— Скучно здесь вечерами, — произнес я, и кот моргнул. — Скучно и холодно, правда, хозяин дал электрический уют, который можно включать вместо печки... что мы с тобой сейчас и сделаем. Ты умный кот и, конечно, не ловишь крыс, потому что они здесь свирепые и наглые. Днем с огнем не найдешь теперь кота-крысолова.

Ваш брат пошел теперь беспородный, мелкий, против крыс даже один на один ни-ни! А они процветают, мясом и крупой угощаются, поезда на станциях досматривают, даже шпалы грызут. Иностранцы не дураки, вывезли к себе голубого русского кота, наслышаны о войнах с крысами в древности... ну а мой друг историк до слез умиляется, вспоминая о любимой кошечке Софьи Палеолог, особенно трогает его интеллигентность первой и манеры второй, а может быть, как раз наоборот. Оторвался он от современности. Огорчительно, правда? Коньяку глотнешь?

Кот моргнул и, к моему удивлению, слизал коньяк с жестянки, куда я в порядке эксперимента капнул. ...Ночью, словно в кошмарном сне, успел рассмотреть я красноглазую крысу, лезшую по оконному переплету с наружной стороны. За ней — вторую. Все застыло во мне. Успело промелькнуть в голове, что слова мои были не напрасными и что кот мой, наверное, со страху уже забился под кровать. Это были врезавшиеся в память мгновения: крысы, обнюхивающие оконный переплет, добравшиеся почти до форточки, которую я оставил на ночь открытой...

Одна из них точно обшаривает комнату тускло-багровыми лучами, исходящими из ее поблескивающих глаз, а хвосты этих тварей сладострастно шевелятся и

поднимаются вверх, ометая оконную раму. Еще мгновение — и одна из крыс бросится на меня. Накликал же я беду на свою голову!

Но страх не успел овладеть мной по-настоящему. На стекле скрестились лучи — тускло-красные и зеленые. Брызнули расплавленные капли, ослепительные искры. Сон?.. Явь?

Метнулась тень. Зеленоглазый кот прыгнул в форточку. Все смешалось за окном. Слышался рык, потом — приглушенное бормотание, вопли, там сцепились оборотни. И вспыхивали лучи, сверкали огни глаз — вот они уже за листвою и гаснут, гаснут, как светляки перед рассветом...

Утром я обнаружил крохотные отверстия в стекле. Они были идеально круглыми, с оплавленными гладкими краями, точно канальцы для нитки в опаловых бузинах.

А вечером зашел хозяин Сергей Герасимович (днем меня не было дома).

— Съезжай-ка с квартиры, — сказал хозяин, и я заметил, что левый ус его слегка дергается, — съезжай, съезжай!

ДЕНЬ ОТЪЕЗДА

Пульсации живой материи, доставшиеся нам от первоклеток, тысячекратно видоизменялись, усложнялись на протяжении тысячелетий и в конечном счете породили движения ярости, отчаяния, боли, любви. Но бывают дни, когда пульсации эти созвучны окружающему. Причина гармонии кроется в ритмах моря и света над ним, которые совпадают с нашими собственными. Таким был день отъезда.

Над голубой равниной было ясно и просторно, зеленоватое небо раскинулось над морской далью, легкая дымка и пелена на западе отражались в токах воды. По всему пространству бродили какие-то изумрудные

светящиеся пятна, порождая едва уловимые следы на редких облаках.

Очень далеко, у самого устья Дуная, невидимый, укрытый от меня кривизной земли, лежал низкий песчаный остров, который в старину назывался Змеиным из-за обилия там змей. Это остров Ахилла. Сейчас там гнездятся чайки, над пустынным берегом его пролетают аисты и лебеди, белые, как пена прибоя. Здесь впервые увидели и полюбили друг друга Ахилл и его избранница, их свадьбу отпраздновали боги — Посейдон и Афродита. Когда Ахилл погиб у стен Трои, его мать Фетида обратилась к Посейдону с просьбой поднять со дна моря остров. На остров перенесла она душу Ахилла. Время перемешало миф с действительностью. Достоверно известно лишь, что жители Ольвии построили на острове храм, посвященный Ахиллу, и статуя героя из белого мрамора украшала его. К берегу приставали корабли, чтя память бессмертного юноши. Говорят, еще в прошлом веке там находили камни храма и сокровища, затерянные в песке.

Успею ли я когда-нибудь побывать на острове?..

Три черных баклана пронеслись над водой, казалось, они задевают невысокие волны крыльями. Это был знак: пора уходить, пора уезжать. На побережье наступал час атлантов.

Часть пятая. КЛЮЧИ МАРИИ

ВСТРЕЧА В КАФЕ

Увидели мы друг друга через стекло. Я вошел, но остался у гардероба. Она тотчас вышла из зала мне навстречу.

— Ты был в командировке? — спросила Валерия.

— Да, — рассеянно ответил я, прислушиваясь к тому, что происходило в зале.

— Сегодня день рождения у мсье Леграна, — сказала она, повернувшись так, что виден был ее волнующий нежный профиль; блики света очерчивали линии лица, намного более выразительные, чем запечатлевшиеся в памяти.

— Тот француз, с которым ты познакомилась?..

— Он самый...

А за столом, угол которого был мне виден, оживленно заговорили об аристократах духа и об искусстве, да так громко, что все было слышно.

Две незнакомые девушки выпорхнули на улицу. В широкую щель между гардинами стал виден зал, два сдвинутых стола, кое-кто из сидящих. Мсье Легран под интимно-задумчивый аккомпанемент гитары пел о том, что невысокого светловолосого человека из Назарета казнили традиционным римским способом, а фэры (фарисеи) и садики (саддукеи) бессмертны.

— Где отец? — спросил я.

— В городе, — ответила Валерия. — Он сказал, что не сердится на тебя.

— Я тоже.

— Что — тоже?

— Не сержусь. Старик мне всегда нравился.

— Он спрашивает о тебе.

— Что ты ему отвечаешь?

— Что ты пропадаешь где-то. Забыл его и меня.

— Мне кажется, сейчас за нами наблюдают пять пар глаз.

— Ну и что...

У нее была узкая у запястья ладонь, длинные, сужающиеся к концам пальцы. Я понимал, что она все еще остается загадкой для меня. Может быть, и для себя самой тоже. Странно, что мысль о прошлом не отталкивает меня от Валерии. Даже наоборот... все это не так просто объяснить.

— ...Мне известно спорное высказывание Флетчера, — рассуждали там, среди разномастной публики, наблюдавшей мир сквозь цветные стекла фужеров. — Этот англичанин еще в шестнадцатом веке побывал при московском дворе и писал буквально следующее: мужчины питают пристрастие к бане и питью, а женщины — к румянам и краске для ресниц, и после двухчасовых занятий своим хобби те и другие перестают узнавать друг друга. Но положение, друзья мои, коренным образом изменил Петр Первый, который вменил все сие в круг постоянных обязанностей.

— Да, мсье, это так. Печально, что вы еще не успели побывать в русской бане! — раздался чей-то радостный визг; обладатель этого жизнерадостного голоса готов был, судя по всему, ползать на животе по столу.

— Я знала, что ты уехал... Без тебя было плохо. (Валерия откинула голову так, что волосы ее упали с плеч в тень за ее спиной, и очень ясно обозначилась линия подбородка.) И знала, что тебя долго не будет.

— Это преувеличение. Я был во Владивостоке, потом отдыхал в Хосте, под Сочи. Вот и все.

Мы забрались с ней в самый угол, за дверь, за темные шторы. Все же было не по себе. Роль не для меня. Я не знал, что заставило нас стоять здесь. Иногда я просто не мог узнать ее и себя, порывался куда-то уйти.

— Да стой же, никого здесь нет, кроме нас, — горя-

чо и зло выдохнула она; темная зелень ее жакета, юбки с разрезом отгораживали от дневного света, точно вдруг поднялись горы с пологими округлыми вершинами.

На ней были гольфы цвета асфальта с оранжевой тесьмой под коленом, на которой сбоку покачивались легкие гроздья рябины. На ногах — зеленые полусапожки из тонкой замши с темными шнурками и перламутровыми плоскими пуговицами у тонкой щиколотки.

— Я многое знаю...

— Ничего ты не знаешь, — жарко и сердито выдохнула Валерия. — За тот месяц, что тебя со мной не было, ничего нигде не произошло.

— Я виноват...

— Не спеши брать на себя вину, если ничего не знаешь...

— Я знаю.

— Ну и знай!

В коротких перерывах между репликами мы целовались.

— Ты, при чем тут ты...

— Кто поможет тебе и отцу? — спрашивала она.

— Нужно ли помогать мне?

— Да.

БОЯЗНЬ ТЕНЕЙ

С площади Курского вокзала — налево. И еще раз налево, к Яузе, желтой ленте среди улиц, к самой медленной реке. Сначала виден Костомаровский переулочек и мост. За мостом на взгорье — церковь Сергия в Рогожской поднимает зеленые купола и колокольню. Ее видно как на ладони. Под белыми ее стенами, ниже холма, летом — таинственно-тревожная зелень, осенью — крутые обнажившиеся яузские откосы. Это самое таинственное место в Москве. Если подняться к Андроникову монастырю, над головой вырастут зеленые наверхия и флюгеры, серая древняя стена, и вдали,

в зеленовато-золотом от солнца просвете, между новыми домами видны кремлевские башни, а справа — Строгановский дворец.

После наступления темноты лучше не бродить по знакомым улицам, где высятся груды битого кирпича и голые стены, а сквозь пустые оконные проемы видны ребра балок. Уцелевшие дома на Тулинской и Школьной кажутся островами среди первозданного хаоса. Однажды, когда я прошел под аркой своего тридцатого дома на Школьной, чуть ли не на голову мне упал изрядный кусок деревянного бруса с террасы. Эта терраса выходила во двор, теперь же она обветшала, стекла ее высыпались, деревянная лестница на второй этаж обвалилась. Там, на втором этаже, уже никто не живет. Заборы снесли, и двор стал открытым. Две акации вытянулись так, что их не узнать. Темный гребень кирпичной стены, некогда возвышавшийся над окрестностью, исчез.

Я отказался от попыток осмотреть весь дом. В другой раз я позвонил своему давнему приятелю, который до сих пор каким-то чудом сохраняет за собой две комнаты на другой стороне улицы моего детства.

Под окнами у него шумят пять высоченных лип, и весь двор зелен от травы, от густого мха, покрывающего отмостки и каменное крыльцо, и от древесных крон погожими днями гуляют по траве зеленые тени. Зовут его Терентий Климов. Вижу я его не чаще раза в год, как это водится у хороших знакомых, занятых по горло маленькими и большими делами. Я позвонил ему. Долго никто не снимал трубку. Потом раздался его голос, и я тут же согласился приехать. Шел я к нему от Таганки.

Что там, в Таганском парке?.. Строительная лихорадка, визжит подъемный кран, на месте танцверанды с деревянным полом, с навесом от дождя — безликие кирпичные стены. Срыты и веранда, и вековые липы, укрывавшие ее, а Верочка-билетерша ныне готовит студентам и школьникам пуниш в дискотеке под

неестественно оживленные ритмы эпохи ориньянского человека.

Шел я по моей стороне улицы, которая уже была огорожена. Некоторые дома начали реставрировать: это единственная в Москве ямщичья слобода, которая до сего дня уцелела и сохранила свой облик. Не удержался и заглянул в пустое окно нашего дома: там на стене остались обои и выступал из стены железный массивный прут — остаток старинной коновязи.

Под высокой обувной мастерской просеменила знакомая старушка, тетя Фима; перешла улицу. Увидел, как она вошла в ворота. Ускорил шаг, следом за ней оказался во дворе, напротив старого деревянного флигеля. Ее не было.

Я взбежал по деревянной лестнице на террасу двухэтажного дома, позвонил у входной двери. Услышал, как неровно, захлебываясь, прозвенел в коридоре звонок. За дверью, обитой черным дерматином, раздались шаги. Щелкнул замок. Звякнула цепочка. Открыл дверь, вошел. Полутьма в коридоре, пыльная газовая плита видна в открытую на кухню деревянную дверь. Все так, как было много лет назад. Никого. Позвал:

— Терентий?

И женский голос откликнулся ласково:

— Да заходи же, Володя!

Тогда я, не глядя, проскочил коридор, толкнул дверь в комнату, вошел. И тут же раздался чей-то вскрик. Но было поздно.

Мгновение невесомости — и я увидел зашторенное окно, цветок бегонии в глиняном горшке, полуприкрытый шторой, серую пыль в широком луче сумеречного света.

...Резкая боль в левом плече, провал в сознании. Когда пришел в себя, то не услышал сначала ничего, кроме собственного дыхания. Даже с улицы не доносилось ни голосов, ни шума машин. Я полулежал на бе-

тонном полу, по самые плечи в воде. Пахло краской, сыростью, плесенью, словно меня перенесли в другое пространство.

Я боялся пошевелить рукой. Лежал с открытыми глазами и ловил сумеречные пятна света надо мной. Едва-едва стал доноситься далекий шум улиц. Это успокаивало. Наконец я решился. Шевельнул правой рукой, потом левой — ничего, все в порядке, кости целы. Медленно поднялся на ноги. Зазвонил телефон. Сообразил, что это рядом. Отряхнулся. Куртка, брюки, рубашка были мокрыми, липкими.

Нашупал в бетоне углубления, похожие на ступени. Стал подниматься наверх, а телефон все звонил. Выбрался на балку, потом — на деревянный пол в коридоре. В черное зияющее отверстие в стене, которую начали, видно, ломать, были видны далекие вечерние огни. Подошел к телефону.

— Тереша, ты? — раздалось в трубке.

— Нет. Его нет. Он переехал.

— Куда?

— Не знаю.

— Кто это?

— Домоуправ. — И я повесил трубку.

Увидел в углу кухни газовую плиту. И снова коробок спичек с желтой этикеткой оказался под рукой. Я разжег газ, все четыре конфорки. Закрыв дверь в комнату без пола. Стало тепло. Снял одежду, развесил ее на чудом уцелевшей бельевой веревке, привязанной к вешалке и гвоздю в стене. Снова зазвонил телефон. Подошел. Спросил:

— Вам кого?

— Вас.

— То есть?..

— У подъезда вас ждет машина.

— Спасибо. Ах, это вы... узнал вас по голосу.

— Да, это я. Водитель из Хосты. Жду вас.

— Я немного обсохну...

— Поторопитесь.

— Ладно, ладно...

Я сразу нашел его. Машина стояла у бывшей обувной мастерской. Дернул предупредительно распахнутую дверцу. Мы сорвались с места.

— Вас оштрафуют, — сказал я.

— О, нет, — ответил он, улыбнувшись. — Прибор покажет только шестьдесят, ни километром больше.

— Чему вы улыбаетесь?

— Приятно, что с вами ничего не произошло... плохого.

— Если случившееся означает, что со мной ничего не произошло, то, представляю себе, что меня могло ожидать... или ожидает. Вы можете ответить на этот единственный вопрос?

— Нет, не могу. Я простой водитель.

— Не совсем так. Вы как раз не простой водитель, как я уже имел случай убедиться.

— Не будем на эту тему распространяться. Главное, вы живы.

— Жив. С моей точки зрения, это неплохо.

— С моей тоже.

— Вы так и не скажете мне, что меня могло здесь ожидать?

— Вам не надо здесь бывать. По крайней мере, до зимы. Это опасный для вас район. Вас подстерегают здесь неприятности.

— Вы меня ждете только, когда меня предостерегают неприятности?

— Я только выполняю распоряжения.

— Чьи?

— Снова вопросы. Все, что надо, вы знаете и без меня.

— Ладно, ладно... знаю. Может, даже больше, чем полагается. Давайте-ка направо, к мосту, потом к Садовому кольцу и уж потом на Ленинградский проспект. Если нет возражений, конечно...

Возражений не было.

— Ну а как насчет «Чайки»? — спросил я.

— Что, что? — не понял он.

— Когда мне вместо «Волги» будут подавать «Чайку»? Разве все это не дает оснований просить другой мотор?

— Вам не нравится моя машина? — обиделся он, приняв слова мои всерьез. — Не нравится, да?

— Да ничего. Не обращайтесь на меня внимания, старина, не обижайтесь. Черт бы побрал всю вашу неразговорчивую этрусскую братию...

ВАЛЕРИЯ

Разговор с Валерией по телефону:

— Профессор Чиров в Москве?

— Нет. Профессор Чиров собрал приличные рубашки, взял два лучших костюма и махнул на юг.

— Куда именно?

— Под Сочи.

— Любопытно. Ты говоришь, под Сочи?.. А куда именно?

— Никуда. В гостиницу. Знакомые заказали ему номер.

— В какую гостиницу? Кто заказал номер?

— Это так важно?

— Это интересно. Он же никогда не ездил к морю...

— Ну и что? Взял и поехал. Прислал письмо.

— Написал, где остановился? Адрес есть на конверте? Я приеду!

* * *

— Адрес... — Она задумалась, прикрыла веки, рассматривая носки своих туфель, повернулась, оглядывая задумчиво свой профиль в зеркале. В волосах ее тускло блестела серебряная заколка с янтарной ягодой. Я живо вспомнил о таких вот иглах, которые давно используют

некие представители загадочных цивилизаций здесь, на Земле. Но, всмотревшись, решил, что это простая закладка.

— Адрес... — продолжала она, повернувшись ко мне. — Не помню точно. Город Сочи. Гостиница «Турист». А может быть, я путаю...

— Гостиница «Привал», — подсказал я.

— Не уверена.

— Кто заказал ему номер?

— Аспирант из института... — Она замялась.

Я мельком увидел знакомый кабинет, просторный стол со светильниками, коллекцию редкостей на полках, книги под стеклом. Дверь была приоткрыта, но мне казалось, что профессор лишь вышел на минуту и должен вот-вот вернуться.

Мы прошли в светлую просторную комнату Валерии, комнату в два света, как говаривали в старину. На стенах были развешаны натюрморты с китайскими пиалами, японскими вазами, утварью, которую можно увидеть в чайхане или на восточном базаре. На журнальном столике лежало письмо. Я сразу заметил его, но не мог прочесть адрес.

— Хочешь кофе? — спросила она и вышла на кухню, когда я молча кивнул.

За несколько минут, пока она колдовала на кухне с медной посудой для кофе — джазве, — я успел прочесть письмо от первой строки до последней. Ничего особенного. Вода уже прохладная, градусов семнадцать, вечерами дуют ветры с гор: Остановился в гостинице. По утрам делает зарядку на пляже. Обедает в ресторане, ужин заказывает в номер. Названия гостиницы не было. На конверте значился обратный адрес, но край был оторван, и нужного мне слова разобрать было нельзя. Не исключено, что он остановился именно в «Привале». Уж не лучше ли перепоручить мои заботы тем, чьим прошлым профессор так пристально интересовался?

Я обдумывал две гипотезы. Первая: его поездка нужна атлантам. Вторая: она нужна этрускам. Я приводил все новые доводы в пользу каждого из этих предположений и был мрачен. Валерии последнее не нравилось.

А я представлял себе профессора на шаролете, нырнувшем в морскую глубь. Будто бы Чиров с важным видом консультировал хороших моих знакомых по части художественной ценности древней бронзы, мрамора, амфор, этрусского золота. Потом я представлял его близ шестерки золотых коней, которая украшала некогда храм в столице атлантов.

Замечание Валерии и телефон прервали мои размышления. Она поднялась, вышла в прихожую; я слышал отдельные реплики:

— Светка, да ты же вчера была у меня в гостях, ты что, забыла? Какие мушки?.. Шкаф?.. Не помню.

Если Чиров оказался там по воле атлантов, то услуги, которые от него потребуют, могут оказаться совсем иного рода. Хотя, впрочем, его поездка ни для кого не секрет. В общем, за него лично можно быть спокойным...

— Ты что? — воскликнула Валерия, вернувшись из прихожей. — Ты, по-моему, болен!

Жестокое замечание. Если бы она знала, что на этот раз ее предвидение сбудется! Я спросил:

— Когда уезжает этот француз из Бордо?

— Он совсем не из Бордо! Почему ты так решил?

— Потому что...

— Ты мне не нравишься.

— Ничего не могу поделать. Еще письма от отца были?

— Нет. Он звонил. Все нормально. Скоро приедет.

— Ты сейчас разговаривала с подружкой?

— Да... а что? Спрашивает какую-то глупость. Есть ли у меня мушки, которые кусаются и похожи на комаров. И еще сказала, что ее шкаф выше моего и она его выбросит.

Мы вышли на кухню. Пол здесь был деревянный,

дошатаый, деревянными были стены, шкафы. В широкое окно полыхнуло красным огнем низкое солнце. Я уселся в низкое кресло с узорами на обшивке. Ноги ее были алыми, когда она попадала в сноп света, но тотчас становились лунно-серебристыми, если тонули в дымчатых тенях от стола или шкафа. Она сполоснула кофеварку холодной водой, и у колена ее зажглась капля, висевшая, казалось, в воздухе сама по себе. В тени ее не было видно. Потом она снова наполнялась светом, как звезда, мерцавшая над деревом. Все алое или жемчужно-яркое у ее узкого, тонкого колена меркло: там были складки черненого серебра, тонкого, гибкого, и свет касался лишь гребешков этих полуставявших волн. Капля наконец сорвалась и поползла по налитой ярким светом и мерцанием критской амфоре высотой до спинки стула.

Легкий теплый ветер, что ли, прошелся между нами... мы не смотрели друг другу в глаза. Платье, ремешки, завязки, накладные кружева с тусклыми лепестками были рубиновыми от огней и холодными как лед. Только теплый ветер едва слышно оведал неподвижные преувеличенно большие контуры заштрихованного поперек серебра, сверкавшего над штрихами золотыми звездами, шарами планет, вспышками блесков на сиренево-лиловом, белом, фиолетово-черном фоне с округлыми линиями широт и меридианов, вдруг ставших вещественными, подвижными, как вязаная сеть для отлова сайгаков.

Непроницаемая крона дерева мира, ясеня Иггдрасиль, держала на себе сиренево-лиловые облака, укрывшие источник Урд.

И крона дерева, медная от лучей, проросла сквозь лиловый шелк облаков, прорвала закатно-алые кружева тумана. Как в ветреную погоду, шуршало, глаз солнца мигал, его отражения от сиреневых и лилово-анилиновых складок слепили. Но свет не в силах был угнаться за открывавшимися воплощениями мифа, и все резче

перечеркивали тусклое серебро критских ваз полосы черни, все гуще становились тени затемнявших друг друга шаров и колец,

ГОРИ, ОГОНЬ

Мелькали сообщения о пирамидах и каменных дорогах, оказавшихся на дне океана близ латиноамериканского побережья. А на поверку оказывалось, что все это перепечатки из старых журналов — и ни одного снимка. В то же самое время исчезли упоминания о полете над Атлантикой двух бразильских летчиков в сорок втором, когда им удалось увидеть город под водой. Тогда была удивительно ясная тихая погода и морская поверхность напоминала зеркало. Там же, помнится, приводился подсчет; такое состояние атмосферы может повторяться не чаще одного раза в двадцать пять лет. Известен парадокс: чем выше летишь, тем лучше видно дно. Со спутников, например, виден шельф, иногда морское дно до глубин в сотни метров. Космические полеты, таким образом, косвенно подтверждали версию о бразильском самолете.

Я приобрел у букиниста книгу, в которой было фото отца и которую хорошо знала сестра. Увы, я не нашел там снимка. Даже в описании буддийского монастыря и дворца нет ничего общего с прежним. На соответствующих страницах повествуется о хамбо-ламе, изображениях тигров, украшающих его дворец, субурганах — небольших башенках, которые буквально нанизаны на стены постройки и играют в буддийской религии ту же роль, что и кресты в христианской (ранее о них не было упоминаний). Квадратная основа субургана символизирует землю, купол над ней — воду, тринадцать колец над куполом — огонь и в то же время тринадцать степеней посвящения. Еще выше раскинулся зонт — знак воздуха, увенчанный солнцем и луной — тоже условными, буддийскими. Дальнейшее описание привожу полностью:

«У входа можно увидеть также две скульптуры, одна из которых изображает Гомбогурема, Стражника юрты. Он преграждает путь злым духам и теням врагов. Рядом высится скульптура Лхамо, богини, сидящей на муле. Спина мула покрыта кожей сына богини. Мать содрала ее с собственного сына за то, что тот отступился от веры. В одной руке Лхамо держит чашу с кровью сына, в другой — змею вместо узды. Внутри храма развешаны скальпы, связки человеческих глаз, нанизанные на проволоку языки, отрубленные ноги, руки. Но это скорее символы мучений злых духов, к верующим это не относится».

Только на свою память я мог полагаться.

...Все чаще я видел себя с отцом у костра.

Предсмертный час.

Я стою рядом с отцом. Перед нами жаркий костер. Пламя уже гаснет, но тем лучше проступают желтые и красные угли. Они окаймлены широким кольцом золы и пепла. Лес вокруг нас светел. Редкие лиственницы будто подошли к огню погреться. Их темно-зеленые мягкие ветви опущены вниз. Деревья кажутся легкими шатрами с острыми вершинами. У подножия их — кочки с седеющей травой.

Наверное, близилась осень. У отца за плечом охотничье ружье. Дуло его смотрит вниз, на вороненой стали — багровые отблески живого света.

На отце куртка, резиновые сапоги с отворотами, патронташ. Небо темнеет на глазах. Пробегает ветер над самой землей. Его дыхание заставляет пламя биться из последних сил. Шуршит осока. Качнулись ветки. Порыв убежал вдаль, и вот уже где-то шепчутся розовые березняки. Ясно видно, как пламя умалется. Голубоватые языки его отрываются от углей и как бабочки порхают над ними. Я смотрю на отца. Потом тяну его за руку. Он не понимает меня. Показываю рукой на угасающий костер. Угли покрываются серым тончайшим налетом.

Это пугает меня. Я боюсь, что станет темно, боюсь, что умрут светлые летучие языки огня.

Первая в жизни минута страха, отчаяния. Я сжимаю руку отца до боли, плачу. Он берет меня на руки, касается моих волос. Мы уходим с этого места. Он широко шагает по кочкам, и меня укачивает. Я успокаиваюсь. Волшебство, которое сменилось тревогой и страхом, осталось со мной на всю жизнь. В тот миг, когда я понял, что костер умирает, пробудилось мое самосознание. Закрыв глаза, я вижу одно и то же: лицо отца, блики на ружье, руки, которые поднимают меня, трепетное пламя.

Стоило мне представить светоносное пламя, и становилось тепло, легко по-весеннему. Точно солнце выходило на небосклон, чтобы обогреть меня. Первое воспоминание детства и всей жизни говорило мне теперь слишком много. Ночью снились самоцветные угли среди брусничной поляны, за которой вставали высокие сизые травы.

Но вот огонь мерк, и я вскрикивал, тяжесть наваливалась на грудь. В холодном поту я сжимал руками голову, стараясь удержать мгновения... Но вспыхивали уже прощальные искры, и бежали летучие синеватые языки по головешкам, а тонкий налет пепла закрывал сияние. Минута уходила; в отчаянии я шептал странные заклинания, но все кончалось: я не видел больше отца, не видел нашего костра.

Так повторялось несколько ночей кряду.

Трещали сухие ветви лиственницы, брызгали искрами, я протягивал к ним озябшую руку, другой держался за отца. Пролетала неповторимая минута — и я с трепетом и страхом замечал, как тускнели самоцветы углей. Вскрикивал — и все повторялось. Я просыпался от звука собственного голоса, от жалкого бормотания, от странных слов.

Меня манило к этому костру моего детства. Он разгорался помимо моей воли. Неведомая сила переносила

меня туда. И я был там! Был, как когда-то у стен Андроникова монастыря, когда мальчишками мы играли там в футбол. Но другая сила гасила пламя. Я был уверен в этом. Костер должен был гореть! И я должен был там быть до тех пор, пока болезнь не покинет меня. Но костер накрывали серым саваном золы и пепла. И пытка длилась и длилась. Ведь тем, другим, нужно было сломить меня и погасить огонь.

ПИСЬМО

Есть явление — интерференция. Накладываются темные и светлые волны, получается затейливый рисунок, узор. Так и со мной. Влияние темных волн докатывалось до меня, и все, что ни случалось в последнее время, было результатом их взаимодействия со светлыми волнами. Я не мог предвидеть повороты событий. А могли кто-нибудь?.. Сомневаюсь. Со знанием дела можно рассчитать какой-нибудь узел машины и начертить его на бумаге. Получится эскиз или чертеж, где все понятно. Но пусть к этому чертежу подойдет другой конструктор и оставит на нем неизвестное заранее число прямых и кривых линий, нанесенных на бумагу с той же тщательностью, что и ранее. Что получится? Никто сказать этого не сможет. Узел исчезнет, вместо него возникнет другой узел, в лучшем случае отдаленно похожий на исходный. Вот что происходило. И не только со мной. Прошла без малого неделя — и Валерия позвонила, сказала, что отец прислал странное письмо, адресованное мне, и что передать его содержание даже приблизительно по телефону она не может. Я немедленно поехал на улицу Сурикова.

На конверте значилось: «Владимиру Санину».

Вот оно, это письмо.

«Уважаемый Владимир Константинович, когда-то Вы были моим учеником, и мне кажется, теперь и я вправе обратиться к Вам за советом и разъяснениями. До сих

пор помню Ваше возвращение с побережья в прошлом году и необыкновенную Вашу находку — тексты на этрусском. Что с ними случилось, не мое дело, поскольку Вы любезно согласились в свое время показать мне их. И того с меня довольно.

Но вот недавно по какой-то странной игре случая я оказался почти в том самом месте, где проводили отпуск Вы. Мне пообещали хороший номер в гостинице. И действительно, я был доволен. Но вот что произошло однажды. Меня познакомили с человеком, который расположил меня к себе с первого взгляда. Из-под непомерно высокого лба глядели на меня необыкновенные глаза. Затененные набухшими, как бы натруженными, веками, они, казалось, находились перед лицом. Человек был спокоен, бледен, корректен. Фамилия его Каратыгин. Именно он стал приносить иногда подлинные редкости, шедевры искусства минувших времен, и спрашивать мое мнение о них. Когда я пытался узнать, откуда они у него, он говорил, что это копии, которые он сам выполняет по моему методу.

Я поверил этому, успокоился и несколько дней с интересом знакомился с его коллекцией. Иногда ему помогал черноусый брюнет с мягкими кошачьими движениями, молчаливый и нагловатый. Этого второго я звал по имени: Кирилл.

Вы не поверите, если я просто перечислю все, чему мне довелось быть свидетелем. Кунсткамера Каратыгина и его компаньона Кирилла превосходит все, о чем мне доводилось читать и слышать. Странно, что отдельные копии были как бы зеркальным отражением оригинала. Но таковых мало. Все остальные нельзя отличить от подлинников. Когда я произносил эти слова привычным тоном (потому что действительно стал привыкать к созерцанию небывалого богатства), Каратыгин довольно ухмылялся. Потом zakралось подозрение: уж не используют ли эти молодцы меня в качестве эксперта? Ведь если вещь проходит через мои руки, я как бы выдаю ей

паспорт подлинника, и они с полной уверенностью могут сбыть ее кому угодно за немалые, разумеется, деньги. Более того, они могут без опаски выдавать копию за подлинник.

Что бы вы сказали, например, если у Вас в руках оказалась бы посмертная маска из пирамиды с Храмом Надписей в Паленке? Напомню, что речь идет о древнем мексиканском храме индейцев, где была обнаружена в пятидесятих годах нашего века таинственная лестница, ведущая в комнату с каменным саркофагом. В этом большом саркофаге находились скелеты пяти молодых индейцев. Рядом располагалась вторая комната с огромным каменным блоком, который тоже оказался саркофагом. Здесь покоились останки важной особы, осыпанные золотом и яшмой, которую майя ценили выше золота. Посмертная маска была найдена именно в этом саркофаге. Выполнена она из кусочков яшмы. Тонкие губы, нос с высокой спинкой, особенности строения черепной коробки дали в свое время основания считать, что антропологически тип умершего близок к баскам. Появились сообщения, что этот тип был характерен и для атлантов. Так вот, я видел подлинную маску из Паленке. Или я ничего в этом не понимаю. Теоретически я допускаю, что это была лишь копия. Но как могли эти двое завладеть хотя бы копией? Где находится сейчас подлинник? Ответьте мне на этот вопрос. Прочитайте мои короткие дневниковые записи, которые я посылаю с этим письмом. В них тоже есть вопросы, адресованные Вам. Может быть, вдвоем мы сможем решить эту нелегкую задачу.

Ваш Чиров».

ИЗ ДНЕВНИКА ЧИРОВА

1. К вопросу о глиняных табличках или плитах, как называл их Ашшурбанипал («Я велел начертать на плитах славные письма, произведения книжного искусства

ва, которые не изучал ни один из моих предшественников, я собрал письма во дворце моем, я разбил их на разделы, и я, царь царей и любимец богов, умею даже читать их»).

Я увидел клинописные знаки, рассказывающие о потопе. О том самом потопе, который стер с лица земли цивилизацию наших предков.

«Ты, человек из Шуруппака, построй себе корабль, брось имущество и спасай свою жизнь. Возьми с собой на корабль по паре всех живых существ». Часть этой таблички отбита. Каратыгин принес мне две почти одинаковые плитки. У одной выщерблина была справа, у другой — слева. Они были словно зеркально отражены. Когда я спросил, откуда та и другая плитки, он только хмыкнул. Одна из них, несомненно, подлинная...

«Едва разгорелась небесная заря, с основания небес поднялась черная туча. Ходит ветер шесть дней, семь ночей. Вода поднялась и накрыла землю. При наступлении седьмого дня буря и потоп отступили. Успокоилось море, утих ураган. Я открыл отдушину — свет упал на лицо мое. Я взглянул на море — тишь вокруг. А все люди стали комьями глины. Равнина стала плоской как крыша».

«Я пал на колени, сел и плачу, по лицу моему бегут слезы.

В двенадцати поприщах поднялся остров. У горы Ницир корабль мой остановился. Гора Ницир корабль удержала, не дает качаться. Вынес голубя и отпустил его. Вскоре голубь назад вернулся, места пригодного не увидел».

Нашел ее некогда служитель Британского музея Смит, в прошлом гравер. Первая же находка Смита, если не ошибаюсь, вызвала скептический прием у специалистов. Получалось, что версия о потопе древнее самой Библии. Но Смит снова отправился в Ниневию. Ему

повезло. Иголку в стоге сена найти легче, чем недостающую часть глиняной рукописи. Но чудо произошло. Вскоре стал известен древний эпос «О все выдавшем» сразу в нескольких редакциях, они относились к третьему, второму и первому тысячелетиям до нашей эры. Герой эпоса Гильгамеш навещает своего предка Утнапиштима. Утнапиштим рассказывает, как один из богов посоветовал ему построить корабль. Боги даровали ему бессмертие. Гильгамеш просил открыть ему эту тайну. Однако, Утнапиштим не в силах подарить бессмертие родственнику. Зато он рассказывает ему о цветке, растущем на дне океана, который дарит молодость до конца дней. Гильгамеш добывает цветок. В пути на родину его постигает несчастье — змея пожирает цветок. С тех пор змеи каждый год меняют кожу и молодеют вновь, а человек стареет.

2. Женская голова, вырезанная из кости мастером ориньякской эпохи из Брасемпуи во Франции, производит сильное впечатление анфас. Это психологический портрет. Лицо тонкое, сужающееся книзу, черты лица мягкие, почти воздушные. Для палеолита такие находки — редкость. Размер фигурки небольшой, всего три сантиметра. Я плохо знаком с подлинником, который хранится в музее Сент-Жермен в Париже. Мне показали сразу три одинаковые фигурки. Нельзя было уловить ни малейших отличий.

3. Мадленская птица из Киевского музея, напротив, мне хорошо знакома. Найдена она на Десне. Хорошо различаются хвостовое оперение и узор, заменяющий перья на теле птицы. Узор напоминает о лабиринте. Квадратные фигуры такого же типа покрывают и браслет из Мезина на той же Десне. Таких птиц было две. Целый день они провели на моем столе, и я снова изучал тонкости узора, сравнивая его с изображенным на браслете, который тоже был у меня в двух экземплярах. Одному из них я отдал предпочтение, назвав его подлинным. Но откуда они могли взять оригинал? Воп-

рос этот ставит под сомнение мое заключение. Все это, конечно, копии.

4. Точно так же не мог держать в руках я настоящую богиню со змеями из Кносса. Эта фаянсовая скульптура напоминает о средиземноморской Атлантиде. Споры о ней продолжались много лет. Но время этой культуры — второе тысячелетие до нашей эры, то есть после Атлантиды Платона прошло несколько тысячелетий до нашей эры, прежде чем были созданы львиные ворота в Микенах, лестничный зал в Кносском дворце, цветной портрет девушки, участницы торжественной процессии, погребальные маски, вазы с морскими звездами, кувшины с росписью.

* * *

Мой аспирант, заказавший мне номер в этой гостинице, несколько дней оставался здесь, потом уехал к родственникам в Сухуми. Через две недели он должен вернуться. Первые визиты Каратыгина и Кирилла состоялись в его присутствии. Он не выразил удивления. Это, вполне естественно, увлеченные люди, таков был его вывод. Мне остается придерживаться того же мнения. Пока я не получу доказательства обратного. То есть, что если и есть увлеченный человек в этой компании, то это я сам. И все же я почти готов поверить, что они такие же фанатики, как я. В самом отборе экспонатов, копии которых они выполняют с таким непревзойденным мастерством и талантом, я нашел систему. Все, что они мне показывали, прямо или косвенно связано с тем временем, когда согласно Платону существовала Атлантида. Находки с Крита рассказывают о средиземноморской Атлантиде. Но, может быть, острова в Атлантике и гораздо более поздняя крито-микенская культура связаны общими традициями?

...Два дня подряд стоит отвратительная погода. Признаться, я заскучал бы, если бы не беседы о неизвестных мастерах, подаривших нам шедевры. Я напрямую

задал вопрос об Атлантиде. Собеседники мои перевели разговор на другую тему.

Выдалось несколько часов полного безделья, и я попробовал записать, с чего у меня все начиналось когда-то...

* * *

В юности я не помышлял об Этрурии. После окончания университета мне довелось несколько лет заниматься Востоком, в собственном смысле этого слова. Помню встречу, которая оказала на меня сильнейшее влияние. Я был по приглашению коллег в Венгрии. Вечером я вышел из отеля прогуляться. Отель этот расположен на Розовом холме, а мне хотелось попасть на другой берег Дуная, но добраться туда я хотел непременно пешком. У острова Маргит, на мосту, ко мне подошел незнакомец в котелке, с усиками и на чистом немецком попросил прикурить. Я остановился, достал зажигалку. Он вмиг узнал во мне русского. А я терялся в догадках, как он смог так быстро найти со мной общий язык, но факт остается фактом... Он швейцарец, точнее, ладин. Говорит немного по-русски. С изумлением узнал я от него, что ладины являются прямыми потомками этрусков. До сих пор в некоторых тирольских деревнях и в кантоне Граубюнден слух путешественников поражает странный диалект, на котором говорят соплеменники этого человека.

— Многие теряются в догадках, — сказал он, — и не знают, к какой же языковой группе относится диалект, на котором мы объясняемся между собой. Но это, поверьте, язык древних римлян с некоторыми словами, перешедшими еще из этрусского. Ведь этруски были ассимилированы. Когда они искали убежища в альпийских долинах, они уже почти поголовно говорили на латыни. Понимаю... трудно поверить, что вы встретили живого этруска. Тем не менее это так. Не хотите ли вы-

пить вместе по чашечке кофе?.. Я знаю отличный ресторанчик в десяти минутах ходьбы отсюда.

Я, разумеется, согласился пойти с ним. По пути он рассказал, что побывал во многих странах. В Венгрии необыкновенно дешевые рестораны в отличие, например, от соседней Австрии или Швейцарии. Но приехал он сюда, чтобы ознакомиться с некоторыми старыми рукописями и книгами.

По его мнению, Диоген Лаэртский был прав, когда говорил, что архивам египетских жрецов было около сорока тысяч лет, когда они погибли. Ученые, возможно, улыбнутся в ответ на это утверждение, дошедшее к нам из третьего века нашей эры, но известно, что первобытное состояние и даже состояние дикости наступает в результате упадка и в современном мире. И он упомянул Германию после тридцать третьего года, а потом заговорил о майя и ацтеках. Когда Кортес захватил Мексику, его календарь отставал от истинного астрономического времени и от календаря ацтеков. Календарь майя более точен, чем наш. Конкистадоры положили конец древним культурам. Войны и стихийные бедствия могут повернуть путь, которым следуют племена и народы, обратно к дикости и варварству. Более того, не было ни одного народа, который бы мог проследить свою историю от истоков. Племена и народы угасают вместе со своей культурой, потом иногда возрождаются под другим именем. Из двух народов образуется новый, и он наследует один из языков. Образуются ветви, как у дерева, возникают новые группы и племена, многие умирают или ассимилируются. Одним и тем же языком пользуются иногда народы-деды и народы-внуки, а иногда совсем разные этнические группы.

За чашкой кофе он заявил, что жрецы майя спрятали пятьдесят две золотые таблицы с древней историей Нового Света. Несмотря на пытки, они не открыли тайны конкистадорам.

— А что это за история, никому не ведомо, — добавил он с улыбкой. — Ведь, кроме упоминаний о Кецалькоатле, белых бородатых богах Антантиды, которые передали людям Нового Света культуру, нет никаких документов. Мы ничего не знаем о древних. Возьмем египетские пирамиды, к примеру. Еще Геродот видел надписи на каменной облицовке этих памятников фараонам. В Британском музее я видел манускрипт, в котором утверждается, что надписи на облицовке были выполнены неизвестными письменами на непонятном языке. В коптском папирусе есть строки о таинствах астрономии, геометрии, физики, которые были записаны на гранях пирамид для того, чтобы уберечь их во время грядущих катастроф. Но облицовочный камень был снят с пирамид. Весь он пошел на строительство жилищ, и теперь невозможно отыскать ни одной плиты с надписями. Вы, конечно, слышали о той точности, с которой глыбы подгонялись при строительстве гробниц, а на самом деле — библиотек и хранилищ знаний?.. Точность эта достигала трех десятых долей миллиметра. Невероятно. Но приходится верить. Разгадка пришла недавно. Было установлено, что древние египтяне применяли бетон, изготовленный по утраченному ныне рецепту. Не знаю, поверите ли вы тому, что не все пирамиды найдены. Но это так. Правитель Египта за триста лет до потопа, то есть задолго до известных нам фараонов, построил две пирамиды для сокровищ и рукописей. (Арабские источники сообщают даже о роботах, которые должны были охранять вход в эти сокровищницы.) Во сне этот правитель увидел, будто земля перевернулась, а люди лежали ничком на опустошенной равнине. Проснувшись в ужасе, он созвал жрецов. Жрецы после раздумий подтвердили грядущую опасность. В построенные сокровищницы было упрятано нержавеющее оружие, небьющиеся стекла, железный инструмент и многое другое. Писатель десятого века, писавший эти строки, вряд ли мог бы представить себе пластики и нержаве-

ющую сталь наших дней. Тем ценнее его свидетельство. С тех пор прошло около одиннадцати тысяч лет. Правителя звали Зарид. Имя, возможно, символическое, но в нем я различаю этрусский корень: «зар» означает «свет, жар». Ведь именно от него произошло русское слово «заря». Если хотите, можно вспомнить другие слова того же корня. Например, «зариться», «жарить», «разорение», в последнем случае указывается наиболее частая в старину причина несчастья — пожар, который действительно способен разорить любого.

Он закурил крепкую сигарету в черном табачном листе и отпил глоток кофе. Его глаза казались темными в полутьме зала. В углу играл небольшой оркестр, и скрипач иногда кланялся этому человеку, словно давно знал его.

— Я не так уж хорошо знаю русский, — продолжил он, — но могу по словарям искать корни самых древних слов. Смело могу сказать, что все корни этрусских слов перешли в русский, только они были переосмыслены подчас так, что не сразу их распознаешь. Но еще более уместно говорить о древнем языке русов, от которого отделился затем прафиникийский, этрусский и многие другие языки. Конечно, вам поверить в это нелегко. Но вот простой пример. Кто жил в Асгарде скандинавов? Асы. Не так ли? Теперь вспомним, что мир согласно верованиям ариев возник из космического яйца. Об этом говорит Ригведа. «Яйцо» по-этрусски звучит так: «аис», «яис», почти как по-русски. «Бог» — по-этрусски «аис» или «аисар». Бог в Бахабхарате индусов именуется Асурасом. Живет он на небе. Но древние «глotalи» иногда гласные. Получается, что корень русов, населивших Малую Азию за восемь тысяч лет до пирамид и задолго до потопа, стал основой и русского «яйца», и скандинавского «аса», то есть бога. Бог — яйцо. Как вам это нравится? Но первоначало нашего мира, как говорят последние данные астрофизики, действительно похоже на плотное космическое яйцо, которое взорвалось и стало

расширяться во все стороны. Ведь именно этим объясняют сейчас красное смещение, не так ли?

— Вы хватили через край, — сказал я этому человеку. — Это преувеличение, по крайней мере.

— Это скорее преуменьшение! — необыкновенно живо рассмеялся он. — Русы — это еще не русские. Это древние охотники с быстроногими гепардами. Кошачьи в глубокой древности именовались так: «рус», «рас». Отсюда имя племени или племен, объединившихся в союз русов.

Я тогда так мало знал тему нашей беседы, что не мог ему толком возразить. А он продолжал говорить о волнах кочевников, пришедших с востока и принеших свои слова и языки, смешавшиеся с языком предков.

— Но как вы можете доказать, что в Средиземноморье и на Ближнем Востоке был единый язык?! — воскликнул я. — Ведь меня не убедит история с Вавилонской башней, которая рассыпалась, предвещая разделение языков!

— Что Вавилонская башня... — тихо проговорил он, задумавшись, и вдруг, помолчав, воскликнул: — Скажите, а если осколки этого единого языка вы бы обнаружили даже в Новом Свете, вы поверили бы?!

— Может быть, — сказал я. — Но это фантастика чистейшей воды. О каких осколках праязыка можно говорить, если письмена майя молчат и никто не может читать их.

— Да, это так. Но все же известно много слов. Известно и звучание их. Диего де Ланда, душитель майя, оставил на память об этом народе некоторые сведения. Я произнесу сейчас несколько слов на языке майя, а вы попробуйте их перевести.

— Я не смогу, к сожалению, этого сделать.

— Сможете! Итак, коль, голь... что это?

— Ума не приложу.

— Тот же корень в русском слове «голое». Коль, голь

означает поле. Ведь нужно корчевать деревья, расчищать место для посева. Вот откуда этот корень у майя. Поле действительно «голое место», не более того. Слушайте дальше слова языка, который никто давно уже не понимает. «Соломце», «коломче»... что это?

— Солома, вероятно.

— Да. Точнее, тростник. Тун, тон?..

— Тон, конечно.

— Да, звук или тон. Бат, баат?

— Бить, так?

— Почти. Это бита, топор... Тупиль, дубиль?

— Дубина.

— Вы делаете успехи. Имя Кецалькоатль тоже нам знакомо; если отбросить название птицы «кецаль», то получится, с учетом того, что глухие стали звонкими, «гоадль» или «гад», то есть змей! Я мог бы продолжать и далее, но боюсь утомить вас. Теперь вы понимаете, как важно для меня узнать побольше о Новом Свете, о его исчезнувшей культуре, забытом языке?

— Да. И вы считаете это осколками праязыка?

— Несомненно. Это остатки того языка, на котором говорили люди допотопной цивилизации. Потом, позже, мои прямые предки этруски смешаются с римлянами, утратив корни. Но они успеют передать их майя.

— Каким образом?

— Они плавали к берегам Нового Света. И не раз. Отсюда бородатые белые боги в мифах индейцев: Отсюда корни слов в их иероглифах. Кстати, хетты тоже вначале пользовались иероглифическим письмом, но читались многие их слова почти так же, как слова праязыка. То же было с хаттами: язык тот же — письменность разная. Мне довелось видеть фотографии индейцев майя. Прослеживаются два типа: лица с высокой спинкой носа — это потомки атлантов, и лица со средней спинкой носа — это тип этрусский. Есть, конечно, и лица полумонголоидного типа, ставшего потом общим для многих племен. Дниго де Ланда пишет, что это были рослые,

красивые люди, особенно женщины. Женщины настолько красивы, что их иногда вешали, чтобы они не могли посеять раздора среди испанских солдат.

Мы говорили допоздна. Он попросил официанта принести пюре из каштанов со взбитыми сливками. Это фирменное блюдо некоторых венгерских ресторанов. Он даже выписал мне рецепт, но я за истекшие с той встречи годы так ни разу и не воспользовался им из-за занятости. Я спросил его об этрусских поселениях в Швейцарии. Он ответил, что вся область южной Германии ранее была населена этрусками. На территории германской Этрурии произошла битва с римскими legionерами под предводительством Вара. В рядах сражавшихся было много потомков этрусских переселенцев, говоривших уже не на латыни, а на немецком. Арминий Германний, выступивший против римлян, также потомок этрусков.

Это все, что я успел записать. Кроме того, Вальтер сообщил мне перевод нескольких этрусских слов. Он готовил публикацию. Но обещанный оттиск он так и не прислал. Не знаю уж, что с ним случилось.

Мне кажется, что самые смелые находки, приоткрывающие завесу времени, не должны служить основанием для выражения эмоций по этому поводу. Что касается любви, то это чувство должно быть, конечно, адресовано современникам и современности, даже если ум человека занят далеким прошлым.

* * *

...Я окончил чтение и протянул листки письма Валерии. Она молча отложила их в сторону. Сказала:

— Я уже читала это. Несмотря на то, что записки адресованы тебе. Объясни, что это означает?

— Все в порядке. Профессору Чирову повезло. Он встретил достойных последователей. Ему там нескучно.

— Это правда?

— Да.

Я сказал это как можно тверже. Чирову действительно ничего не угрожало. Ведь не он, а его аспирант адресовал мне эти записки. Это он водил рукой Чирова. Это он сообщал мне, что с похищением музейных экспонатов покончено, что отныне атлантов интересуют лишь копии. И что археологи могут спать спокойно. И я тоже.

ОРАНЖЕВЫЕ МЫШИ

По ночам меня била лихорадка, а холод пронизывал до костей; я кутался в одеяло, включал электрическую сахарницу, которая издавна служила мне печкой. Озноб переходил в забытие, когда я лежал с открытыми глазами совершенно неподвижно, ни о чем не думая. По утрам было лучше. Я вставал, шарил на кухне в белом узком столе, искал сушеную малину, мед, ставил чайник на огонь, выпивал большую чашку кипятка с малиной или медом, потом пытался читать, писать — ничего не выходило. Качало меня как на палубе корабля в семибалльный шторм, и я снова ложился, даже задергивал занавеску на окне, чтобы свет не раздражал, не напоминал о времени. Но я знал, что болезнь моя затянулась, и как ни старался я продержаться эти тяжелые дни, вечерний сумрак вызывал тревогу, горячий дурман окутывал меня снова, а утром иногда приходила врач, молоденькая женщина с яркими глазами, и грустно-требовательно говорила о моем пренебрежении к самому себе. Она прописала мне целый ассортимент таблеток, и все они лежали почти не тронутыми: я не верил в них, и, значит, помочь они не могли.

Однажды впервые в жизни я ощутил глухую боль в груди, сердце ныло так, что я постоянно думал о нем. Меня охватывал страх, потом он уходил, я забывался, но на следующий день все повторялось. И скрыться от него я уже не мог. Я вспомнил о боярышнике, который

заваривала моя бабка в таких вот, наверное, случаях. Цепкая память моя восстановила все подробности, все слова ее, и я будто воочию видел ее тонкое лицо, изборожденное глубокими морщинами, и слышал ее голос. Я закрывал глаза — и видел на деревенском деревянном столе фарфоровый чайничек с алыми маками на пузатых боках, блюдце, чашку с такими же маками. Я ковылял на кухню, накрывшись с головой одеялом, наполнял чайник водой, разжигал газ, но мне не хватало главного — боярышника.

По неведомым законам повествование вторгается в сад моей бабки, которая при жизни своей, особенно после военного запустения, не могла за ним ухаживать сама, а я был слишком мал, чтобы помогать ей. Еще в сорок первом, когда она осталась одна, в суровую зиму, вымерзли яблони. В сорок шестом, когда семилетним мальчиком я гостил у нее под Веневом во время первых своих школьных каникул, между двух огромных черемух еще зеленели яблоневые побеги, поднявшиеся от уцелевшего пенька. Но позже они погибли, и дикие травы закрыли это место навсегда. С черемухи открывался вид на весь сад, на ложину, что тянулась к озеру, и бабка рассказывала, что раньше, когда озеро было большое, а дожди шли долгие, шумные, вода поднималась по этой ложине к самому крыльцу дома, к белым плоским камням известняка, которые у порога врыл в землю мой дед.

По этой шальной мелкой воде шли к самому дому темные выюны, днем они грелись на солнце, у камней, потом уходили вместе с отступающей водой.

После суровых военных зим в саду остались вишневые деревья, кусты сливы, малины, боярышник, крыжовник. И две черемухи, на которые я лазал, встречая на ветвящемся стволе птичьи гнезда, суесящихся ящериц, осиные постройки, шелковые нити и коконы паутины, колонии черно-красных и зеленых жуков, отдыхающих стрекоз с прозрачными горошинами глаз.

С каждым годом кусты под окнами поднимались выше, за ними едва поспевали мальвы, тоже устремлявшиеся вверх и всегда немного перераставшие меня, хотя рос я быстро. Зеленый полог в этом старом необыкновенном саду всегда укрывал меня с головой. Помню белые крупные семена мальвы, сушившиеся на подоконнике, ягоды боярышника, которые я собирал для бабки, колючий крыжовник под окном.

Несколько белых камней были в беспорядке разбросаны по саду. Они предназначались для погреба, но дед мой умер, не достроив этого погреба. Под глыбами известняка мыши вырыли норы. Тропа, у которой дед свалил камни, заросла лопухами в человеческий рост. Я нырял в зеленый полусумрак, чтобы рассмотреть получше норы и самих мышей. Иногда я встречал в мышином заповеднике белого кота и прогонял его. Кажется, мне удалось навсегда отучить его охотиться под лопухами. Мыши были очень проворные, с оранжевой шкуркой и темными хвостами. Меня они не боялись, и когда я бывал у камней, то одна, то другая мышь выбегала по своим делам. Блестящие бусины темных глаз даже не следили за мной, словно оранжевые мыши были уверены в моем к ним расположении. Наша дружба завязалась в первое же лето. Я носил для них кусочки ржаных лепешек, которые пекла бабка, наливал в углубление на камне немного козьего молока от нашей козы; на пыльном току, куда носил бабке обед, подбирал для них ячменные зерна.

* * *

Как и о многом другом, я часто вспоминал об оранжевых мышках, живших под белыми камнями в бабкином саду.

Вспоминать их стало навязчивой идеей, и, как я ни старался, я не мог избавиться от нее. Я никогда не принимал каплеу от сердечной боли, только мельком слы-

шал названия, которые мне не внушали почему-то доверия. Позже я понял причину этого: ведь я был болен, значит, не мог думать и принимать правильные решения. Печальный факт.

Я помнил два куста в бабкином палисаднике; много раз наблюдал в детстве, как розовели на них ягоды, как блестели они после дождя, и в солнечный день яркие кисти их видны были даже сквозь резные тонкие листья. Тот мир звонкого детства был мне теперь понятней и ближе, ничем не омраченные дни из прошлого появлялись один за одним, я снова переживал их, вслушивался в полузабытые голоса, всматривался в лица... Все чаще и дольше происходило это со мной. И однажды, увидев на стене яркий лимонно-желтый квадрат, я не сразу узнал его.

Возникали светлые, пустынные поля, прозрачно-зеленый небосклон над ними; когда сгущались дымчатые тени, звучали перепелиные трели и высоко-высоко висел неподвижно жаворонок. Вдали, по низкой насыпи, заросшей дикими травами, бесшумно, как во сне, пробегал поезд. Вот откуда, наверное, тянулась нить памяти, связавшая далекое мое прошлое с недавним. Оттуда, из тех дней, появлялся поезд, где бы мне потом ни приходилось его видеть. Мне не хватало парного тепла земли, росы, гроз, грибных дождей.

Тщетно подходил я к окну, всматриваясь в него и пытаясь создать иллюзию присутствия хотя бы в рощице нашего двора. Отражение глаз моих в стекле казалось ярче, темней. Много непохожих черт проявлялось в призраке, временами смотревшем на меня из-за стекла. Что-то происходило со мной. После такого вот вечера, мучительной ночи, едва ощутив приход черно-синего утра, я приподнялся на локтях, стараясь поймать нечто ускользавшее от моего внимания. На столе копошились тени. Иначе трудно об этом рассказать.

Я встал.

Два оранжевых мышонка метнулись прочь от меня, скользнули по столу на пол и скрылись.

Подсев к окну, я разглядывал неожиданный дар. На краю его стояла глиняная чашка с ягодами боярышника. Я осторожно притронулся к узору на керамике, к розовым и алым ягодам, приложился к ним щекой. Они были прохладными, чуть влажными, как после дождя, когда появившееся солнце уже успело подсушить воздух и траву. Это были, конечно, те самые мыши, которые жили под валуном в саду. Когда-то я защищал их от белого кота, теперь они хотели выручить меня.

Во всяком случае, в моем состоянии логика могла подсказывать такие вот цепочки событий, разделенных многими годами, даже десятилетиями.

Я узнал чашку. Это была вещь, которую я запомнил с детства. Ласково и настойчиво кто-то стучал в стол. Я еще раз увидел мышей: они юркнули в щель под моей дверью, дав знать о себе на прощание.

Я не знал тогда, что впереди меня ждет еще одна остановка в прошлом. Быть может, она нужна мне была для того, чтобы хватило сил идти дальше. Ключи Марии — это сокровенное, несказанное, ключи души; расставаться с ними нельзя. Борьба уже давно шла у последней черты — за ключи Марии!

Трепетным, зоревым светом зажигалось в памяти моей ушедшее, но темное крыло неведомой птицы настигало меня, и тревога сковывала. Заклиная прошлое, молясь отцу, сестре, Жене, я снова переживал и надеялся, но в новом, грозном свете мелькало предвестие беды — прошлое до боли остро отзывалось во мне стоголосым эхом. Даже ничем не омраченные дни и часы детства становились как бы чужими, не моими, они были невозвратимы, и когда черное крыло закрывало их, я даже чувствовал облегчение. Если же там осталась полузабытая боль — стократной вспышкой все повторялось снова и снова, и пытка эта была нескончаема, и я не мог ногами сомкнуть глаз.

А если приходил короткий лихорадочный сон, правой рукой, у самого сердца, сжимал я до дрожи в пальцах невидимые ключи Марии, ключи от несказанного, невыразимого, сокровенного. И просыпался. Костяшки суставов белели как светляки.

Легче было забыться и забыть все. Но я боролся за прошлое. Только теперь я понял, что события, предшествовавшие этим грозным дням, лишь очертили контур пространства, в котором развернулась сейчас тайная борьба. В центре этого контура, словно тень в круге, был я сам с моим отчаянием, упрямством, с моей силой и слабостью. Зло и добро неотступно следовали за мной по пятам, но они порой точно сливались, и лишь усилием воли отличал я полет темного крыла от парения светлого крыла, а тени крыльев бежали вместе, пересекая друг друга.

Каждая деталь или мелочь в этом измененном пространстве приобретала иной, неизвестный ранее смысл. Предстояло познать его. Рассмотреть до тонкостей умом и сердцем. Вновь обрести, найти себя.

Сильнее становился, звучал все яснее давний зов земли. В минуты безысходности я думал о прозрачном небе под Веновом, в преддверии отчаяния словно в зеркале озера открывалось полузабытое и далекое — все это время оно жило как бы своей особой жизнью, и я знал — знал, что там есть место, где я мог укрыться. Бессонными ночами я присаживался к столу, пытался работать над «Этрусской тетрадью», и свет, бывало, гас — тогда я зажигал свечу. Возникали строки, в которых так много было моего личного, что я беспощадно вычеркивал их. Но нельзя забыть, что не нашлось ни одного листка бумаги, чтобы переиздать хоть один рассказ из той книги, о которой напоминала мне сестра в первом своем письме.

К утру глаза уставали. Сквозь влажную пелену видел я написанное, и оно отдалялось от меня, тускло.

Буквы исчезали, таяли. Я не мог сдержать слез. Свеча гасла. Я проваливался в тяжелый сон. Словно Зазеркалье, являлось прошлое.

ЗЕРКАЛО

Пронзительно-ясно обрисованы белые глыбы на крутом склоне, прерывистая нить ручья, плес в лощине — и над всем этим, по законам перспективы, — ты, твое лицо, твои косы. Ветер мнет куст ветлы, шепчет имя — Настя. В моей руке скользит, обвиняя ее, живой вьюн. Я стою на подводном камне, чтобы не замочить закатанных до колен брюк или, быть может, чтобы казаться выше. Мы оба следим за вьюном, и взгляды перекрещиваются и соприкасаются. Тайна этой минуты уходит и остается в памяти: холодная рыбья кожа, темный извив на запястье, подрагивающий хвост.

К обрыву под холмом прилепилась печь для обжига известняка, она высилась как башня, и мы обходили ее стороной. Только раз взбежали мы на круглый верх печи, отдохавшей от работы. Прикладывая ухо к кирпичной кладке, вслушивались в странные вздохи, доносившиеся из чрева.

Тогда это и произошло. Настя сорвалась вниз. Я замер. Словно не я, а кто-то другой смотрел, как она падала. Как же это?.. Настя, Настя! В руке она сжимала цветы — четыре стебля цикория. У пода печи смертельный полет ее прервался. Она парила как птица над луговиной. Подол ее платьишка расправился. Или мерещилось мне это? Нет! Настя мягко опустилась на ноги и вот, живая и невредимая, стоит внизу и растерянно улыбается одними губами. Колдовство.

Я же видел, как она сорвалась, как билось ее платье, как беспомощно раскрыла она рот, собираясь, наверное, что-то сказать или крикнуть! И потом — невидимые руки будто бы поддержали ее и медленно, бережно опустили на землю. Трижды волшебна эта ми-

нута: бегу к Насте, захлебываясь от радости, кубарем скатываюсь к ее ногам, притрагиваюсь к ее плечу и замолкаю. Настя протягивает мне цветы — четыре стебля цикория. Неловко принимаю букет. Беру ее за руку. И тайна этой минуты уходит и остается в моей памяти.

Точно сквозь матовое стекло проявляется прошлое. Бабкин палисадник, ленивый белый кот у крыльца, огненно-красный петух на деревянных перилах, ветла со скворечником. Школьные каникулы в деревне...

Утро. Вечер. Утро. Дни, как стекляшки в мозаике, разного цвета: зеленые, голубые, ярко-желтые от солнца.

— Это правда, что ты козу доить умеешь? — Губы Насти сдвигаются в сторону, справа образуют ямочку и складку, а я густо краснею. Опускаю голову, потом искоса наблюдаю за ней: она не смеется, нет, глаза ее, серые с синевой, смотрят серьезно, и только губы сложились в улыбку — так умеет только она, деревенская девочка с соседней слободы.

— Я помогаю бабке, — говорю я. — Она старенькая и устает в поле. И еще готовит мне обед.

— Смотри, какой!

Мы идем врозь, я делаю вид, что отворачиваюсь от ветра, — она сама подходит ко мне, берет за руку, тянет за околицу — там волны хлебов в сизом цветне и тропа, ведущая к нашему ручью, к озеру.

...Двое у опушки леса. Держатся за руки. Яркий извив падучей звезды над головами, зеленоватое после-закатное небо. Потом один из этих двоих предаст другого. Это буду я. А пока они вместе. И если вслушаться в слабые шорохи, кажется, удастся разобрать слова:

«Тих и спокоен край, в себе он замкнут: две створки — озеро и небосклон, как жемчуг, в раковине драгоценной мир заключен». — «Вон месяц: спрятался, а сам забросил над ветлами серебряную сеть, он ловит звезды, но едва засветит, чтоб осмотреть улов, как мигом в сети попался он». — «Ты смотришь в небо?» —

«Да, звезда упала, блеснув светлей». — «А я звезду на озере увидел, она летела к небу от земли, твоя звезда вниз с неба полетела навстречу к ней».

Снова я увидел Настю только в пятьдесят седьмом, когда приехал к бабке на студенческие каникулы. Поезд гуднул за спиной и ушел к Узловой, а я выбрался на большак, за пять минут прошагал километр, свернул на знакомую с детства тропу, где к ногам жался пыльный подорожник, и скоро увидел провор у бабкиного дома. Бабка моя, Александра Степанова, была уже на ногах, хотя едва-едва занялась заря над Тормосинской слободой и над прудом еще стелилась ряднина тумана. Я поцеловал бабку, передал ей подарок — сверток с ситцем, проводил ее в поле, на работу, — потом долго сидел на крыльце: в десяти шагах от меня носились низом шальные деревенские ласточки, садились на камни, выступавшие из гусиной травы, взлетали, показывая острые углы крыльев на полотнище зари. Я умылся, надел новую, недавно купленную теткой рубашку, пошел к той самой слободе, где встречал Настю когда-то. И увидел ее, и узнал, но прошел мимо, словно застенчивый преступник.

Вот она, эта минута. С беспощадной ясностью до сего дня вижу Настю склоненной над старым деревянным корытом. Она синит белье. Высокие мальвы укрывают меня, за белыми крупными цветами — ее платье, ее косынка, босые Настины ноги. У калитки палисадника плоский камень. Бревенчатая стена дома посередела от дождей и невзгод. Из-под соломенной крыши вырывается ласточка. Я замедляю шаг. Тихо. Едва слышно плещется вода в корыте. Мгновение — и я прохожу мимо, не окликнув ее. Нет, в голове моей не успела сложиться определенная мысль. Я стал другим — вот и все.

Вскоре я уехал, молча, не сказав ей ни слова, так и не повидав ее. А она осталась в селе, над которым, как и раньше, поднимались крылья огнистых закатов,

густели ночи — с запахами кошенины и полыни, с теплыми ветрами, с мимолетными вспышками июльских зарниц.

* * *

Наверное, есть в окружающем нас пространстве особый невидимый механизм времени. Чаша небосвода обманывает нас: там, где светятся красные, зеленые, желтые и синие огни, самих звезд уже нет. Они переместились на миллиарды километров, оставив запоздалые следы свои — призрачные светляки. Профессор Козырев, открывший вулканы на Луне, направил телескоп на пустое вроде бы место: в черную, ничем не примечательную точку. Он, правда, вычислил, что именно там должна находиться сейчас звезда. И получилось вот что: под стеклом прибора гороскоп вдруг отклонился, ось его сместилась. Оставаясь незаметным глазу, далекий огненный шар подтолкнул ось волчка. Звезда дала о себе знать.

Пронизывая прошлое, настоящее и будущее, невидимая сила заставляет все и вся измениться: свиваются спирали-орбиты планет, приближаясь к светилу, вспыхивают на солнечном диске искры, появляются и исчезают пятна, ритмы их передаются Земле.

Не солнечные ли циклы будят память?..

Минуло одиннадцать лет. Рано утром сели мы в электричку, вышли на станции, название которой не сохранилось в памяти, прошли луговиной с километр, на опушке леса развели костер. Было нас семеро — трое бывших студентов вместе со мной, четверо девушек в соломенного цвета куртках, брюках, легких свитерах. Один из нас ушел с удочками к озеру и вернулся с большим сазаном. Сварили уху. Искупались. К вечеру транзистор расплескал целое море звуков. Танцевали на траве при чистом ясном закатном свете. И ничто не казалось странным, и никто не мог сказать, что можно в танце, а что нельзя. Лицо девушки, обвившей мою шею,

было пунцово-алым в закатном свете, глаза — темными. Голоса и смех — и тревожно чернел гребень леса над холмом. Потом все переменялось. То ли усталость была тому виной, то ли необыкновенный, настоящий на травах воздух. Я вышел из круга и побежал на холм. Над маковкой его еще висело солнце, а у подошвы его сгустились тени. Подняв руки, я поймал странный мягкий свет заката. Мир менялся, становился неузнаваемым.

И тогда я увидел ее, Настю. Там, где скат холма был круче, мелькнуло ее платье. Наверное, она только что упала с обрыва. И как тогда, я стоял, и медлил, и молчал, и ждал. И снова что-то во мне встрепенулось и оборвалось.

Кто-то взял меня за руку, кто-то спрашивал, что со мной, — а мне нужна была добрая минута, чтобы вернуться к друзьям. И до слуха моего, как сквозь сон, донеслось хлопанье крыльев птицы, взлетевшей кругами над загревком холма. Чей-то насмешливый возглас: — Его напугал коршун!

И в багряном небе, там, где смешалось алое, желтое, зеленое, над головой моей беззвучно кружили два широких распластанных птичьих крыла...

...А колесница времени мчалась, мчалась, и я предъявлял пропуск и проходил на полигоны, где беззвучно, незримо светили в небо радары и взмывали ввысь ракеты с огненными хвостами. Позже, на втором круге колесницы времени, я показывал билет журналиста, и передо мной открывались двери институтов и лабораторий, библиотек и заводов. Потуги сменить профессию окончились, к сожалению, успешно. (Настеньке же не дали и паспорта, чтобы поехать в город. След ее затерялся в вихревой мгле времени.) Прижавшись порой лицом к стеклу городской квартиры, я шепчу стихи: «Меня защищает от прежних нападков пуховый платок твоего снегопада...» Но как может защитить пуховый пла-

ток снегопада, если предательство совершено? Хотя, конечно, подлинного предателя уличить трудно: он незаметен, пружинист на ходу, всеяден и всепогоден.

* * *

Почти всегда далекий свет воспоминаний меркнет, едва успевает открыться зеленый простор холмов, призрачное мелькание белых мотыльков над крышей, чистые голубоватые плесы. И вот снова и снова — желтые глаза улиц, огни далеких станций, ночные аэродрома, экспедиции и командировки. И встречи, и размышления, и усталость. А дома, по вечерам, тусклое отражение в зеркале моего лица, исхлестанного друзьями и недругами. И немой вопрос, обращенный к себе, остается без ответа.

Но память снова вернула меня в далекий день...

Вечером я шел по улице с вечеринки, где много курили, говорили о книгах, работе, о пустяках. Об открытиях, которые изменяют будущее, иногда — настоящее. И в такт моим шагам чей-то голос повторял: «Они изменяют и прошлое». А я возражал: «Нет. Всего-навсего — оценку прошлого».

И подумалось, что в нас может проснуться и заговорить одна-единственная клетка, доставшаяся нам по наследству даже от палеозоя. В этот вечер я заблудился: поднимались незнакомые дома с темными глазницами окон, фонари погасли. Я проплутал часа два, пока не вышел к знакомой улице. Дул сырой ветер. Дома по какой-то неожиданной ассоциации я вспомнил чистое озеро моего детства с водой цвета опала, светлый песок, движение рыб в глубине — среди замшелых коряг, стеблей тростника и стрелолиста. Сжав голову руками, увидел, будто наяву, девочку над обрывом. Но теперь это было иначе: Настя была уже у самой подошвы холма, и мне казалось, что вот-вот она ударится о землю. Словно нужно было десять лет без малого, чтобы она

пролетела несколько метров. словно медленный бег колесницы времени мне был до сих пор недоступен и я лишь наблюдал мелькание спиц.

...Сон. Закрыв глаза, ныряешь в глубину, где медленно несет тебя холодный придонный поток, цепляешься за камни, чтобы дольше проплыть. Еще миг — и темнеет дно. Открыв глаза, различаешь зеленую дернину на противосолнечном его скате, красные летучие огни рыбьих плавников, клубящуюся муть ключа в песчаной воронке. Обшариваешь рачьи норы и мокрой головой раздвигаешь хрупкие ветловые ветки, щедро залитые водой с весны.

Сон относит меня на три солнечных цикла. Я иду проселком, сворачиваю на тропу среди хлебов, взбираюсь на знакомый холм.

О, я догадываюсь, что там должно произойти. Вот и знакомая печь для обжига известняка. Настя уже наверху, и я задыхаюсь, спешу к ней. Понимаю, что опоздал. Сбегаю вниз. Она упала, но я успеваю подставить руки. Ловлю ее, опускаю на землю. И сразу же, как это может быть только во сне, холм исчезает. Поднимается ветер, набегают облака — я не узнаю окрестность. Я силюсь вернуться туда — и не могу найти дорогу.

Но сон продолжается.

Память не просто вернула меня в тот день, нет, она словно сделала петлю: и был я здесь и там одновременно. Два мгновения... Первое: обрыв под зеленым загривком холма, падающая девочка. Второе: я подставляю руки, ловлю ее, опускаю на траву. Она протягивает мне букет (мне ли?) — четыре стебля цикория.

И потом я силюсь сообразить (и тоже во сне!), как такое может случиться. И вспоминаю, что и на расстоянии можно воздействовать биополем, можно передвигать предметы силой взгляда, преодолевать время, переноситься в пространстве — телепортироваться. Но если моя энергия проявилась случайно там, в прошлом, то и оттуда в наше сегодня тоже должно что-то перейти.

Да, я думал и думаю, что энергию можно уравновесить массой. Тогда должно появиться нечто оттуда, из того давнего дня. Случай особый, редкостный, но лучше уж допустить взаимопроникновение, чем двойную телепортацию: в пространстве и времени. Этим и кончился странный сон.

Просыпаюсь — за окном дрожат листья от ударов капель. Низкая туча закрыла небо. Слепой рассвет, от мокрых клейких листьев в комнату прокралась тонкая пахучая сырость. Двор за окном зелен и сумрачен. Но утренняя вереница машин уже начала свой неотразимый бег, с дальнего шоссе доносится приглушенный гул. Что-то случилось. Я встрепенулся: рядом, на столе...

Что это?.. Пучок сухой травы. Изумленно рассматриваю его. Четыре стебля цикория с высохшими добела цветками. Прикасаюсь пальцами — и ощущаю покалывание. Колет ноги скошенный луг; колки сухие стебли цветов, а если осторожно взять их в руки, то они шуршат и позванивают; чуткое ухо способно уловить звуки.

«Тих и спокоен край, в себе он замкнут: две створки — озеро и небосклон, как жемчуг, в раковине драгоценной мир заключен...» — «Ты смотришь в небо?» — «Да, звезда упала, блеснув светлей». — «Я в озере звезду увидел, она летела к небу от земли, твоя звезда вниз с неба полетела навстречу к ней».

У каждого есть затаенная сила, которая проявляется как порыв, как действие, но чаще — невидимо, незримо для других. Колесница времени описала невообразимо широкий круг и вернулась, и я коснулся ее. А может быть, поймал взглядом ее тень. Все, что я мог сделать. И для того чтобы воочию увидеть тот день, должно было миновать три солнечных цикла. Теперь я знал, кто поддержал тогда Настю над обрывом. Оттуда, из вихревой мглы времени, невидимо, незримо я вынес четыре сухих стебля цикория, уравновесивших энергию.

...Букет Насти почти невесом. Для меня это не только весть из прошлого.

ЭТРУССКАЯ ТЕТРАДЬ ВЛАДИМИРА САНИНА

Югослав Б. Кривокапич утверждает, что ему удалось определить местонахождение легендарного континента Атлантиды, исчезнувшего несколько тысяч лет назад. Письменные источники, датированные четвертым веком, указывают, что затонувший остров, размерами превосходящий Сицилию и Корсику, находится близ берегов Югославии. Сколько раз будут открывать Атлантиду? Сотни, может быть, тысячи таких же вот сообщений появятся в ближайшие десятилетия. И каждый из авторов будет прав.

Потоп, о котором до наших дней дошли десятки сказаний и легенд, это не только водяные горы, обрушившиеся на побережья, не только небывалые ливни, но и медленное, неотразимое наступление океана на сушу, которое началось с момента гибели материка (или острова) Платона. Причина — таяние ледникового щита Европы. Катастрофа ознаменовала конец последнего оледенения. Она же была и причиной этого конца. Земля Платона, расположенная в океане и преграждавшая Гольфстриму путь на север, исчезла как по мановению волшебной палочки. Тропические воды устремились к берегам Европы. Новоявленная река в океане растопила вековые льды. Острова, полуострова, архипелаги, прибрежные равнины ушли под воду. На стосорокаметровой глубине остались гавани, древнейшие города, святилища, храмы. Но до того как цитадели великих цивилизаций древности погрузились на дно, подобно граду Китежу, они были до основания разрушены землетрясениями, градом камней, лавиной вулканического пепла, небывалой высоты волнами. Сырцовый кирпич — основ-

ной строительный материал допотопного мира — не мог, конечно, противостоять натиску стихий. Невзгоды разметали камни фундаментов, оставшиеся творения рук человеческих были рассеяны и остались навеки на дне морском, под слоем осадков и песка.

Какие же территории ушли под воду десять тысяч лет назад?

До катастрофы вместо Адриатического моря в сушу вдавался лишь небольшой залив. Нынешнюю Ирландию и Великобританию, Корсику и Сардинию не разделяли морские проливы. Великобританию не отделял от остальной Европы Ла-Манш. Северного и Азовского морей вообще не было. Черное и Мраморное моря были озерами. Острова в Эгейском море-заливе соединялись в один большой остров.

Затопленные во время таяния ледника площади во много раз превышали остров Платона. Почти повсеместно в будущем должны найти в этих местах, кроме ледников, памятники допотопной культуры, точнее, немногочисленные ее остатки. Некоторые из них уже найдены, но не опознаны специалистами-атлантологами.

Есть ли прямые доказательства существования в Атлантике большого острова или ряда островов? Да, есть. В те времена Гольфстрим шел с запада на восток к Гибралтару, омывая южные берега Атлантиды. Близ юго-восточных ее берегов река в океане оставила осадки. Тогда этот район был «тенью» течения. Осадки обнаружены. Объяснений пока не дано. Если в Атлантике не было большого острова, потепление наступило бы сразу. Однако в течение короткого времени имели место целых четыре волны потепления климата. Потепление беллинг: 12 400—12 000 лет назад. Затем двести лет длилось похолодание — средний дриас. За ним последовало восьмисотлетнее потепление — аллерёд. Половецкое потепление длилось триста лет. После него наступило пятисотлетнее переславское похолодание — с последующим потеплением, последним в истории ледника.

Специалистов поражает эта калейдоскопическая смена резко отграниченных друг от друга потеплений и похолоданий. Ничего подобного в истории планеты ни раньше, ни позднее не наблюдалось. Климат в те времена менялся буквально на глазах. Колебания его можно объяснить гибелью Атлантиды. Остров ушел в воду, «утонул», но остались Азорские острова. Плотина, не пускавшая Гольфстрим на север, исчезла, но архипелаг из нескольких островов рассеял струю течения, едва она повернула на север и смягчила климат. Это рассеянное течение не могло уже обогревать оттаявшую было Европу. Наступило время снегопадов — средний дриас. Льды двинулись, сковали Атлантику, ослабленная река теплой воды стала поворачивать к востоку. Но едва Гольфстрим миновал Азорский архипелаг, уклонившись к юго-востоку от него, как он получил свободный выход к Скандинавии. Началась волна потепления — аллерёд. Течение стало набирать силу с некоторым опозданием, отставанием от нарастающего таяния льдов на севере Европы. Вступила в действие запаздывающая обратная связь: струя Гольфстрима ушла к северу, достигла Азор, рассеялась — и все повторилось. Так было четырежды. В последний раз обстановка на планете в целом была уже иной. Накопились результаты предыдущих потеплений — и гигантская река теплой тропической воды, достигнув Азорского архипелага, смогла наконец преодолеть препятствие и выйти на просторы океана, но уже к северо-западу от роковых островов. С тех пор в течение одиннадцати с половиной тысяч лет Гольфстрим не менял направления.

Память о катастрофе и страшном потопе осталась в этрусском слове «тупи». Если вспомнить, что мягкого знака тогда не было, а его функции на конце слов выполняла буква «и», а также, что звук, изображаемый буквой «у», произносился близко к «о», это слово можно записать в русской транскрипции так: «топь». Означает оно потоп, кару. Ведь, по представлениям того вре-

мени, потоп был карой божьей. Именно так произошли русские слова: топь, топить, потоп, утопленник и др.

Из диалогов Платона мы узнаем о роли Афин в отражении агрессии атлантов. Египетский жрец рассказывает: «Удивительны сохранившиеся описания многих великих дел вашего города, но выше всех по величию и доблести одно. Записи говорят, какую ваш город обуздал некогда силу, дерзостно направлявшуюся разом на всю Европу и Азию со стороны Атлантического моря... Вся эта держава (т. е. Атлантида), собравшись в одно, вознамерилась и вашу страну, и нашу, и все по эту сторону устья (Гибралтара) пространство земли поработить одним ударом... Превосходя всех мужеством и хитростью военных приемов, город ваш то воевал во главе эллинов, то, когда другие отступались, противостоял по необходимости один и подвергал себя крайним опасностям. Но наконец, одолев наступающих врагов, восторжествовал над ними и воспрепятствовал им поработить еще не поработенных и нам всем, живущим по эту сторону Геракловых столпов, безусловно, отвоевал свободу».

Теперь известно то, чего не знал Платон и о чем умолчали египетские жрецы. В то отдаленное время, о котором идет речь, не было ни Афин, ни эллинов.

* * *

В древности море не разъединяло, а соединяло города, племена и земли. Корабль был главным средством передвижения. В восточном Средиземноморье сложился единый праязык. Носители его — древнейшие племена, поклонявшиеся леопарду-рысу: росены, расены, рысицы, русичи. Именно они выдержали удар атлантов, вознамерившихся, по Платону, обратить в рабство все Средиземноморье. (В языке хаттов остался этот корень — рас, рыс.)

По трагической случайности разразилась катастро-

фа, равную которой еще не знала Земля. С Атлантидой было покончено. Были уничтожены и все города Восточной Атлантиды — родины праязыка. Только спустя две тысячи лет начали подниматься первые поселки — в основном на континенте, вдали от берегов. Так возникли Иерихон, Чайеню-Тенези (название современное), другие города.

Но даже четыре тысячи лет спустя районы побережья не достигли бывшего расцвета. Древнейшие племена лишь частично оправились от страшных потерь. Они сохранили язык и культ леопарда. Позже их называли пеласгами. В их финикийских, критских, малоазийских, эгейских поселках говорили на том же праязыке. На рубеже второго-третьего тысячелетий до нашей эры надвинулась гроза. Из континентальных районов пришли греки-ахейцы, которые в древности менее всех пострадали от катастрофы, так как районы их обитания не были связаны с морем и не подвергались опустошению.

Подлинные варвары — греки, они захватили территорию нынешней Греции, разрушили дотла города пеласгов, их крепости, сровняли с землей Пеласгикон, на месте которого лишь через полторы тысячи лет построили Парфенон. Многие из пеласгов переправились на Крит, спасаясь от вторжения. На Крите еще до этого процветали города пеласгов-минойцев. Письменность их прочитана, но не понята до сих пор. Язык их неизвестен ученым, хотя это и есть тот праязык, на котором говорили днепровские трипольцы, рутены, филистимляне, лидийцы, ливийцы, ханаанеи, кимерийцы, этруски и многие, многие другие племена, близкородственные пеласгам-праславянам.

О переселении материковых пеласгов на Крит повествует Фестский диск знаками древнейшего письма, где рисунки изображали слоги.

Но известны ли, право, надписи, оставленные человеком с допотопных времен? То есть со времен Атлан-

тиды? Да. Доктор Пяллан открыл во Франции барельеф, изображающий женщину с рогом бизона в руке. Этому барельефу около шестнадцати тысяч лет. Это изображение рассматривают как поэтический образ рога изобилия. Но, судя по всему, рослым и сильным кроманьонцам и их сородичам было все же не до изобилия. Интересы их были направлены на самые насущные нужды. Вот почему картинку с женщиной и рогом следует читать, а не рассматривать. Рог — это первый слог в древнейшем из записанных слов: «ро». Женщина — два следующих слога: «жена». Все вместе читается: «рожена», или, по-современному, «роженица». Тело женщины на барельефе не оставляет сомнений в правильности расшифровки этой надписи, а образ рога еще совсем недавно использовали в славянских заговорах, направленных к восстановлению детородных способностей. Но рожена — это и древнейшее имя Ружена.

Сомнения в том, что рог означал соответствующий слог, окончательно рассеиваются, если вспомнить о критских мечах. На их рукоятке изображен именно рог. Но не изобилие же означало это древнее изображение! Есть слово «разить» — с тем же слогом «ро-ра». Отсюда — «сражение», «сразить» и другие слова, связанные с оружием. «Рази!» — вот что написано на мече. Русское слово «оружие» — это «орожие», «рожие», то есть «рога»!

Слова праязыка «рассыпаны и перемешаны». Однако гипотеза о праязыке остается за пределами внимания лингвистов, и они до сих пор гадают, к какой группе следует отнести, к примеру, язык басков со всеми его многочисленными диалектами. А баски между тем продолжают говорить на своем «эскуара» (яс — говор, ясный говор), и им дела нет до хлопот лингвистов. Письмо родилось из магических рисунков, помогавших охоте; подлинной магией было все же создание письменности.

Но праязыку соответствовала и древнейшая система счисления. Какой же она была? Те же баски пользуют-

ся двадцатеричной системой. «Двадцать» по-этрусски звучит так: «зачром», «за чиром». Уместно перевести здесь это слово, поскольку переводов его пока не было и неясны даже числа от 11 до 15. За чиром — за чертой. Этрусские числа 16, 17, 18, 19 образуются вычитанием соответственно 4, 3, 1, 1 от 20. Так, восемнадцать по-этрусски означает — два за чертой. Два за чиром — звучит вполне по-русски. Почему же — за чиром? Потому что двадцать — это своего рода предел, граница определенного ряда чисел. У этрусков налицо остатки двадцатеричной системы. А двадцать пальцев на руках и ногах помогали, несомненно, считать в самой глубокой древности, когда еще не было и обуви. Таким образом, и этруски, и баски, и другие народы сохраняли в течение тысячелетий древнейшую систему счета. Отпечатки рук в доисторических пещерах — это счет живых в племени или группе. В пещере Гаргас во Франции, на стенах ее, запечатлена целая коллекция отпечатков, где зачастую не хватает одного, двух, трех, четырех пальцев. Исследователи усматривают в этом ритуал. Тем не менее это древнейшие изображения чисел, которые получались с помощью окрашенной соответствующим образом ладони. Если на четырех отпечатках ладоней нет двух пальцев, то это и означает по-этрусски — «два за чиром». Кстати, «два» по-этрусски звучит так: «жал», «зал». Отсюда — русское «жалю», действительно раздвоенное. В этом несложном случае, как и в других, латинская транскрипция не позволила этрускологам понять слово, а заодно — образный строй мышления древних, по необходимости — «поэтический». С точки зрения западного слависта, сказанное заслуживает сурового осуждения. Ведь специалисты привлекают для расшифровки этрусского и перевода минойских надписей почти все европейские и азиатские языки, за исключением как раз древнерусского и древнеславянского.

Надписи на этрусских зеркалах небрежны, они выполнены скорописью, можно подумать, что мастер на-

меренно искажал написание букв, чтобы затруднить чтение непосвященным. Большинство этих непосвященных вообще было неграмотным, и это вполне естественно для того времени. И оно должно было, по замыслу автора надписей на бронзовых этрусских зеркалах, остаться как бы по ту сторону тайны. Действительно, даже овладев этрусским, нелегко иной раз понять то или иное слово. Значит, этрусские тексты только для посвященных?

К этому ошибочному выводу нетрудно прийти, бегло ознакомившись с сотнями и тысячами бронзовых зеркал, но не разгадав их секрета. Ни к какому другому выводу беглое знакомство привести и не может.

Главные особенности надписей состоят вот в чем: текст может читаться справа налево и слева направо, сверху вниз и снизу вверх, буквы нередко поворачиваются в сторону, противоположную направлению чтения или вверх ногами, вместо одних букв пишутся другие. Главное в этрусских зеркалах — не надписи, а рисунки, выполненные иногда мастерски даже по современным канонам. Кто выполнял рисунки? Художник. Ремесленник. Но художник мог быть и неграмотным. Научиться рисовать мог и раб, если он одарен от природы. Для этого ему необязательно не только уметь писать, но даже говорить по-этрусски. А научиться писать было нелегко. Судя по всему, книг в Этрурии было не так уж много.

Но если мастер не умеет писать, он все же должен выполнить надпись, кратко характеризующую сюжет, изображаемый на зеркале. Как это сделать? Нужно, конечно, скопировать надпись — целиком или по частям — с какого-то эталона, образца. Этим образом было другое зеркало. Легко убедиться, что это так: поставим книгу вертикально перед лежащим на столе зеркалом и обратим внимание, что буквы отражаются в нем. Если бы зеркало было бронзовым, осталось бы лишь обвести их острым резцом, поцарапать на брон-

зе. Так, с зеркала на зеркало переносились надписи — целиком или по частям, по словам, иногда — по буквам. Просто и быстро. Главное же, не нужно знать этрусской грамоты. Но именно это и приводило к искажениям. Ведь двойник, глядящий из зеркала, не во всем подобен нам: пуговицы у него слева, а не справа, авторучка не в левом кармане, а в правом, сердце тоже расположено справа (я прошу прощения у тех, у кого сердце расположено справа и без зеркала).

Буквы и слова зеркально отражались. Иногда точно так же отражались целые надписи.

Мне удалось найти зеркала с «парными» словами и надписями, не говоря уже о буквах: гипотеза подтвердилась. Удалось найти и другие ключи к этруским надписям. Прежде всего этруски писали, как слышали, как произносили. Звонкие согласные звучали глухо или приглушенно, но при письме это не «исправлялось», как в современном русском. Звук «о» часто переходил в «а» и в «у». Не было мягкого знака и буквы «ы» — их роль выполняла буква «и». Две буквы нередко изображали один звук.

Вот несколько этруских слов (некоторые из них известны этрускологам):

уна — юная; тур — дар; туруце — подарил; туран — дарительница; спур — сбор, город; тес — тес; авил — год, овал; свидан, звидан — свидание; слав — слава; торна — дорога; венев — венок; тум — дума, мысль; лепо — прекрасно; раш — рожь, пшеница, хлеб; аде, яде — яд; сил — сила; жинаце — жать, лепить; исеп, усеп — усоп; лар — гроб; тал, тел — делать; жиси — жизнь; скатера — покрывало, скатерть; зусле — сусло; разторопеви — расторопность; зрех — зоркость; аис, яис — первоначало, бог, яйцо; пуя, поя — жена; пуин, пуинел — буйный; карчазь, карчаже — кабан (ср. «корчевать»); синивица — синица; арел — орел; али — или; ита — эта; ан, ен — он; ми — я; мини — меня; ти — ты.

Остановимся на двух заключительных строках надпи-

си «А» — главной этрусской надписи на золотой пластинке из Пирги, найденной сравнительно недавно. В русской транскрипции получим: «Авил ени ака пулу мква». Перевод, полученный этрускологами из сравнения с рядом помещенным финикийским текстом, гласит: «Годы как звезды». Применим сформулированные правила этрусского письма. Ени — они. Пулу, поло — поле. Ака — аки, яко, как. Мква — маково (пропущены гласные). Точный перевод: «Годы, они как поле маково». На этом маленьком примере хорошо видно, на каком языке говорили этруски. Образность и древние корни роднят его с хаттским и хеттским.

Примерно на месте первопоселенцев Чатал-Гююка обособились хатты, затем — хетты. Многие корни хаттских и хеттских слов перешли в славянские языки. Вот пример: медь по-хеттски называлась куваной. Корень этого слова остался в глаголе «ковать». Хаттское «свит» — свет — перевода не требует.

Именно этрусский язык наряду с хаттским и хеттским помогает установить связь между русскими корнями. Этрусское «пуя», «поя» — это, конечно, поилица. «Пуин» (буйный) того же корня и означает буквально «опоенный». «Пуя» напоминает и о богине-матери из Чатал-Гююка. «Торна» — дорога указывает на глагол «торить», который так прочно вошел в современный язык, что выражения «торная дорога», «торить дорогу» не наводят на мысль о тавтологии.

На фигурке из слоновой кости, изображающей кабана, написано: «Ми пуинел карчаже...» Это переводят так: «Я — Пуинел, карфагенянин». Переводить следует иначе: «Я буйный кабан». Этрусское слово «пуин» («пуинел») интересно и тем, что оно смогло стать именем собственным. Отсюда имя певца Бояна в «Слове...». Смысл его таков: «выпивший хмельную чару». Это соответствует обычаю подносить чару певцу.

Этруски — это, образно говоря, лист, оторванный от хетто-славянского дерева. В этой связи можно вспо-

мнить рутенов, живших в Южной Франции. И в «Слове о полку Игореве» упоминаются не венециане, как того хотят переводчики, а «венедици» — венедици, венеды. В согласии с этим «Влесова книга» говорит о венедах, ушедших на запад, а этрусский глагол «венде» — вести, увести — подтверждает это. Плач по «Уноши князи Ростиславу» — тоже след от эпохи этрусков. Имя одной из богинь Этрурии — Уна, «юная». Тогда говорили «уноша», но не «юноша». Корень этот оставил глубокий след в современном языке. Ему обязаны своим происхождением суффиксы «онок», «ёнок». Рысенок — это дословно «рысь юная».

«Мини мулуванеце авиле випена» — так звучит одна из этрусских надписей. Надписи на изделиях древних мастеров часто начинаются с местоимения «я», «меня». В приведенном примере перевод на русский язык должен быть таким: «Меня художник Авила (выполнил)». Мулуванец (мулюванец) — это художник, примерно так соответствующий глагол звучит и на украинском языке. Однако в специальных работах можно найти иной перевод: «Меня посвятил Авл Вибенна». Кому посвятил Авл Вибенна свое произведение? Это остается неясным. А ведь именно это должно быть сказано в надписи прежде всего! Заметим, что перевод с Авлом Вибенной противоречит и уже установленным нормам самого этрусского языка. Ведь у этрусков глагол завершает фразу, и потому «мулуванеце» не может быть глаголом. Могут возразить, что эта особенность этрусского роднит его скорее с немецкоязычными конструкциями. Отнюдь. Вот отрывок из «Слова о полку Игореве» с глаголом, расположенным по-этрусски:

«Долго ночь меркнет. Но вот заря свет запалила, туман поля покрыл. Щекот соловьиный уснул, говор галок пробудился». В переложении на современный русский эту особенность игнорируют.

Вот еще несколько этрусских слов: зар — жар; чафна — чаша; туляр — доля, межа, межевой знак; Тарк-

винии — торг винами (город в Этрурии); Тит — дид, дед (имя в значении «старейший»).

«Чафну» (или «тафну» в близком произношении) переводят как «сосуд». Но для «сосуда» этруски использовали другие, менее специализированные слова, например «кутун». Построим цепочку слов. Кутун — кудун — кодун — кадка. Чем не сосуд?..

Есть в этруском языке трудное слово «лаутни». Перевод его, по существу, выполнен. Слово означает зависимую группу людей, рабов, например. Есть и другие расшифровки этого термина: домочадец, вольноотпущенник, член семьи и т. д. Обратим внимание на звучание слова. Лаутни — лаудни — людни — люди. Ясно, что буквы для звука «ю» не было, приходилось изображать его с помощью двух букв. Много позже слово это как бы вернулось в выражениях «люди графа» такого-то, «людская» и др. Но точный смысл «людней» следует все же искать, исходя из конкретных социальных отношений в Этрурии. Лингвистические догадки могут лишь помогать выяснению смысла подобных слов. Так обстоит дело с термином «зилак», который чаще всего переводят как «претор». Зилак в Этрурии — должностное лицо. Понять его звучание помогает цепочка: зилак — силак — силач. Смысл самого слова, вероятно, таков: «могущественный», «сильнейший», «предводитель». Зилк означает предводителя рангом ниже. Кстати, в ранних формах первой буквой была «с»: силк.

В сложном термине «зилак мехл расенал» можно уловить уже знакомые созвучия. Перевод должен звучать так: «предводитель силы росенов».

Страбон писал: «До тех пор, пока у этрусков был один правитель, они были очень сильны».

В большинстве своем этруски — простые «лаутни»; пахари, мастеровые, моряки, строители. Рисунки на зеркалах отражают глубокое и точное проникновение в психологию человека. Они показывают также, что этруски ценили юмор. Подгулявший молодец на одном из

зеркал утолил жажду из фонтана, выполненного в виде головы льва. Из пасти зверя бьет струя воды — она заменяет ему язык. Герой сцены говорит льву: «Шед сле!» — «Иди следом за мной!» Каменный зверь отвечает: «Тиге се!» — «Тяни это (струю воды)!»

Есть свидетельство, что на рубеже нашей эры в альпийских долинах говорили еще по-этрусски. Позднее рутены, северные соседи этрусков, совершили переход к Днепру, «на родину». Возможно, в этом походе участвовали потомки этрусков.

Что именно дала Этрурия Риму? Вот краткий перечень: музыкальные инструменты, ростр и якорь, театр, горное дело, керамику и металлообработку, траволечение, мелиорацию, города в Италии, искусство гадания, капитолийскую волчицу. Первые цари Рима были этрусками: Тарквиний Приск, Сервий (Сербий) Туллий, Тарквиний Гордый. Этруские кулачные бойцы участвовали в римских празднествах. Почти все, что этруски построили в Риме, римляне впоследствии определили эпитетом «величайший». Сам Рим был основан этрусками, а этрусская система подземных каналов и сегодня является частью городского хозяйства «вечного города». Этрусский щит, этруское копье, этруские доспехи надежно защищали Рим и Италию. Мюлейштейн писал: «Этрурия — колыбель Рима. Рим — могила этрусков». Небезынтересно отметить, что этруские пророки смогли точно предсказать время гибели Этрурии.

Отдельным образам этруских мифов суждена была долгая жизнь. Пуи-пир сродни современному слову «бой». Пир, кровавый пир найдем в «Слове» именно в значении смертельной битвы. В одной из сказок А. С. Пушкина есть рифма «волна — вольна». Интуиция поэта поражает. Ведь этрусская «Воля синяя» прямо связана с «волной». Птица Сва, родственница отца неба Сварога, по-народному весело и непосредственно ожила в «Сказке о золотом петушке». А кот-баюн, голос которого разносится на несколько верст, олицетворяет гро-

зовую тучу, и сила его восходит по родственной линии к леопарду и рыси.

Живой язык постоянно изменяется, за тысячелетия он далеко уходит от языка-предка. Только умерев, язык перестает меняться, и, к примеру, через три тысячи лет потомки с удивлением и недоверием вслушиваются в странные, так и не узнанные до конца созвучия.

* * *

Подвижность, стремительность линий, передающих саму суть и душу изображаемого, характерны только для этрусского искусства. Не говоря уже о римлянах, сотни лет спустя мы не найдем ничего подобного у греков. Пройдет еще тысяча лет и даже много больше — европейские мастера все еще будут тщетно разгадывать вечные секреты этрусков. Но даже лучшие из этих мастеров, самостоятельно открывшие идею движения, смогут передать его лишь схематически-упрощенно. Самые экспрессивные их творения все же утверждают скорее мысль об отсутствии порывистости и подвижности всего живого, нежели о непреходящей этрусской идее преобразования и движения. Этрусское искусство — пламенное искусство. Лишь Франс Гальс, Леонардо да Винчи и Валентин Серов создали полотна, которыми сказали намного больше, чем их предшественники.

Трудно спорить о том, лучше или хуже отдельные образцы искусства этрусков, ибо их живопись, например, судя по затерянным в руинах немногочисленным осколкам, — это совсем другая живопись, чем живопись европейская, американская, греческая или японская. Она также отличается от перечисленного, как пламя от тления, водопад от стоячей воды, рвущий узду конь от сытой коровы, жующей сено. Этрусскую живопись отличает одухотворенность, секрет которой не раскрыт. Для этрусков же этот секрет, или тайна, были тайной полишинеля.

Современные западные живописцы понятия не имеют, с какой стороны подойти к капитоллийской волчице и как ее надо фотографировать, чтобы передать почти очеловеченную и в то же время свирепую, дико оскаленную и по-своему умную морду прижавшего одно ухо зверя. Одна из уцелевших подвесок ожерелья изображает льва. Вряд ли слова в состоянии передать ту высшую форму совершенства — в понимании этруском, конечно, а не европейском, — которой достиг неизвестный мастер шестого века до нашей эры. Чем отличается рычащий зверь от его изображения? Кажется, ничем особенным — в случае творческой удачи художника. Так эту проблему понимают, кажется, до сего дня. Но на этом языке разговор об этрусках бесполезен. У них были совсем иные представления и совсем иные мерки художественного совершенства. Ибо тот же лев у них, будь он из бронзы или золота, во много крат свирепее, подвижнее льва настоящего.

Можно вспомнить и о химере — сказочном звере со змеей вместо хвоста.

Оратор Авила сконфуженно застыл в археологическом музее Флоренции с табличкой «Оратор Авл Метелла». (Все же в нем, несмотря на позу, воплощающую уверенное спокойствие, движения в тысячу раз больше, чем в любом греческом бегуне, — в последних случаях мы без труда распознаем уже знакомую нам подделку под движение.)

В полутьме могил и склепов этруские мастера изображали подчас танцовщиц и героев не просто в движении, а за один миг до его начала. В момент резкого поворота танцовщицы вот-вот закончат пируэт; смертельные враги на стене «склепа авгуров» показаны за одну десятую долю секунды до того, как они бросятся друг на друга. Когда рассматриваешь изображения схваток или битв, слышится звон оружия. В сцене охоты явственно раздается хлопанье птичьих крыльев. Чем это объяснить? Неизвестно.

В архитектуре передать подобные эффекты невозможно, и тут уж, кажется, этруски должны довольствоваться тем немногим, что было известно и до них. Однако величайший архитектурный памятник — это все же не пирамида Хеопса, а памятник этрусскому владыке Порсенне в Клузии. Дело даже не в размерах. Вот как Плиний Старший описывает могилу близ Клузия:

«Порсенна похоронен недалеко от Клузия, где оставил четырехгранный памятник из каменных плит; длина его сторон составляет 300 стоп (88,8 метра), высота 50 стоп (14,8 метра). В этом квадратном постаменте расположен непроходимый лабиринт; если кто-нибудь в него войдет без клубка шерсти, то не сможет найти выход. На этом постаменте стоит пять пирамид, четыре в углу и одна в центре. У основания они шириной 75 стоп (22,2 метра), а высотой 150 стоп (44,4 метра). Они сужаются в высоту так, что сверху покрыты металлическим кругом, с которого свисают колокола на цепях. Их раскачивает ветер, их звук слышен вдали, так же как это было в Додоне. На этом круге стоят четыре пирамиды, каждая высотой 100 стоп (29,6 метра). Над ними на общем основании стоят пять пирамид, высоту которых Варрон не сумел привести; этруские источники, однако, утверждают, что они были так же высоки, как вся постройка до них».

Ни Варрон, со слов которого это записано, ни Плиний не могут привести сведений о третьем этаже пирамид, потому что архитектурный замысел этрусков остается для них за семью печатями. Между тем в этом величественном надгробии сквозит та же идея изменчивости всего сущего, хотя в сооружении использованы самые простые формы. Именно этот эффект и не позволил римлянам определить высоту верхнего этажа пирамид, которые были разновеликими (что еще более усиливало иллюзию метаморфозы). Центральная пирамида верхнего этажа была высотой 74 метра (это сумма высот первого и второго этажей пирамид). Четыре боковые

пирамиды создавали впечатление верхней ломаной линии, которая гармонично сочеталась с нижним архитектурным изломом у квадратного постамента. Они были меньшей высоты — ее нетрудно рассчитать: 19,7 метра *. Уменьшающаяся от этажа к этажу высота пирамид создавала главную линию, квадратное основание и высокая средняя верхняя пирамида придавали сооружению стройность. Все вместе создавало ощущение неповторимого движения с резкими переходами от одной пирамиды к другой. Римские историки не могли понять и другого: пирамидами они называли этрусские шатры — основу многих последующих архитектурных форм.

Все сооружение на 16 метров выше пирамиды Хеопса, но создает совершенно иное впечатление. Стало модным делать подобия египетских пирамид, якобы помогающие зарядиться энергией. Нужно помнить, что египетские пирамиды — это пирамиды атлантов (Египет был колонией атлантов, о чем стыдливо умолчали египетские жрецы в политических целях: так легче было заключить союз с греками против персов, на что они надеялись во времена Солона).

Этрусские пирамиды — пирамиды восточных атлантов, именно они помогают «зарядиться энергией» и в отличие от пирамид фараонов были потому доступны и безопасны.

Этрусские шатры, однако, не так долговечны, как сплошное каменное тело. Но ведь и разрушение, по мысли этрусских мудрецов, — лишь одна из форм движения.

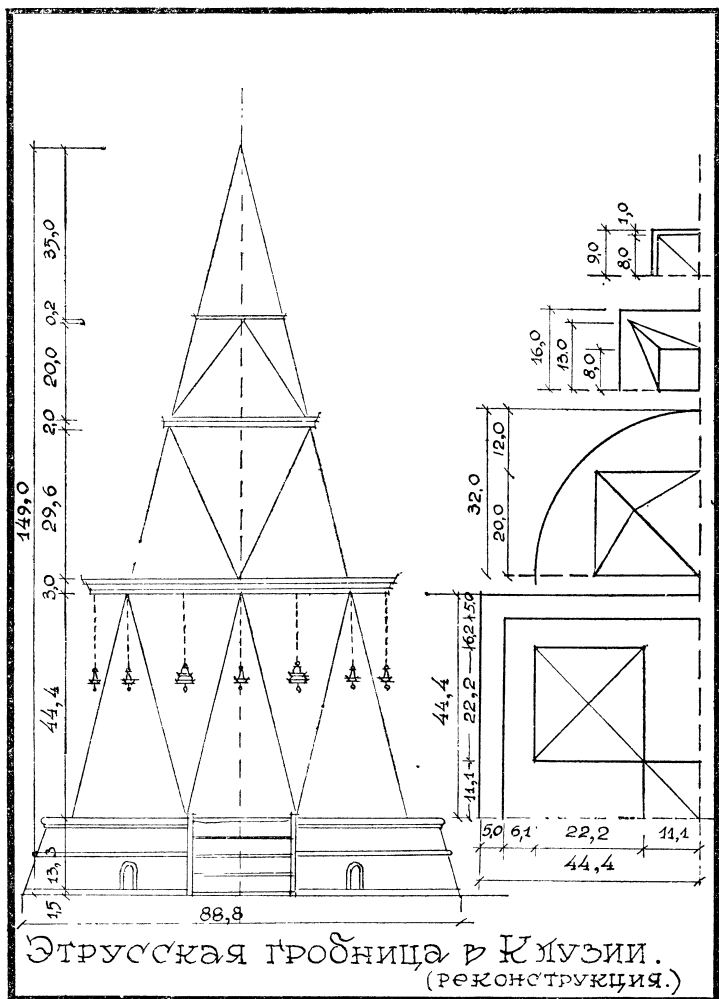
* * *

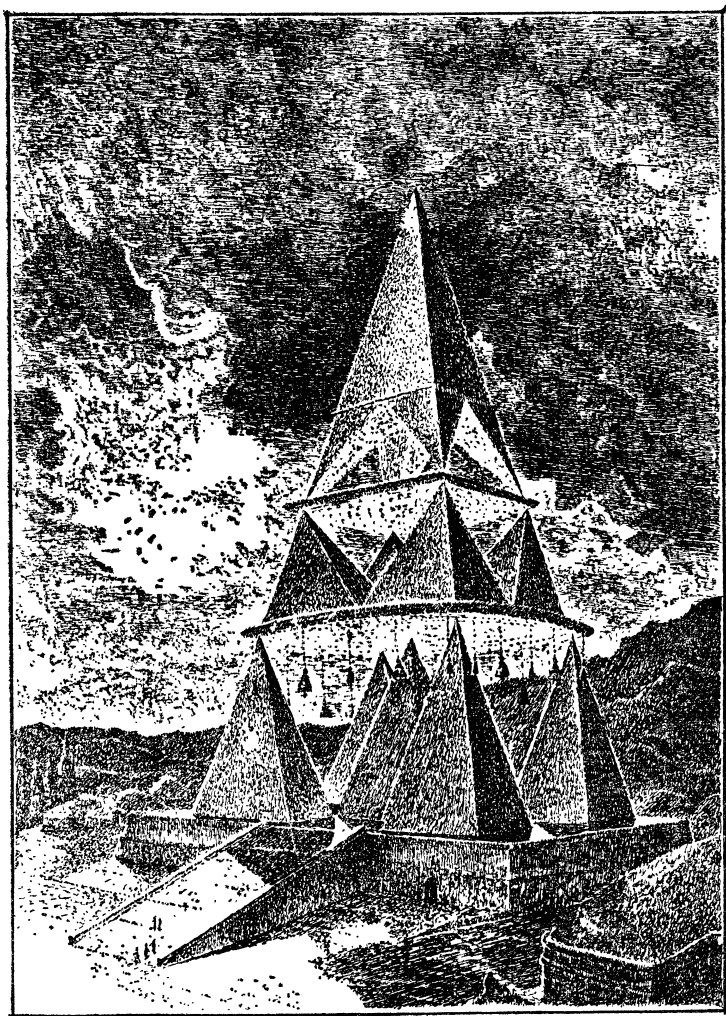
В середине второго тысячелетия до нашей эры греки добрались до Крита. Полнокровное искусство минойцев-пеласгов уступает место сухой и безжизненной стилиза-

---

* По мнению профессора Чирова и его ассистента архитектора Дроздовой, верхний этаж был, по сути, единой пирамидой. Их точка зрения отражена на рисунке.

ции. Традиционные для минойской живописи мотивы — цветы, морские звезды, осьминоги на вазах дворцового стиля — исчезают или перерождаются в абстрактные графические схемы.

И все же ахейская культура греков смогла многое заимствовать у минойцев. В том числе линейное слоговое письмо, религиозные обряды и божества, водопровод, фресковую живопись, фасоны одежды и многое другое.

Примерно через семьсот лет наступил расцвет ахейской микенской культуры. Но на землю Греции и прилегающие районы обрушилось второе нашествие греков-варваров, известных под именем дорийцев. После него начался новый период греческой истории — гомеровский, по имени слепого певца Гомера. Дорийское завоевание отбросило Грецию на несколько столетий назад. Дворцы, цитадели и целые города лежали в развалинах. Даже в Афинах, не разграбленных дорийцами, акрополь был покинут жителями. Произведения искусства дорийского периода по своему художественному уровню отделены уже настоящей пропастью от минойских или микенских времен. Время не просто замерло на две тысячи лет — оно как бы вернулось назад, к самым примитивным формам проявления человеческого духа, которые когда-то оставили далеко позади минойцы-пеласги и создатели Микен.

Подобные метаморфозы объясняются в конечном счете катастрофой в Атлантике.

Может быть, когда-нибудь по крупницам соберут древние песни и мифы. Пока же боги пеласгов носят нередко греческие имена, как, например, Зевс и Кронос. Имя Афины ближе к пеласгийским созвучиям. Минойский герой Икар, взлетевший в небо на крыльях, дошел до нас с исконным именем. Правила общерусского произношения дают его перевод: Игорь, т. е. «горевший».

Пятидесятивесельные этрусские корабли пентеконтеры достигали двадцатипятиметровой длины и бороздили средиземноморские просторы как вблизи Этрурии, так и в самых удаленных от нее местах. Боевые суда этрусков снабжались подводным металлическим тараном, который римляне называли ростром. На монетах Ветулонии и других этрусских городов-полисов можно увидеть изображение усовершенствованного якоря с двумя металлическими лапами. Нетрудно понять удобства, даваемые таким якорем: до его изобретения использовались якорные камни и корзины с камнями.

Мастер седьмого века до нашей эры изобразил морской бой. На палубах двадцативесельных кораблей стоят вооруженные воины. Один из кораблей явно собирается таранить противника. Это этруское судно.

У Этрурии периода античности были торговые связи со многими районами Средиземноморья. Этрусские мореходы выходили в Атлантику. Если верить Платону, те же морские пути были некогда ведомы и атлантам.

Впоследствии римляне, вознамерившиеся доказать свое происхождение от богов, постарались изгладить следы «толстых этрусков» из памяти человечества; остались лишь случайные упоминания в книгах историков. С последней древней цивилизацией пеласгов в Средиземноморье было покончено. Но вскоре стал клониться к упадку и Рим.

Понятно желание некоторых исследователей перенести Атлантиду из океана в Средиземное море, а заодно и подправить хронологию Платона. Так, А. Галанопулос и Э. Бэкон в своей книге «Атлантида: за легендой истина», вышедшей в Лондоне в 1970 году, попросту отождествляют Атлантиду с Критом. Аргументация авторов проста. Говоря о девяти городах-провинциях Ат-

лантиды, они пишут: «Царский город, по описанию Платона, был столицей равнины площадью 3000×2000 стадий. Если остальные девять городов, упомянутых в последних строках цитируемого отрывка, были столицами аналогичных по размеру областей, вся территория Атлантиды должна была занимать площадь около $30\,000 \times 20\,000$ квадратных стадий, т. е. превышать Малую Азию и обитаемую часть Северной Африки, вместе взятые. Длина Средиземного моря равняется примерно 2100 милям, а остров длиной 3400 миль явно не мог бы поместиться внутри Средиземноморского бассейна... Жрецы, узнав об огромных просторах только что открытого Атлантического океана, воспользовались случаем и переместили Атлантиду в этот океан. Не исключено, что именно тогда Атлантический океан и получил свое название — от перемещенной туда Атлантиды». Такова незатейливая аргументация атлантологов. Сделав сначала ошибку в определении площади Атлантиды и увеличив эту площадь ровно в десять раз (ибо десять примерно равных островов-провинций Атлантиды должны занимать только $3000 \times 20\,000$ квадратных стадий, атлантологи затем приписали жрецам желание перенести Атлантиду в Атлантику.

Излишне говорить, что ни Крит, ни Сантория не отвечают, да и не могут отвечать описанию Платона, раз и навсегда поместившего Атлантиду между Америкой и Европой. Говорят, что под Атлантическим океаном кора типично океаническая, она миль на десять тоньше коры материковой, а раз так — Платон ошибся. Но ведь не мешает отсутствие материковой коры располагаться в Атлантике целым архипелагам! Кроме того, катастрофа потому и произошла, потому и погрузилась Атлантида на дно, что размеры ее не соответствовали строению, толщине и напряжениям в океанической коре. Ведь падение гигантского метеорита обязательно должно вести к погружению большого острова на дно морское: это случается в той редкой ситуа-

ции, которая сложилась в Атлантике к тому времени. Пробив земную кору, этот метеорит не «растаял», он до сего дня вызывает все известные ученым явления в районе Бермудского треугольника.

* * *

В первый год своей жизни родившийся человек проходит стадию одного из своих предков, а именно — неандертальца. Даже строением тела годовалый ребенок напоминает о тысячелетиях эволюции. Затем следует переходный период — и ребенок становится кроманьонцем. Он строен, быстр, смекалист, любит рисовать, играть, бегать, ходить в походы. Именно на это всегда и во все времена должен иметь право двенадцатилетний мальчишка-кроманьонец. Попытка подправить эволюцию, сконцентрированную в одной человеческой жизни, ненамеренно приводит к печальным результатам: это почти все равно что нарушить естественный ход внутриутробного развития, заменив его с какого-то момента атлетической гимнастикой, искусственным вегетарианским питанием и игрой в шахматы.

Так уж получилось, что далекая катастрофа отозвалась и на человеке. Вопреки распространенному мнению эволюция человека разумного не только не кончилась тридцать тысяч лет назад, но она была как раз наиболее стремительна именно в эти последние тысячелетия. Массовая гибель кроманьонцев в прибрежных районах привела к исчезновению тех, кого древние источники называли великанами. Погибли атланты. Часть восточных атлантов уцелела на материке. Уцелевшие смешались с отдаленными потомками неандертальцев — по одной из ветвей их генеалогического древа. Так возник современный человек, не всегда понимающий ребенка-кроманьонца.

Вот что произошло, по сообщению одного журналиста, в Полинезии.

«Несколько лет назад жители Алеипата на восточном побережье острова Уполу заметили черную точку на горизонте. Море было бурное, и точка то появлялась, то исчезала в волнах. С наступлением темноты она приблизилась к проходу в рифах, окружающих лагуну, и когда была уже на расстоянии какой-нибудь мили от берега, все увидели, что это маленькая, очень неустойчивая лодка паопао. В ней сидел мальчик, на вид лет четырнадцати. Его появление вызвало своего рода сенсацию.

— Откуда ты приплыл, мальчик?

— Из Тутуили.

— Из Тутуили?! По такому морю?! Когда же ты оттуда вышел?

— Сегодня, перед восходом солнца.

— Как же тебе это удалось? Как волны не перевернули лодку?

— Переворачивали, и не один раз.

— Но как тебе пришло в голову плыть шестьдесят миль в такую бурю?

— Я родился на острове Токалау и хожу в школу в Паго-Паго. Так как начались каникулы, я решил воспользоваться случаем и побывать на Западном Самоа. Я подумал, что, может быть, какая-нибудь семья в Алеипата примет меня. Один старик одолжил мне паопао, дал на дорогу три кокосовых ореха. Вот я и приплыл.

Просто так проплыл шестьдесят миль по бурному морю! И на такой лодчонке, которая самое большее годится для плавания по лагуне!»

Случай этот, попавший в поле зрения журналиста, косвенно свидетельствует о том, что мы склонны недооценивать кроманьонца — мага, кудесника, человека безмерной смелости и силы духа. Но все эти и многие другие качества могут быть сохранены и умножены лишь при правильном воспитании.

Отказывая кроманьонцам в цивилизации, которую

они на самом деле создали, мы исходим скорее из своего собственного опыта, из опыта нашей цивилизации, отнюдь не первой по времени. Кроманьонская доисторическая цивилизация «морского типа» оставила нам точные карты Антарктиды и Америки, древнейшие гавани и молы, возраст которых требует уточнений, культурные растения, в том числе так называемую тропическую многолетнюю пшеницу, которую колумбийские ученые открыли в семидесятих годах двадцатого века, а индейцы с незапамятных времен использовали в пищу, предания и легенды о первых полетах человека, мифы о богах, впоследствии искаженные, методы кольцевания птиц, о чем рассказало бронзовое кольцо на ноге гигантского вымершего страуса-эпиорниса, которому шесть тысяч лет, — и многое другое.

И если найдется человек, который способен поверить, что в одном из уже обнаруженных поселений девять тысяч лет назад знали с десятков культурных растений потому, что жители сумели вырастить и выходить их за время нескольких вдруг прозревших поколений, — то он поверит в чудо, гораздо большее, чем Атлантида.

* * *

И главное из чудес — язык восточных атлантов, давший начало многим и многим языкам и диалектам. Ведь этрусское «тин» даже по-японски и по-китайски звучит почти так же: «тен», «тьен». Но день, небо, свет — главные слова в любом языке, они остались почти неизменными, другие же были переосмыслены, их не просто узнать. Но можно... Язык наш — чаша бурь. И это так удивительно, что уместны слова поэта, похожего на хетта с барельефа шагающих воинов:

«Ты скажешь: ветренная Геба, кормя Зевесова орла, громокипящий кубок с неба, смеясь, на землю пролила».

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ. ТЕНЬ В КРУГЕ

Переписка	5
Запись в дневнике	36
Еще одна запись в дневнике	39

Часть первая. КАНИКУЛЫ У МОРЯ

Камера хранения	43
Лучистый камень	46
Ни слова о гуманоидах!	52
Сон. Песня ветра	55
Непотерянный день	64
Незнакомка, я и Женя	67
Танцы на Голубой горке	71
Самшитовая роща	75
Догадка	86
Расставание	90

Часть вторая. СТАРЫЕ ГОРОДА

День рождения	97
Из дневника	105
Ищу предков. Геракл и Омфала	113
Яблоко раздора	117
Неудачная погоня	119
Ужин по-хеттски	124
Череп смерти и другие редкости	127
Непрошенные гости	132
Разговор с атлантологом	136
Охотник из Кро-Маньона	143
Оружие Джинса. Атланты против этрусков	148

Часть третья. МОЛОТ ГНЕВА

Во Владивосток, как сказано	162
Райерсон, Селфридж, Сандретто	170
Двойник начинает действовать	176
Морское кладбище	183

Молот гнева	184
Заплыв. Тревога. Обнадеживающая весть	191
Натюрморт с калиной и нефритовым кубком	196
Трезубец Нептуна	202

Часть четвертая. ЗАПАДНЯ

Хоста	212
Этруски на огневом рубеже	216
В западне	225
Традиционная прогулка	231
И снова оружие Джинса	235
Танцы на Броккене	241
День отъезда	249

Часть пятая. КЛЮЧИ МАРИИ

Встреча в кафе	251
Боязнь теней	253
Валерия	258
Гори, огонь	262
Письмо	265
Из дневника Чирова	267
Оранжевые мыши	278
Зеркало	284

ЭТРУССКАЯ ТЕТРАДЬ ВЛАДИМИРА САНИНА 292

Щербаков В.И.

Щ 61 Чаша бурь: Науч.-фантаст. роман. — М.: Мол. гвардия, 1985. — 319 с., ил. — (Б-ка сов. фантаст.). В пер.: 1 р. 100 000 экз.

В романе обсуждаются вопросы, связанные и с современностью, и с далеким прошлым Земли. Где располагалась Атлантида? С кем воевали атланты? Можно ли представить атлантов, доживших до наших дней? Эти и многие другие вопросы связаны с положением нашей планеты в Солнечной системе, ее геологическим прошлым, а также с влиянием космических факторов.

**Щ 4702010200—133
078(02)—85 149—85**

**ББК 84Р7
Р2**

ИБ № 4204

Владимир Иванович Щербаков

ЧАША БУРЬ

Редактор В. Фалеев

Художник Т. Дроздова

Рецензент И. Черных

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Е. Михалева

Корректоры И. Тарасова, Т. Песнова

Сдано в набор 09.12.84. Подписано в печать 01.04.85. А02206. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 14. Усл. кр.-отг. 14,42. Уч.-изд. л. 14,6. Тираж 100 000 экз. Цена 1 руб. Заказ 2237.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сушцевская, 21.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

1 руб.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ж
ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ ЧАША БУРЬ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ
ЧАША БУРЬ

